ЮБИЛЕЙНЫЙ

СБОРНИКЪ

КОСТРОМСКОГО ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ ПАМЯТЬ

300-лѣтія царствованія
ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

КОСТРОМА.
Губернская Типографія.
1913.

Изданіе Совѣта Костромского Церковно-Историческаго Общества, по благословенію Попечителя онаго Архіепископа Тихона и подъ редакціей Предсѣдателя, магистра богословія, И. Баженова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Данныя относительно пребыванія царя Михаила Ѳеодоровича Романова въ Ипатіевскомъ монастырѣ въ началѣ 1613 года. Предсѣдателя К. Церковно-Историческаго Общества *И. Баженова* 1

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Законоучителя гимназіи священника *М. Раевскаго* . . 24

Призваніе боярина Михаила Ѳеодоровича Романова на Московскій и всея Руси царскій престолъ. *И. Баженова* 46

Посѣщенія Макарьевскаго Унженскаго монастыря царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Священника *М. Раевскаго* 69

Вклады царя Михаила Ѳеодоровича, сохранившіеся донынѣ въ церквахъ и монастыряхъ Костромской епархіи. *И. Баженова* 87

Одноколка царя Михаила Ѳеодоровича и Маѳы Ивановны Романовыхъ. *И Баженова* 96

Стихиры Пятидесятницы. Изъ старинныхъ нотныхъ рукописей нотной библіотеки Костромского архіерейскаго хора, — изданы подъ редакціей о. регента того же хора *П. Потеряйко. Приложеніе.* . . . . . 1—19

Данныя относительно пребыванія царя Михаила Ѳеодоровича Романова въ Ипатіевскомъ монастырѣ въ началѣ 1613 г.

ВЪ 1913 году наступило радостное для Россіи свѣтлое торжество по случаю трехсотлѣтней годовщины царствованія Августѣйшаго Дома Романовыхъ. Въ виду этого грандіознаго юбилея, къ которому теперь обращены взоры всей Россіи и даже Европы, для всѣхъ истинно русскихъ гражданъ, искренно преданныхъ Царственному Дому и нелицемѣрно любящихъ свое отечество и св. православную вѣру, получаютъ современный интересъ и особенную цѣнность свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ обстоятельствамъ избранія и воцаренія боярина Михаила Ѳеодоровича Романова. Изъ событій же означеннаго времени безспорно высокое государственное значеніе имѣетъ событіе, совершившееся 14 марта 1613 года въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ. Разумѣемъ неизгладимый въ скрижаляхъ этой св. обители эпизодъ, когда шестнадцатилѣтній бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, склонившись на продолжительныя мольбы московскаго общеземскаго посольства, изъявилъ согласіе принять на себя бремя управленія въ конецъ разореннымъ русскимъ государствомъ, принять царскій скипетръ для надлежащаго умиротворенія давно раздираемаго смутами государства, для водворенія и упроченія въ немъ поколебленной государевой власти, для спасенія самой русской народности и вмѣстѣ православной вѣры отъ ига иновѣрныхъ поляковъ. Троицкій соборный храмъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ является и самъ по себѣ и въ своихъ памятникахъ выразительнымъ свидѣтелемъ какъ торжественнаго провозглашенія юнаго

Михаила Ѳеодоровича царемъ и великимъ княземъ всей Россіи, такъ и принесенія ему отъ всѣхъ сословій вѣрноподданнической присяги съ оказаніемъ ему первыхъ царскихъ почестей.

Сверхъ этого, Ипатіевскій монастырь въ ряду памятниковъ отечественныхъ древностей, имѣющихъ право на особенное вниманіе и уваженіе со стороны русскаго народа, занимаетъ весьма видное мѣсто и потому, что здѣсь Родоначальникъ Августѣйшаго Дома Романовыхъ нашелъ безопасное для себя убѣжище послѣ того, какъ самопожертвованіемъ И. Сусанина спасенъ отъ злодѣйскаго покушенія поляковъ на его жизнь въ с. Домнинѣ. Въ этой обители производятъ, по истинѣ, глубокое впечатлѣніе и вызываютъ высокія воспоминанія тѣ кельи или палаты, въ которыхъ боярин Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерію инокинею Марѳою имѣлъ пребываніе по благополучномъ удаленіи изъ с. Домнина и до самаго выѣзда его 19 марта 1613 г. въ престольный градъ Москву. Пребываніе Михаила Ѳеодоровича въ Ипатіевскомъ монастырѣ въ началѣ 1613 года составляетъ истину, глубоко укоренившуюся въ представленіи всѣхъ русскихъ людей и достаточно установленную самой исторической наукой, и эпизодъ означеннаго мѣстопребыванія отнюдь не является такимъ вопросомъ, что, не говоря о т. н. широкой публикѣ, будто-бы и „ученымъ историкамъ трудно разобраться въ немъ безъ подготовки“. Не вдаваясь въ изложеніе косвенныхъ доказательствъ, мы представимъ здѣсь лишь положительныя данныя въ подтвержденіе того событія, что бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ въ началѣ 1613 года, и въ частности во время прибытія именитаго московскаго посольства въ г. Кострому съ предложеніемъ ему царской короны, пребывалъ именно въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

Предварительно самаго представленія соотвѣтственныхъ положительныхъ данныхъ считаемъ необходимымъ хотя въ краткихъ чертахъ обрисовать тѣ исключительныя обстоятельства, которыми обусловливалось трактуемое мѣстопребываніе юнаго боярина Михаила Романова. То было при самомъ окон-

чаніи почти десятилѣтняго смутнаго періода, тягчайшаго для русскаго государства и св. православной церкви, когда Россія была внѣшне разорена злодѣйствами поляковъ и литовцевъ, безнаказанно производившихъ насилія и опустошенія въ городахъ и весяхъ, когда глубоко потрясены были основы государственной ея жизни какъ самымъ появленіемъ разныхъ самозванцевъ, уже съ 1605 года претендовавшихъ на русскій тронъ, такъ и усиленными стремленіями утвердить на московскомъ престолѣ польскаго королевича Владислава сына Сигизмунда III. Печальное и даже гибельное состояніе Россіи тогда весьма много обусловливалось и довершалось и гнусными интригами и раздорами среди русскихъ вельможъ, изъ коихъ оказалось немало измѣнниковъ отечеству. Но вотъ великими и незабвенными трудами русскихъ патріотовъ—князя Димитрія М. Пожарскаго, гражданина Косьмы З. Минина и келаря Троице-Сергіевой лавры Авраамія Палицына Москва 22 октября 1612 года и затѣмъ къ концу этого года многія веси Россіи были очищены отъ враговъ внѣшнихъ. Тогда-то, именно 22 октября бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью инокинею Марѳою былъ освобожденъ изъ плѣна въ московскомъ кремлѣ, въ которомъ польскіе начальники держали ихъ вмѣстѣ съ дядей Иваномъ Никитичемъ въ качествѣ заложниковъ. По освобожденіи своемъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерію, по свидѣтельству историческихъ памятниковъ, отправился на жительство въ свою костромскую вотчину—село Домнино (въ 70 в. отъ г. Костромы). Здѣсь проживали они въ полной надеждѣ, что достаточно укрыты отъ военныхъ бурь того времени и вражескихъ нападеній, и юный Михаилъ не вѣдалъ о томъ, что, согласно завѣту патріарха Гермогена, былъ избранъ на всероссійскій тронъ, великимъ общеземскимъ соборомъ въ Москвѣ 12 февраля 1613 года, созваннымъ для избранія царя православнаго. Въ недѣлю православія 21 февраля вся Москва уже присягнула единодушно новоизбранному царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову, и вскорѣ же къ нему было отправлено именитое общеземское посольство.

Но прежде чѣмъ посольство успѣло прибыть въ г. Кострому для предложенія короны Михаилу Ѳеодоровичу, онъ подвергся великой опасности отъ поляковъ. Узнавши о томъ, что на московскомъ земскомъ соборѣ рѣшительно избранъ царемъ этотъ бояринъ вмѣсто ранѣе предположеннаго польскаго королевича Владислава, поляки составили дерзкій умыселъ—въ цѣляхъ воцаренія Владислава отнять у Россіи новоизбраннаго царя православнаго. Одному изъ польско-литовскихъ отрядовъ, продолжавшихъ бродить для грабежа въ мѣстахъ приволжскихъ и заволжскихъ, поручено было тайно проникнуть въ с. Домнино, чтобы внезапнымъ нападеніемъ тамъ захватить Михаила Ѳеодоровича и отправить его въ Польшу, а въ случаѣ сопротивленія даже убить его. Но жизнь всенародному избраннику на царство спасъ своимъ патріотическимъ подвигомъ староста Домнинской вотчины Романовыхъ Иванъ Осиповичъ Сусанинъ, который ночью, во время сна утомившихся отъ блужданія по лѣсной глуши поляковъ, намѣренно заводимыхъ имъ подалѣе отъ Домнина, имѣлъ возможность съ осторожностію разсказать разыскавшему его здѣсь зятю Богдану Сабинину о великой опасности для Михаила Ѳеодоровича и его матери, при чемъ просилъ зятя какъ можно скорѣе извѣстить ихъ объ этомъ. Затѣмъ, утромъ снова и долго поводивши поляковъ по лѣснымъ чащамъ и полузамерзшимъ болотамъ, съ цѣлію, повидимому, отыскать затерянную дорогу къ Домнину, доблестный патріотъ — старецъ, вполнѣ увѣренный, что Б. Сабининъ уже успѣлъ выполнить данное порученіе о предувѣдомленіи Романовыхъ, самъ неустрашимымъ своимъ признаніемъ разрѣшилъ догадку поляковъ о томъ, что они обмануты своимъ невольнымъ проводникомъ, и тогда Сусанинъ послѣ многихъ пытокъ былъ убитъ поляками въ 10 верстахъ отъ Домнина, близъ села Исупова, при болотѣ „Чистое“.

Получивши въ своемъ Домнинскомъ помѣстьи чрезъ Б. Сабинина страшное извѣстіе о близкой опасности отъ злодѣевъ, бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и его мать инокиня Марѳа сочли для себя небезопаснымъ дальнѣйшее пребываніе въ

с. Домнинѣ и вынуждены были поспѣшно бѣжать. Но какія же мѣста могли быть тогда наилучшими для ихъ укрывательства отъ злодѣевъ, какъ не монастыри и хорошо защищенные города?! Однако, какой либо глухой или провинціальный монастырь при столь опасномъ положеніи для Романовыхъ не могъ представлять собой надежнаго для нихъ убѣжища. На разстояніи 15 верстъ отъ Домнина находился Желѣзноборовскій монастырь, устроенный въ лѣсной тогда труднопроходимой чащѣ. Но для сына и матери Романовыхъ, иногда здѣсь проживавшихъ нѣсколько времени, не было никакого основанія теперь избрать этотъ монастырь для своего убѣжища, такъ какъ здѣсь жизнь ихъ не была бы безопасна вслѣдствіе слабаго укрѣпленія этой обители, притомъ малолюдной. Монастырь Макаріево-Унженскій, въ которомъ Михаилъ Ѳеодоровичъ малолѣтнимъ, во время пребыванія родителей въ ссылкѣ, нѣкоторое время сохранялся подъ покровительствомъ строителя изъ бояръ—старца Давида Хвостова, отстоялъ отъ с. Домнина на 120 верстъ, а отъ г. Костромы на 186 верстъ. И въ этомъ малолюдномъ и неукрѣпленномъ монастырѣ среди пустынныхъ мѣстъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и мать его одинаково не могли чувствовать себя безопасными отъ погибели со стороны злобно преслѣдовавшихъ его поляковъ. Въ виду этого представляется вполнѣ понятнымъ, что они — Романовы, по извѣщеніи Сабининымъ о появленіи злодѣйской шайки поляковъ, тотчасъ рѣшили и во-время успѣли быстро уѣхать въ г. Кострому, такъ какъ здѣсь для нихъ было болѣе безопасныхъ мѣстъ, къ тому же достаточно устойчивыхъ въ защитно-боевомъ отношеніи. Гдѣ же въ гор. Костромѣ пребывали они или, точнѣе, укрывались отъ преслѣдованій поляковъ въ началѣ 1613 года? Съ одной стороны, такимъ мѣстомъ могъ бы быть Костромской кремль, въ которомъ находился собственный дворъ Марѳы Ивановны, а съ другой стороны, крѣпкую защиту могли представлять Ипатіевскій и Богоявленскій мужскіе монастыри, находившіеся за посадами. По всѣмъ даннымъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ съ матерію инокинею Марѳою въ началѣ 1613 года, послѣ

покушенія на его жизнь со стороны поляковъ въ с. Домнинѣ, отправился въ Ипатіевскій монастырь и въ немъ имѣлъ безопасное убѣжище.

Прежде всего, въ Дворцовыхъ Разрядахъ, въ общемъ представляющихъ запись всего происходившаго при царскомъ дворѣ, въ 1 томѣ, изд. 1850 г., гдѣ помѣщены на 11—106 стран. подлинныя граматы, относящіяся къ призванію Михаила Ѳеодоровича на царство, такъ говорится о прибытіи въ Кострому московскаго именитаго посольства, получившаго наказъ „ѣхати къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу въ Ярославль или гдѣ онъ государь будетъ". „И мы,—писали въ мартѣ 1613 года къ властямъ и боярамъ въ Москву Ѳеодоритъ архіепископъ рязанскій и бояринъ Ѳедоръ И. Шереметевъ съ товарищи,—пріѣхали къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи на Кострому [1]) марта въ 13 день въ вечерню, и государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи пожаловалъ, велѣлъ намъ быти у себя государя марта въ 14 день. И мы сослався города Костромы съ воеводы и со архимариты и со игумены и съ дворяны и съ дѣтьми боярскими и со всякими служивыми людьми и съ гостьми и съ торговыми и со всякими жилецкими людми пришли съ чюдотворными образы Пречистыя Богородицы и и московскихъ чюдотворцовъ и со кресты *въ Ипацкой монастырь* къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи и государь Михайло Ѳедоровичь и государыня наша великая старица инока Марѳа Ивановна образы встрѣтили за монастыремъ и насъ всѣхъ пожаловали очи свои дали видѣть"... (53 стр.). Также, въ граматѣ, послѣ 23 марта 1613 года, зем-

[1]) Выраженіе «*на* Кострому» отлично отъ выраженія «*въ* г. Кострому» аналогично различенію «*на* Костромѣ» и «*въ* Костромѣ». Смыслъ предлога *въ* при опредѣленіи мѣстности тѣснѣе и точнѣе предлога *на:* такъ «*въ* Кострому» ясно выражаетъ направленіе только въ городъ Кострому, между тѣмъ выраженіе «*на* Кострому» гораздо неопредѣленнѣе и шире, въ смыслѣ обозначенія не города только, но и рѣки и всей области, орошенной ея притоками. Отсюда выраженіе «*на Кострому*» слѣдуетъ здѣсь понимать такъ, — что Михаилъ Ѳеодоровичъ во время прибытія пословъ жилъ не въ самомъ городѣ Костромѣ, а внѣ его, или за посадомъ,—въ данномъ же случаѣ—въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

скаго совѣта къ архіепископу Ѳеодориту и къ боярину Ѳедору И. Шереметеву съ товарищами о томъ, чтобы они неотступно просили царя Михаила Ѳеодоровича немедленно ѣхать изъ Костромы въ Москву, читаемъ: „и государь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи пожаловалъ, велѣлъ вамъ быти у себя государя марта въ 14 день и вы де и всякихъ чиновъ люди и города Костромы и иныхъ городовъ служилые и посадскіе люди къ нему государю прибыли съ чюдотворными образы пречистой Богородицы и московскихъ чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны и со кресты *въ Ипацкой монастырь* и... отъ насъ и отъ всей земли били челомъ и молили“... (1066 стр.). Также, по описанію въ Троицкомъ Лѣтописцѣ (256 л.) самовидца келаря Авраамія Палицына и въ сказаніи о самозванцахъ, напечатанномъ въ XVI книгѣ Временника Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ (135 стр.), московское посольство въ этой торжественной процессіи прибыло къ Михаилу Ѳеодоровичу *въ Ипатіевскій монастырь*. Все изложеніе въ этихъ четырехъ цитируемыхъ нами древнѣйшихъ документахъ явственно проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ или даетъ читателю только ту мысль, что Михаилъ Ѳеодоровичъ во время прибытія московскаго посольства въ Кострому пребывалъ опредѣленно въ Ипатіевскомъ монастырѣ, который имъ былъ избранъ для этого, видимо, гораздо ранѣе.

Далѣе. Въ прошеніи бѣлопашца Ивана Лукьянова Сабинина изъ потомковъ Ивана Сусанина, поданномъ 1 февраля 1731 г. въ Московскій приказъ, между прочимъ, значится слѣдующее. „Во 121 (1613) году приходилъ изъ Москвы на Кострому великій государь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ съ матерью своею инокою Марѳою Ивановною и были въ Костромскомъ уѣздѣ въ дворцовомъ селѣ Домнинѣ, въ которую бытность ихъ въ селѣ Домнинѣ приходили польскія и литовскія люди; поймавъ многихъ языковъ пытали и распрашивали про него великаго государя, которые языки сказали имъ, что великій государь имѣетца въ ономъ селѣ Домнинѣ и въ это время прадедъ ево онаго села Домнина крестьянинъ Иванъ Сусанинъ

взятъ оными польскими людьми, а деда ихъ Богдана Сабинина, а своего зятя оной Сусанинъ отпустилъ въ село Домнино свес(т)ью къ великому государю, чтобъ великій государь шелъ на Кострому *въ Ипацкой монастырь*"... („Ср. памяти И. Сусанина", В. Самарянова, 1884 г., Рязань, Прилож. IV, 76—77 стр.). Въ приведенномъ документѣ заключается въ пользу раскрываемаго нами положенія свидѣтельство, правда, сравнительно въ позднее время, именно-спустя 118 лѣтъ по смерти Сусанина, но нужно здѣсь имѣть въ виду, что документъ этотъ отнюдь не представляетъ собою записи только преданія или простое изложеніе сказанія о подвигѣ этого прадѣда—великаго патріота. Характеръ и значеніе именно стариннаго документа, для насъ же удостовѣрительнаго, придаетъ этому прошенію то обстоятельство, что оно, написанное свѣдущимъ правнукомъ Сусанина и внукомъ Сабинина, есть не какое нибудь частное письмо, а прошеніе для подачи въ правительственное учрежденіе, въ каковомъ документѣ нельзя было допустить какую либо прикрасу или небывальщину. Прошеніе это представляетъ собою несомнѣнно повтореніе или, лучше, копію такихъ же ходатайствъ въ правительственныя учрежденія, уже ранѣе не разъ, въ 1644, 1652 и 1692 годахъ, представленныхъ потомками Сусанина и Сабинина о выдачѣ подтвердительныхъ граматъ о пожалованіи въ 1619 и 1633 годахъ имъ за подвигъ прадѣда земельныхъ надѣловъ и особыхъ преимуществъ. Послѣднія слова въ выдержкѣ „Богдана Сабинина своего зятя Сусанинъ отпустилъ въ Домнино свес(т)ью къ великому государю, чтобы великій государь шелъ на Кострому въ Ипацкой монастырь", не составляя по себѣ существеннаго въ прошеніи, излагаютъ идущее несомнѣнно со времени самаго событія и точно утвердившееся общее представленіе о томъ, что для Михаила Ѳеодоровича тогда въ критическомъ его положеніи безопаснымъ убѣжищемъ отъ злобныхъ поляковъ признавался, какъ и оказался, лишь Ипатіевскій монастырь.

Это убѣжденіе затѣмъ рѣшительно выражено въ тѣхъ старинныхъ рукописныхъ сказаніяхъ о подвигѣ спасенія И. Сусанинымъ жизни Михаила Ѳеодоровича, которыя еще въ 1820 г.

находились въ пользованіи у Павла П. Свиньина, извѣстнаго ученаго издателя „Отечественныхъ Записокъ“ (см. № 1, 1820 г., 32 стр.). Изъ такихъ сказаній имѣется въ Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи пожертвованная дворяниномъ Г. В. Мягковымъ рукопись тит. сов. Ивана Д. Іорданскаго отъ половины сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія, подъ заглавіемъ „Краткая исторія о несчастіяхъ боярина Ѳедора Никитича Юрьева-Романова, родныхъ его и супруги Ксеніи, рожденныхъ Шестовыхъ, также о спасеніи отъ поляковъ и литвы въ 1613 году ихъ сына Михаила“... По изложенному въ этихъ рукописяхъ преданію, заимствованному изъ „одной древней лѣтописи“, бурмистръ Домнинской вотчины Иванъ Сусанинъ, при появленіи поляковъ около с. Домнина, по одному преданію, спряталъ Михаила Ѳеодоровича въ подземныхъ тайникахъ усадебнаго въ Домнинѣ господскаго дома, а по другой версіи (записанной у А. Козловловскаго, прот. М. Діева, Д. И. Иловайскаго и др.) Сусанинъ увезъ Михаила Ѳеодоровича изъ барскаго его дома въ свою деревню Деревнищи и тамъ скрылъ его въ ямѣ овина, сгорѣвшаго предъ тѣмъ за два дня, осторожно заложивъ Михаила обгорѣлыми бревнами. По примѣру выдающихся нашихъ историковъ (напр. Д. И. Иловайскаго) не придавая значенія правдоподобности сказаніямъ относительно указанныхъ способовъ спасенія Михаила Ѳеодоровича и притомъ не имѣя нужды входить въ разсмотрѣніе по существу означенныхъ сказаній, хотя небезынтересныхъ по подробностямъ, мы признаемъ очень важнымъ по изслѣдуемому нами вопросу слѣдующее мѣсто въ рукописи. Когда дочь Сусанина Антонида (по ошибочной народной молвѣ Стефанида, какъ въ рукописи), на другой день по прибытіи поляковъ въ Домнино узнавши о мученической отъ нихъ кончинѣ своего родителя, горько оплакивала его, „таковой плачъ и крики народа, проклинавшаго жестокость злодѣевъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ услышавъ въ ямникѣ, подалъ о себѣ голосъ. Почему крестьяне, раскидавъ это убѣжище, съ многолюдствомъ проводили его къ матери Маѳѣ Ивановнѣ на Кострому, а тамъ онъ помѣстился въ мужскомъ *Ипатіевскомъ*

монастырь, огражденномъ каменною стѣною съ башнями и стрѣльницами и желѣзными воротами, на проживательство въ безопасности, а въ Богоявленскомъ монастырѣ, тоже окруженномъ толстыми каменными стѣнами и башнями со стрѣльницами и желѣзными воротами, остаться не разсудилъ, по причинѣ недавняго избіенія въ немъ братіи злодѣями поляками". Такъ здѣсь съ выразительностію указывается, что изъ двухъ наиболѣе укрѣпленныхъ мѣстъ въ г. Костромѣ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ избранъ для безопаснаго жительства Ипатіевскій монастырь съ его незыблемою крѣпостію,—въ которомъ юный Михаилъ и мать его инокиня, конечно, не разъ бывали [1]) на богомольи хотя на короткое время, и уже тогда хорошо понимали важное значеніе его какъ военной защитной крѣпости.

Слѣдуетъ при этомъ принять во вниманіе и самыя владѣтельныя права боярина Михаила Ѳеодоровича на Ипатіевскій монастырь. Со смертію Ѳедора Борисовича Годунова (1 іюня 1605 г.) и жены царя Бориса Маріи, считавшихся попечителями Ипатіевскаго монастыря, послѣдній поступилъ на попеченіе уже Ѳеодора

[1]) Стоитъ здѣсь привести нижеслѣдующее мѣстно-народное представленіе изъ записаннаго Н. Виноградовымъ «Сказанія о спасеніи отъ поляковъ Михаила Ѳеодоровича Романова и о подвигѣ крестьянина Ивана Сусанина» (Костромская Старина, вып. VII, 1912 г. 117—124 стр.). «Кромѣ (многихъ въ Костромской губерніи) усадебъ было у нихъ (Михаила Ѳеодоровича и матери его Марѳы І.) еще въ Ипатьевскомъ монстырѣ въ родѣ дачи—домъ съ дворомъ. Здѣсь они чаще и свидались, потому что мѣсто было крѣпкое: облизь (вблизи) города и кругомъ высокія стѣны» (118 стр.). Далѣе говорится, что когда весь народъ высказался въ Москвѣ въ пользу избранія царемъ боярина Михаила Ѳеодоровича, тѣ князья и бояре, которымъ непріятно было это, хотя изъ боязни народной ярости за свой протестъ согласились отправить посольство—просить Михаила Ѳеодоровича на царство, сами однакоже дали тайкомъ знать полякамъ, «чтобы какъ ни есть извели новаго царя». Въ это время «Михаилъ Ѳеодоровичъ и его мать съѣхались въ своемъ домѣ въ Ипатьевскомъ монастырѣ» (стр. 119.). Въ виду же того, что поляки стали все чаще появляться около этого монастыря, въ который между тѣмъ боялись вступить,—случайно тогда прибывшій по хозяйственнымъ дѣламъ къ Марѳѣ Ивановнѣ староста ея Домнинской вотчины И. Сусанинъ для спасенія сына Михаила Ѳеодоровича отъ угрожавшей опасности, по соглашенію съ матерію его, «завилъ въ возъ сѣна (положилъ въ средину воза), только дырочку оставилъ, чтобы дышать было можно», и такимъ образомъ привезъ къ себѣ домой и затѣмъ, по совѣщаніи съ зятемъ Б. Сабининымъ, укрылъ «въ омшанникѣ» (мионая часть скотнаго двора) въ яму подъ коровьими яслями.

Никитича Романова, въ иночествѣ Филарета, такъ какъ ему этотъ монастырь былъ подаренъ Лжедимитріемъ I (Д. Иловайскій, С. Платоновъ и др.), который въ день коронованія своего 30 іюля 1605 года назначилъ Филарета ростовскимъ митрополитомъ, при чемъ къ его епархіи принадлежалъ и Ипатіевскій монастырь. Отъ Филарета Никитича, который и вторымъ самозванцемъ былъ утвержденъ во владѣніи этою обителію, она естественно поступила на ближайшее попеченіе сына его Михаила Ѳеодоровича. Къ этому же юному Романову родственные Борису бояре Годуновы, уже явно тогда утратившіе государственное свое значеніе, не могли питать вражды или нерасположенія теперь, спустя слишкомъ семь лѣтъ по смерти Бориса, явившагося изъ династическихъ расчетовъ главнымъ врагомъ бояръ Романовыхъ, и тѣмъ болѣе, что Годуновымъ не были неизвѣстны почти всеобщія симпатіи и выборные на царство въ Москвѣ голоса въ пользу Михаила Ѳеодоровича. Отсюда же и монахи Ипатіевской обители, при всемъ традиціонномъ уваженіи къ фамиліи Годуновыхъ, какъ давнихъ благотворителей ея, теперь не могли рѣшиться отказать въ благосклонномъ пріемѣ попечителю монастыря Михаилу Ѳеодоровичу Романову. Подтвержденіе того, что онъ фактически состоялъ попечителемъ или какъ бы хозяиномъ Ипатіевскаго монастыря, представляетъ самое назначеніе инокини Марѳы и вмѣстѣ Михаила московскому посольству совершить пріемъ его въ этомъ монастырѣ какъ своемъ. Такимъ образомъ, по самому праву и притомъ безъ всякихъ опасеній за злобныя къ себѣ отношенія со стороны Годуновыхъ и самыхъ монаховъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и и мать его инокиня въ началѣ 1613 года въ критическихъ для себя обстоятельствахъ избрали убѣжище въ томъ монастырѣ, который покровительствуемъ и благоукрашаемъ былъ и Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ. Въ виду несомнѣнности факта пребыванія Михаила Ѳеодоровича въ Ипатіевскомъ монастырѣ старѣйшій исторіографъ этой обители костромской епископъ Павелъ (въ 1830 году) восклицаетъ восторженно: „Подивимся здѣсь съ благоговѣніемъ неисповѣдимымъ путямъ Промысла

небеснаго! Обитель, основанная во славу Божію благочестивымъ родоначальникомъ Годуновыхъ, преукрашенная и возвеличенная усердными приношеніями Годуновыхъ, со славою сохранила жизнь того, который, какъ близкій родственникъ царскій, злобно гонимъ былъ однимъ изъ фамиліи Годуновыхъ!" (56 стр.).

Кромѣ приведенныхъ данныхъ, самыя кельи или палаты бояръ Романовыхъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ представляютъ вѣское доказательство того, что Михаилъ Ѳеодоровичъ отъ преслѣдованій поляковъ въ началѣ 1613 года укрывался въ этомъ именно монастырѣ, а не въ другомъ какомъ либо мѣстѣ г. Костромы. Построенныя еще ранѣе 1586 года на средства боярина Димитрія И. Годунова, эти каменныя кельи, какъ лучшее изъ монастырскихъ зданій по своему благоустройству, были занимаемы начальственными иноками, — первоначально келарями, а съ 1598 года — намѣстниками обители, послѣ чего имъ усвоено было названіе намѣстническихъ келій. При обычной тогда тѣснотѣ и темнотѣ помѣщеній, эти кельи однако совмѣщали въ себѣ достаточныя удобства для уютной боярской жизни XVII вѣка: въ нихъ оказались въ верхнемъ этажѣ отдѣльные покои для Михаила Ѳеодоровича, именно съ лѣвой стороны отъ входа изъ сѣней, и отдѣльная половина для матери его — инокини Марѳы, что съ правой стороны отъ входныхъ въ сѣни дверей, также особыя помѣщенія въ нижнемъ этажѣ для прислуги и хозяйства, и такое именно различеніе или назначеніе комнатъ въ намѣстническихъ кельяхъ издревле утвердилось въ сознаніи насельниковъ обители и мѣстныхъ историковъ. Исторія этихъ келій или палатъ показываетъ намъ, что послѣ 1613 года онѣ до начала XIX столѣтія служили исключительно нуждамъ монастыря. Несомнѣнно, что уже съ 1613 года въ Ипатіевской обители свято сохранялась память о томъ, что въ этихъ кельяхъ проживалъ юный бояринъ, потомъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Только особаго значенія историческаго имъ не придавалось и даже до XIX вѣка, и мы не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ или монастырскихъ записей о томъ, что онѣ пользовались особымъ вниманіемъ

самого царя Михаила Ѳеодоровича. Лишь съ перемѣщеніемъ отсюда въ 1802 году духовной семинаріи (бывшей тутъ съ 1797 года) снова на Запрудню въ возобновленныя послѣ пожара собственныя ея зданія настолько уяснилось въ сознаніи монастырскаго начальства высокое значеніе тѣхъ келій, въ которыхъ жилъ первый Царь изъ Дома Романовыхъ, что ихъ стали считать мѣстомъ священнымъ, почему онѣ должны бы быть свободны отъ помѣщенія въ нихъ простыхъ лицъ, должны тщательно охраняться и содержаться въ порядкѣ и образцовой чистотѣ. Съ этого времени корпусъ намѣстническій сталъ предметомъ особеннаго вниманія, заботъ и уваженія, такъ что въ немъ никому даже изъ властей монастырскихъ не позволялось помѣщаться на жительство. Несомнѣнно, уже тогда прочно утвердилось за этимъ корпусомъ ранѣе изрѣдка примѣняемое названіе „Палаты“ или „Дворецъ царя Михаила Ѳеодоровича“, также „Царскіе чертоги“. О нихъ въ лѣтописяхъ начала XIX вѣка встрѣчаются такія замѣчанія: „кельи тѣ самыя, гдѣ государь Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ пребываніе со своею родительницею, остаются донынѣ въ своемъ видѣ и никѣмъ не занимаются“ или: „кельи царя Михаила Ѳеодоровича остаются неприкосновенными въ первобытной своей простотѣ“ (въ Описаніи Ипат. монастыря, еп. Павла 1832 г.).

Но почему же ни отъ времени Михаила Ѳеодоровича, ни отъ временъ вѣнценосныхъ его потомковъ не имѣется до начала XIX вѣка письменныхъ указаній на то, что намѣстническія кельи, сдѣлавшіяся историческими въ виду пребыванія или сохраненія въ нихъ Родоначальника Романовыхъ, пользовались особымъ покровительствомъ и уваженіемъ? Извѣстно, что уже наслѣдникъ перваго царя изъ фамиліи Романовыхъ Алексѣй Михайловичъ много заботился о томъ, чтобы воцареніе Михаила Ѳеодоровича въ Ипатіевскомъ Троицкомъ соборномъ храмѣ, это великое государственное событіе, сохранялось въ народной памяти со всѣми современными ему подробностями, мѣстами дѣйствія и лицами дѣйствовавшими. Съ этою цѣлію по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича составлено было

нѣсколько историческихъ записокъ о воцареніи Михаила Ѳеодоровича, и даже съ драгоцѣнными лицевыми изображеніями. Но каждая изъ такихъ записокъ начиналась, по историческому ходу самыхъ событій, обычно съ описанія прибытія Московскаго посольства въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ совершилось это воцареніе, и вотъ почему въ этихъ книгахъ первое или даже исключительное мѣсто занимаетъ этотъ эпизодъ и моленіе въ Ипатіевскомъ монастырѣ новоизбранному Царю о принятіи имъ самодержавія и самое воцареніе въ Троицкомъ соборномъ храмѣ, между тѣмъ намѣстническія кельи и палаты царя Михаила Ѳеодоровича оставлены въ тѣни и о нихъ почти не упоминается. Съ другой стороны, нужно имѣть въ виду то, что въ XVII, да и въ XVIII вѣкѣ не было въ обычаѣ современнаго общества, не было принято оказывать знаковъ особаго вниманія къ какимъ-бы то ни было зданіямъ не церковнаго характера. Если уже въ XIX вѣкѣ потребовалось изданіе особыхъ законовъ для сохраненія отъ разрушенія и передѣлки памятниковъ древней даже церковной архитектуры, то въ XVII вѣкѣ никому и на мысль не могло притти — имѣть особое попеченіе о тѣхъ монастырскихъ кельяхъ, въ которыхъ временно пребывалъ юный бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, затѣмъ всероссійскій государь. Напротивъ, въ обычаѣ благочестивыхъ нашихъ предковъ XIV — XVII вѣковъ было — на память о какомъ либо замѣчательномъ событіи, касавшемся проявленія православной вѣры или интересовъ государства, устроять цѣлые монастыри, или воздвигать одни храмы, также жертвовать св. иконы или только укращать существующія, равно прилагать въ перкви богослужебныя принадлежности и т. п.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что Ипатіевскій монастырь вообще, вмѣстѣ съ своими знаменитыми кельями ранѣе намѣстническими, пользовался въ царственной фамиліи Романовыхъ особеннымъ вниманіемъ и благорасположеніемъ, какъ доказываютъ то многія привилегіи, данныя монастырю, и драгоцѣнные вклады. Принявъ во вниманіе, что царственные потомки Романовы, по свидѣтельству многочисленныхъ доку-

ментовъ, высоко цѣнили своихъ доброжелателей и щедро вознаграждали даже за незначительныя услуги, когда либо и кѣмъ бы то ни было имъ оказанныя, мы можемъ вполнѣ удовлетворительно объяснить великую ихъ щедродательность въ Ипатіевскую обитель только при признаніи той истины, что Родоначальникъ Дома Романовыхъ въ началѣ 1613 года въ кельяхъ Ипатіевскаго монастыря нашелъ для себя надежное убѣжище отъ покушавшихся на его жизнь поляковъ. Мы не будемъ здѣсь говорить о всѣхъ пожертвованіяхъ, между прочимъ, различными церковно-служебными принадлежностями и о привилегіяхъ, данныхъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Ипатіевскому монастырю, подробно перечисленныхъ протоіереемъ П. Островскимъ въ описаніи (изд. 1870 г.) этого монастыря. Упомянемъ лишь о жалованной граматѣ его отъ 4 марта 1614 г., которой дарована монастырю весьма важная по тѣмъ временамъ привилегія, именно право освобожденія монастырскихъ слугъ отъ крестнаго цѣлованія въ исковыхъ дѣлахъ. Еще ранѣе, за нѣсколько дней до своего коронованія въ Москвѣ 11 іюля 1613 года Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ въ Ипатіевскій Троицкій соборный храмъ изящное высокое царское мѣсто, рѣзанное изъ липоваго дерева, остроконечное, на подобіе древней великокняжеской короны, имѣющее на верху и по бокамъ государственные гербы. Въ 1616 г. онъ же 16 февраля приложилъ три большихъ золотыхъ шведскихъ медали къ мѣстному образу Пресв. Троицы въ томъ-же храмѣ. Но съ особенною силою уваженіе къ этому монастырю со стороны Михаила Ѳеодоровича выразилось въ томъ, что въ 1619 году, вмѣстѣ съ матерію инокинею Марѳою совершая нарочитое по обѣту путешествіе къ святымъ мѣстамъ костромскимъ, они, движимые чувствами благодарности къ святынямъ костромскимъ, благодатною силою которыхъ по ихъ вѣрѣ дивно сохранена въ началѣ 1613 г. жизнь Михаила Ѳеодоровича и совершилось воцареніе его, неоднократно въ свое пребываніе въ Костромѣ съ 11 по 15 сентября приходили въ Ипатіевскій монастырь и соборный въ немъ храмъ и, безъ сомнѣнія, не могли оставить

безъ посѣщенія тѣхъ келій, въ которыхъ ранѣе имѣли временное пребываніе. Такъ надобно представлять, во первыхъ, потому, что въ природѣ человѣка—въ счастіи не забывать тѣхъ мѣстъ и лицъ, которыя оказали ему пріютъ въ несчастіи, и во вторыхъ, на основаніи самого плана настоящаго путешествія: посѣтивъ св. мѣста въ г. Костромѣ собственно, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и мать его не оставили безъ посѣщенія своей Домнинской усадьбы, о которой, какъ о тихомъ убѣжищѣ послѣ московскаго осаднаго сидѣнья, не могли забыть и на царскомъ тронѣ; тѣмъ болѣе не могли они забыть и не посѣтить тѣхъ намѣстническихъ келій, которыя послужили надежнымъ пріютомъ въ опасное время. Далѣе, самый выѣздъ царя Михаила Ѳеодоровича въ Москву именно изъ Ипатіевскаго монастыря служитъ доказательствомъ пребыванія его здѣсь, въ этой обители. На томъ мѣстѣ, уже за стѣнами монастырскими, до котораго костромичи 19 марта 1613 года съ крестнымъ ходомъ сопровождали богоизбраннаго царя при отъѣздѣ въ Москву и на которомъ онъ сѣлъ въ повозку для отправленія въ путь, въ 1642—43 годахъ монастырскимъ начальствомъ, съ дозволенія государя, устроена особая башня, при возведеніи новой каменной монастырской ограды (т. н. „Новый городъ“). Башня эта притомъ была покрыта въ отличіе отъ прочихъ башенъ дорогою зеленою черепицею, почему и носитъ названіе „зеленой“. Наконецъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ высоко цѣнилъ Ипатіевскую обитель и въ частности тѣ кельи, въ которыхъ укрывался въ началѣ 1613 года и о которыхъ сохранялъ и по воцареніи своемъ живое благодарное воспоминаніе, можно съ вѣроятностію заключать изъ того, что въ тѣхъ кельяхъ ветхости были исправлены по повелѣнію его—царя какъ въ 1621 году, когда была произведена надстройка монастырской ограды, такъ и въ 1642 году, когда прибавлена новая площадь въ 2250 кв. саженъ съ западной стороны и обнесена каменною стѣною съ тремя башнями. Весьма вѣроятно, что это прибавленіе значительной площади вблизи намѣстническихъ келій, какъ и возвышеніе ограды, имѣло цѣлію, въ

виду возможнаго въ тѣ времена нападенія на мирную обитель, защитить такимъ образомъ тотъ домъ или кельи, которыя были ему, конечно, дороги, какъ послужившія убѣжищемъ въ критическое время. Все же изложенное показываетъ, что если на основаніи обычая нашихъ предковъ XVII вѣка не было оказано особливаго вниманія къ этимъ историческимъ палатамъ, то на Ипатіевскій монастырь вообще обращено было усиленное вниманіе самого Родоначальника нынѣ Царствующаго Дома.

Не говоря много о щедродательности къ Ипатіевскому монастырю послѣдующихъ царей какъ Алексѣя Михайловича, по граматѣ котораго отъ 25 марта 1650 года возсозданъ въ немъ съ роскошью величественный Троицкій соборный храмъ послѣ разрушенія его во многихъ частяхъ отъ взрыва пороха 29 января 1649 года, такъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ благодарность которымъ за оказанныя монастырю благодѣянія возстановлены двѣ церкви — во имя св. I. Предтечи и св. апп. Петра и Павла, мы отмѣтимъ здѣсь одинаково видные слѣды вниманія къ палатамъ Михаила Ѳеодоровича со стороны особъ Царствующаго Дома во время ихъ посѣщеній въ XVIII и XIX вѣкахъ. Уже во второй половинѣ XVIII вѣка высокое значеніе Ипатіевской обители настолько уяснилось въ сознаніи монастырскаго начальства, что оно при всякомъ удобномъ случаѣ старалось распространить свѣдѣнія объ этомъ въ обществѣ. Такъ, когда Императрица Екатерина II изволила 15 мая 1767 г. посѣтить Ипатіевскій монастырь, костромской епископъ Дамаскинъ въ своей привѣтственной рѣчи предъ вступленіемъ ея въ обитель имѣлъ въ виду указать на всѣ сохранившіеся отъ 1613 года предметы, напоминающіе о Родоначальникѣ царственнаго Дома Романовыхъ. Дамаскинъ рѣшительно выразилъ, что въ обители хорошо помнятъ два событія величайшей важности: временное поселеніе въ ней Михаила Ѳеодоровича и воцареніе его 14 марта. Слѣдствіемъ этого посѣщенія Екатерины было то, что она пожаловала три тысячи рублей на нужды монастыря. Это же посѣщеніе Монархини, несомнѣнно, хорошо помнили въ Царственномъ Домѣ, и вотъ съ начала XIX вѣка

обращено было уже особенное вниманіе Августѣйшихъ лицъ изъ Дома Романовыхъ на знаменитыя древнія кельи и вмѣстѣ на самый Ипатіевскій монастырь, ради великаго событія въ немъ 14 марта 1613 года.

Спустя полвѣка послѣ того посѣтилъ Ипатіевскую обитель великій князь Михаилъ Павловичъ 19 августа 1817 года и привѣтствованъ былъ, за отсутствіемъ мѣстнаго епископа, каѳедральнымъ протоіереемъ Даніиломъ Груздевымъ во вратахъ монастыря подъ т. н. зеленою башнею, между прочимъ, слѣдующими замѣчательными словами. „При имени Михаила сія древняя обитель сотрясаетъ дряхлость свою, юнѣетъ и препоясуется веселіемъ. Всѣ сердца сущихъ здѣсь трепещутъ отъ радости, воскрешая въ памяти тѣ времена, когда не столько крѣпость сихъ стѣнъ, сколько крѣпость вѣрныхъ сердецъ предковъ нашихъ хранили въ ней послѣднюю надежду бѣдствующаго отечества нашего, отрасль фамиліи Романовыхъ, предопредѣленныхъ судьбами Превѣчнаго царствовать въ Россіи и назидать ея славу и благоденствіе“. На другой день, 20 августа, по обозрѣніи монастырской ризницы, Михаилъ Павловичъ посѣтилъ покои или палаты Родоначальника Романовыхъ, съ любопытствомъ разсматривалъ ихъ, удивлялся крайней ихъ простотѣ и произнесъ: „Вотъ каковы были Царскіе чертоги!“ По пріѣздѣ въ Петербургъ оживленные разсказы в. князя Михаила Павловича въ Царской семьѣ о слышанномъ въ Ипатіевской обители и о видѣнномъ въ „Царскихъ чертогахъ“, какъ укрывшихъ въ своихъ стѣнахъ юнаго Михаила Ѳеодоровича, конечно, произвели сильное впечатлѣніе на Августѣйшихъ слушателей и не могли быть забыты ими.

И вотъ чрезъ 17 лѣтъ послѣ этого посѣщенія, именно 7 октября 1834 года эту древнюю обитель осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Государь Николай Павловичъ. Въ привѣтственной, при встрѣчѣ его, рѣчи Костромского епископа Павла обращаетъ на себя наше вниманіе непоколебимо увѣренный тонъ слѣдующихъ выраженій. „Взору Твоему предстоитъ многовѣковая

обитель, въ коей, по неисповѣдимымъ и всеблагимъ судьбамъ Божіимъ, сохранилась жизнь и слава Россіи въ лицѣ юнаго Михаила Ѳеодоровича: се и врата, свидѣтельствующія о пришествіи Екатерины Великія въ сію вожделѣнную для всей Россіи обитель. Вниди, Благочестивѣйшій Государь, сими присно-памятными вратами зрѣть ту царственную храмину, въ которой Небеснымъ Провидѣніемъ юный Михаилъ, Августѣйшій предокъ Твой, соблюденъ былъ цѣлымъ и невредимымъ отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, ко славѣ и блаженству всея Россіи"... Подъ высокимъ умилительнымъ впечатлѣніемъ отъ этой рѣчи вступивъ въ обитель, Государь Николай Павловичъ обратилъ особенное отеческое вниманіе на историческую знаменитость Ипатіевскаго монастыря и, по осмотрѣ храмовъ его и келій своего Родоначальника, оказалъ истинно царскую щедрость на возстановленіе обители и возобновленіе всѣхъ ея зданій въ лучшемъ видѣ, въ томъ числѣ и чертоговъ царя Михаила Ѳеодоровича. При этомъ было признано необходимымъ „надъ наружнымъ входомъ въ келіи Михаила Ѳеодоровича поставить царскій того времени гербъ, чтобы отличить эти келіи отъ прочихъ".

Посѣтившій 14 мая 1837 года Ипатіевскую обитель, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ глубокимъ уваженіемъ осматривалъ въ ней кельи своего Родоначальника и на память о своемъ посѣщеніи изволилъ оставить въ знаменитыхъ кельяхъ собственноручную записку на особомъ листѣ: „Съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ осматривалъ тѣ кельи, въ коихъ, вмѣстѣ съ родительницею, жительствовалъ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Въ память дня моего пребыванія въ нихъ оставляю сей листъ за подписаніемъ моимъ. Мая 14, 1837 года".

Въ виду общепризнаннаго историческаго значенія палатъ царя Михаила Ѳеодоровича онѣ вслѣдствіе обветшанія реставрированы во вкусѣ XVII вѣка на сумму Придворнаго Вѣдомства по Высочайше одобренному въ 1860 году, составленному архитекторомъ Московской Придворной Конторы Рихтеромъ,

новому плану зданія, по образцу боярскаго древняго дома Романовыхъ въ Москвѣ на Варваринской улицѣ. При торжественномъ освященіи реставрированныхъ Палатъ 30 сентября 1863 года костромскимъ епископомъ Платономъ, по краткомъ изображеніи судебъ этихъ первоначально иноческихъ келій, сдѣлавшихся 2½ вѣка тому назадъ царскимъ чертогомъ, произнесены имъ слѣдующія замѣчательныя слова. „Мы съ твердостію провозглашаемъ: царь Михаилъ здѣсь молился за Россію. И такъ сей царскій домъ есть и мѣсто царскихъ подвиговъ благочестія, поста и молитвы... Царскій домъ въ иноческой обители составляетъ ея славу и естественно дѣлается предметомъ вѣрноподданническаго благоговѣнія сыновъ Россіи и почтительнаго любопытства иностранцевъ. Сами Державные Члены Августѣйшаго Дома удостоиваютъ его особеннаго вниманія и царственныхъ посѣщеній. Нынѣ домъ сей сталъ не только памятникомъ избавленія царя Михаила Ѳеодоровича, но и почтенія Государя Императора Александра Николаевича къ Родоначальнику своему“...

Не указывая всѣхъ, числомъ болѣе 15, Высочайшихъ посѣщеній палатъ царя Михаила Ѳеодоровича въ XIX вѣкѣ, мы еще отмѣтимъ посѣщеніе ихъ 22 іюля 1881 года Государемъ Александромъ Александровичемъ вмѣстѣ съ Государыней Маріей Ѳеодоровной и Августѣйшими Дѣтьми. По истинѣ знаменательно, что тогда Государь Александръ III именно въ палатахъ своего Царственнаго Родоначальника, какъ въ фамильномъ дворцѣ Романовыхъ, изволилъ принимать высшихъ правительственныхъ лицъ, представителей костромского дворянства и городского общества. Затѣмъ, когда избранными двумя депутаціями отъ г. Костромы 2 сентября 1881 года въ Александріи былъ поднесенъ Государю Александру III художественной работы серебряный альбомъ съ фотографическими видами г. Костромы, онъ, при разсмотрѣніи альбома, остановился своимъ вниманіемъ особенно на изображеніи Палатъ Романовыхъ и интересовался подробностями о состояніи ихъ до возобновленія.

Столь выдающееся благорасположеніе и весьма цѣнное вниманіе къ Ипатіевскому монастырю оказываемы были, конечно, по ясному, издавна усвоенному во всей Россіи, представленію того, что въ немъ именно пребывалъ въ началѣ 1613 года Родоначальникъ Царствующаго Дома, 14 марта принявшій въ Троицкомъ соборномъ храмѣ царскую корону, что въ этихъ прежде намѣстническихъ кельяхъ отъ злодѣйства поляковъ спасена жизнь цѣлой династіи Романовыхъ. Отсюда очевидно великое историческое значеніе Ипатіевскаго монастыря для дорогого нашего отечества. Во вниманіе къ такому и неоспоримому значенію его, въ виду празднованія въ 1913 году трехсотлѣтней годовщины 14 марта царствованія Дома Романовыхъ отпущено, по Высочайшему отъ 6 января 1911 года утвержденію заключенія Совѣта Министровъ, 97536 рублей изъ государственныхъ суммъ на производство ремонтныхъ и реставраціонныхъ работъ въ Троицкомъ соборномъ храмѣ монастыря, столь достопамятномъ по событію воцаренія въ немъ Михаила Ѳеодоровича, и еще дополнительно отпущено въ концѣ 1912 года 34 тысячи рублей. Но вмѣстѣ назначенъ, еще въ 1911 году, по особой смѣтѣ ремонтъ и Дворца Родоначальника Романовыхъ.

Въ виду указанныхъ незыблемыхъ основаній фактъ временнаго пребыванія Михаила Ѳеодоровича въ Ипатіевскомъ монастырѣ въ началѣ 1613 г. никогда не подвергался сомнѣнію или какому либо возраженію со стороны всѣхъ историковъ Россіи и мѣстныхъ исторіографовъ монастыря. Не приводя относящихся сюда выдержекъ изъ мѣстныхъ изслѣдованій авторитетныхъ изслѣдователей: протоіерея М. Діева (Описаніе Ипатіевскаго монастыря, 1858 г. 83—84 стр.), протоіерея П. Островскаго (о томъ - же, 27 стр.) и В. Самарянова („Палаты бояръ Романовыхъ“, 1882 г. 1—2. 6. 8. 34[1]) стр.), мы укажемъ на слѣдующія выраженія старшаго въ XIX вѣкѣ исторіографа

[1]) «Родоначальникъ Царствующаго Дома Михаилъ Ѳеодоровичъ во время междуцарствія въ стѣнахъ Ипатіева монастыря нашелъ убѣжище отъ враговъ послѣ ихъ неудачнаго покушенія на жизнь его во время пребыванія въ Домнинѣ».

Ипатіевскаго монастыря, Костромского епископа Павла: „Провидѣнію угодно было спасти Михаила Ѳеодоровича Романова отъ толикой опасности чрезъ вѣрность крестьянина Ивана Сусанина. Сей, бывъ вынужденъ поляками провести ихъ прямо къ селу Домнину, съ явною опасностію для своей жизни, отвелъ ихъ совсѣмъ въ другую сторону и тѣмъ далъ время укрыться Михаилу въ Ипатіевскій монастырь, какъ безопаснѣйшее мѣсто“ (72 стр.). Ту же истину высказываетъ и состоявшій въ 1850-хъ годахъ въ должности Совѣтника Костромской Палаты государственныхъ имуществъ князь А. Козловскій: „Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, извѣщенный зятемъ Сусанина объ угрожающей ему опасности, уѣхалъ окрестными дорогами въ Ипатіевскій монастырь, куда прибыла и его родительница“. Въ другомъ мѣстѣ Козловскій, сказавши, что „Ксенія (инокиня Марѳа Ивановна) имѣла пребываніе въ Крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ“ (въ кремлѣ вблизи Успенскаго собора и собственнаго ея „двора осаднаго“), прибавляетъ: въ „Ипатіевскій же удалилась незадолго до избранія Михаила Ѳеодоровича на царство для безопасности отъ нашествія поляковъ“ (83 стр. и 149, примѣч. 55). Но далѣе тотъ же авторъ нѣсколько странно излагаетъ: „во время пребыванія въ Ипатіевскомъ монастырѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ получилъ вѣсть о избраніи его на престолъ и, ожидая пословъ, по просьбѣ Костромитянъ, поселился (остался на жительство?!) въ кельяхъ Ипатіевскаго монастыря“ (95—96 стр.). Одинаково подтверждаютъ раскрываемое нами положеніе выдающіеся историки Россіи: Н. М. Карамзинъ („Исторія государства Россійскаго“, XI т., 1841 г., 124 стр.), Н. Устряловъ (1 т., изд. 1855 г., 297 стр.), Н. Костомаровъ („Смутное время“, 3 т. изд. 1868 г.), С. Соловьевъ („Исторія Россіи“, 9 т., изд. 1859 г. 4 стр.), А. Трачевскій („Русская исторія“, изд. 1895 г. 316 стр.), В. Назаревскій (1907 г., 1 т., 376 стр.), Д. Иловайскій, С. Платоновъ. Такъ въ книгѣ послѣдняго „Лекціи по русской исторіи“, изд. 1901 г., значится на 253 страницѣ: „изъ Домнина Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью переѣхалъ въ Кострому, въ Ипатіевскій монастырь,

который поддерживался вкладами Бориса и при Лжедимитріи былъ подаренъ послѣднимъ Романовымъ за все претерпѣнное ими отъ Бориса". Маститый историкъ Д. И. Иловайскій съ особенною выразительностью утверждаетъ, что по извѣщеніи Сабининымъ объ угрожающей опасности отъ поляковъ, изъ Домнина „старица Марѳа уѣхала съ сыномъ своимъ въ городъ Кострому, но они поселились не въ самомъ городѣ, а укрылись за каменными стѣнами Ипатіевскаго монастыря" (253 стр.). Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что съ этимъ столь согласнымъ свидѣтельствомъ ученыхъ авторитетовъ, естественно и властно полагающимъ предѣлъ появленію противорѣчивыхъ ему произвольныхъ догадокъ и предположеній, вполнѣ гармонируютъ твердыя мѣстныя традиціи и въ частности самого Ипатіевскаго монастыря, которыя притомъ же столь многократно въ теченіи вѣковъ и такъ выразительно подтверждены съ высоты Царскаго престола.

И. Баженовъ.

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

ДВАДЦАТЬ перваго февраля 1613 года, ровно триста лѣтъ тому назадъ, въ царствующемъ городѣ Москвѣ происходило великое патріотическое дѣло — всенародное избраніе царя.

Въ этотъ день престольная Москва имѣла необычайно оживленный видъ. Особенно многолюдно было въ Кремлѣ: его Красная площадь была полна людей всякихъ чиновъ и сословій; Большой кремлевскій дворецъ также былъ полонъ выборныхъ отъ городовъ и уѣздовъ русской земли и московскихъ чиновъ; въ немъ и происходило самое избраніе царя. Болѣе пятидесяти городовъ и уѣздовъ Московскаго государства прислали въ Москву своихъ выборныхъ людей всякаго чина, званія и состоянія, за исключеніемъ владѣльческихъ крестьянъ и холопей; выборныхъ въ дворцѣ было свыше пятисотъ человѣкъ. Они собрались въ Москву еще въ январѣ мѣсяцѣ и вмѣстѣ съ московскими чинами составили „Совѣтъ всей русской земли“, который и занялся великимъ дѣломъ избранія царя. Изъ соборовъ „Совѣта русской земли“ по избранію царя наиболѣе извѣстны два — 7 февраля и 21 того же мѣсяца. На первомъ изъ нихъ избранъ былъ, а на второмъ всенародно провозглашенъ былъ царемъ шестнадцатилѣтній Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, сынъ боярина Ѳеодора Никитича (впослѣдствіи патріарха Филарета) и его супруги Ксеніи Ивановны (въ иночествѣ Марѳы).

Заняться великимъ дѣломъ избранія царя побудили русскій народъ тогдашнія опасныя для цѣлости Московскаго государства обстоятельства, въ которыхъ оно оказалось.

По смерти въ 1598 году послѣдняго потомка изъ княжескаго рода Рюриковичей бездѣтнаго царя Ѳеодора Іоанновича, не указавшаго при жизни преемника себѣ, царствовали одинъ за другимъ Борисъ Годуновъ (1598—1605 г.), сынъ его Ѳеодоръ (1605 г.), лже-Димитрій 1-й (1605—1606 г.) и бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій (1606—1610 г.). Но Промыслу Божію неугодно было упрочить царское достоинство за ихъ потомствомъ. Правленіе этихъ царей сопровождалось великими нестроеніями въ русской землѣ — смутою, вызванною появленіемъ на Руси самозванцевъ, выдававшихъ себя за царевича Димитрія, злодѣйски умерщвленнаго въ г. Угличѣ убійцами, какъ думаютъ, подосланными Борисомъ Годуновымъ. Происшедшія по причинѣ этого волненія въ народѣ не дали возможности упрочиться на царскомъ престолѣ ни Борису Годунову и его сыну Ѳеодору, ни князю Шуйскому, не смотря на то, что Годуновы были въ родствѣ съ послѣднимъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, а князь Шуйскій по родословной имѣлъ за собой прямое происхожденіе отъ Рюриковичей. Въ русской землѣ открылась борьба царей, а затѣмъ и всего народа съ самозванцами, изъ коихъ особенно былъ силенъ послѣ лже-Димитрія 1-го лже-Димитрій 2-й, прозванный Тушинскимъ Воромъ. Воровскія притязанія самозванцевъ на московскій престолъ особенно сильно поддерживали поляки, которымъ выгодно было вмѣшаться въ спорное дѣло московскаго престолонаслѣдія, чтобы ослабить сильную Московію, а при благопріятномъ случаѣ и совершенно подчинить ее своему польско-литовскому королевству. Поддерживали самозванцевъ и казаки, которые въ этомъ случаѣ думали поживиться военной добычей и пограбить. Измѣна бояръ сыну Бориса Ѳеодору, вступившему на царскій престолъ въ 1605 году по смерти своего отца, отняла царское достоинство у рода Годуновыхъ и передала его узурпатору самозванцу лже-Димитрію 1-му. Благодаря той же измѣнѣ боярской былъ свергнутъ съ царскаго престола и умершвленъ лже-Димитрій и затѣмъ воцарившійся послѣ него князь В. И. Шуйскій, насильно постриженный въ

монашество, былъ отданъ въ руки поляковъ и умеръ въ Польшѣ. Во все это время русскій народъ не зналъ кого слушать, кому подчиняться: самозванцамъ ли, шедшимъ съ войсками подъ предлогомъ добывать родительскій престолъ, московскимъ ли царямъ или боярамъ-измѣнникамъ. Если въ настоящее время при удобствѣ и быстротѣ правительственныхъ сообщеній и при всевозможныхъ мѣрахъ предупрежденія возможны ложно распространяемые слухи, которымъ народъ часто безотчетно вѣритъ и благодаря которымъ волнуется, то что сказать про то время, когда народное невѣжество и медленность правительственныхъ сообщеній давали каждому возможность волновать народъ разными, часто нелѣпыми, слухами! Противъ распространенія такихъ слуховъ тогдашнее правительство могло предпринимать уже запоздалыя мѣры. Поэтому является вполнѣ естественнымъ и понятнымъ то, что русскій народъ, подъ вліяніемъ разныхъ слуховъ, раздѣлился тогда на сторонниковъ самозванцевъ, московскихъ царей и бояръ.

По сверженіи въ 1610 году 2 сентября царя Василія Ивановича Шуйскаго московское государство два года слишкомъ было безъ царя и управлялось Боярскою Думою, состоявшею изъ семи знатнѣйшихъ бояръ, во главѣ которыхъ былъ бояринъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій, почему Дума и была извѣстна народу подъ именемъ „Князь Мстиславскій съ товарищи“. Она приняла на себя временное управленіе государствомъ до избранія царя. „Всѣ люди“, говорится въ крестоприводной записи того времени, „били челомъ князю Мстиславскому съ товарищи, чтобы пожаловали, приняли московское государство, пока намъ Богъ дастъ государя“, и подъ присягою обязывались „слушать бояръ и судъ ихъ любить, что они кому за службу и за вину приговорятъ, за московское государство и за нихъ, бояръ, стоять и съ измѣнниками биться до смерти; вора, кто называется царевичемъ Димитріемъ, не хотѣть; другъ на друга зла не мыслить и не дѣлать, а выбрать государя на Московское государство боярамъ и всякимъ людямъ всею землею. Боярамъ всѣхъ праведнымъ судомъ судить, а государя выбирать съ

нами со всякими людьми всею землею, сославшись съ городами". Изъ этихъ словъ записи видно, что русскій народъ, оставшись безъ царя въ то время, когда захватить царскую власть имѣлъ намѣреніе воръ лже-Димитрій 2-й, стоявшій со своими войсками близъ Москвы при селѣ Тушинѣ, по видимому, единодушно возсталъ противъ этого дерзкаго воровского замысла и порѣшилъ выбрать царя всею землею: онъ не хотѣлъ имѣть надъ собой царемъ самозваннаго похитителя высокаго царскаго достоинства, а желалъ имѣть царемъ всенароднаго избранника, который, какъ поставленный по всеобщему народному желанію, и могъ бы быть истиннымъ государемъ и великимъ царемъ Московскимъ и всея Руси. Такимъ своимъ рѣшеніемъ русскіе люди, очевидно, имѣли въ виду разъ навсегда пресѣчь всякія домогательства и попытки съ чьей-либо стороны на захватъ царской власти, а вмѣстѣ и вызываемыя ими волненія и нестроенія въ государствѣ. Но этому доброму намѣренію русскихъ людей суждено было не скоро исполниться. Главный врагъ ихъ—Тушинскій Воръ—продолжалъ стоять подъ Москвой и смущалъ народъ своею близостью къ ней. Многіе изъ народа и бояръ переходили къ нему на службу. Онъ даже дѣлалъ неоднократныя попытки овладѣть Москвою и царскимъ престоломъ. Между тѣмъ у Боярской Думы не было средствъ и силъ прогнать отъ Москвы этого опаснаго для спокойствія и цѣлости государства, дерзкаго врага, а избавиться отъ него было необходимо для прекращенія смуты въ народѣ, который колебался въ выборѣ претендентовъ на престолъ и власть, государственная же казна была пуста. По этимъ причинамъ Боярская Дума, принявшая на себя управленіе государствомъ, оказалась слабою властью: она не могла бороться съ сильною властью Тушинскаго Вора, которому подчинилась почти вся южная часть Московскаго государства и нѣкоторые изъ сѣверо-восточныхъ городовъ, въ томъ числѣ и Кострома. По тѣмъ же причинамъ трудно было Боярской Думѣ выполнить и выставленное ей народомъ требованіе „всѣхъ праведнымъ судомъ судить". Оказывалось не мало недовольныхъ ея

праведнымъ судомъ: они безнаказанно могли переходить и переходили на сторону Тушинскаго Вора. Выбирать царя при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ было не только затруднительно, но и вовсе невозможно и безполезно, потому что избранному царю тотчасъ же пришлось бы безъ средствъ и силъ вступить въ неравную борьбу съ внутренними и внѣшними врагами, а при такихъ условіяхъ онъ едва ли могъ быть ихъ побѣдителемъ. Дальнѣйшія обстоятельства въ силу этого сложились такъ неблагопріятно для Московскаго государства, что прошло два года слишкомъ, прежде чѣмъ Боярская Дума, Москва и весь русскій народъ получили возможность заняться великимъ дѣломъ всенароднаго избранія царя.

Сознавая свое безсиліе въ борьбѣ съ Тушинскимъ Воромъ и внутренними нестроеніями, Боярская Дума предложила московскій царскій престолъ польскому королевичу Владиславу подъ условіемъ принятія имъ православія. По настоянію бояръ Москва присягнула избранному ими королевичу Владиславу, какъ царю, и черезъ особое посольство начались переговоры московскаго правительства съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ по поводу воцаренія его сына Владислава на московскій царскій престолъ. Но это обстоятельство еще болѣе ухудшило положеніе государства.

Правда, польское войско, одержавъ побѣду надъ Тушинскимъ Воромъ, отогнало его отъ Москвы, но въ свою очередь, овладѣвъ Москою, стало хозяйничать въ ней. Между тѣмъ король Сигизмундъ медлилъ въ переговорахъ съ московскимъ посольствомъ и не отпускалъ въ Москву сына своего Владислава, имѣя намѣреніе самъ воцариться надъ Московскимъ государствомъ и такимъ образомъ объединить его съ своимъ польско-литовскимъ королевствомъ. Московское посольство взято было имъ въ плѣнъ. Въ Москвѣ власть перешла къ польскимъ военачальникамъ, во главѣ которыхъ былъ гетманъ Гонсѣвскій. Тщетно святѣйшій патріархъ Гермогенъ предостерегалъ бояръ отъ злокозненныхъ польскихъ намѣреній и противился предательскому дѣлу Боярской Думы. Бояре не

вняли его прозорливому предостереженію, но за то внялъ его вѣщимъ словамъ всегда вѣрный православію русскій народъ. Испытывая на себѣ тяжелый гнетъ господствованія поляковъ, ихъ непомѣрное и необузданное своеволіе, кощунственное обращеніе со святынями православія, особенно съ храмами Божіими, въ тоже время слыша повсюду громкій призывъ патріарха и архимандритовъ Діонисія и Авраамія съ братіей Свято-Троицкой Лавры къ защитѣ православія отъ польскаго поруганія, русскій народъ проникся рѣшимостью встать на защиту угнетаемой православной вѣры и отечества отъ коварнаго и жестокаго врага — поляковъ. И поднялся могучій русскій народъ, ополчился онъ противъ враговъ вѣры и отечества, отовсюду ополченіе за ополченіемъ двинулось къ Москвѣ для освобожденія ея отъ засѣвшихъ въ ней поляковъ, и во имя вѣры и подъ ея знаменемъ онъ одолѣлъ горделиваго врага. Объединенныя ополченія — казацкое подъ начальствомъ Трубецкого и земское подъ начальствомъ Пожарскаго, — 22 октября 1612 года взяли штурмомъ Китай-городъ. Тотчасъ же открылись переговоры о сдачѣ и Кремля, въ которомъ засѣли поляки, и 26 числа того же октября онъ перешелъ въ русскія руки. Москва съ помощію Божіей была очищена отъ поляковъ и только послѣ этого русскій народъ получилъ возможность приступить къ избранію царя.

Въ первыя же недѣли послѣ очищенія Москвы отъ поляковъ, съ начала ноября, изъ Москвы были отправлены граматы по городамъ „о обираньѣ государьскомъ“. Московское правительство приглашало въ Москву городскихъ выборныхъ „по десяти отъ городовъ, для государственныхъ и земскихъ дѣлъ“. Бояре и воеводы писали, „чтобъ всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государьскаго избранія всѣ города прислали бы въ Москву жь, и чтобъ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли

у всякихъ людей о государьскомъ избраньи полные договоры".

Еще ранѣе этого, въ февралѣ мѣсяцѣ того же 1612 года, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, принявъ на себя предводительство надъ земскимъ ополченіемъ по предложенію нижегородцевъ, отъ лица всего Нижняго-Новгорода уже спѣшилъ обратиться съ торжественною граматою къ Поморскимъ и „верховымъ" городамъ, прежде всего къ Вологдѣ и Ярославлю, въ которой онъ, призывая ихъ на подвигъ „очищенія Москвы", объявлялъ имъ о происшедшемъ въ Понизовьи сильномъ народномъ движеніи на это дѣло и о важной для государства цѣли его—выбрать новаго государя всею землею „кого намъ Богъ дастъ", чтобы чрезъ это избраніе положить конецъ домогательствамъ на царскій престолъ Воренка—сына Марины Мнишекъ, поддерживаемаго казаками, псковскаго самозванца и литовскаго короля. Распространяясь по городамъ, грамата Пожарскаго произвела сильное впечатлѣніе и вызвала повсюду сочувствіе предпринятому нижегородцами дѣлу очищенія Москвы и государства отъ поляковъ. Въ Ярославлѣ, куда Пожарскій прибылъ съ своимъ ополченіемъ 7 апрѣля, власти земскаго ополченія, „бояре и окольничіе и онъ, Димитрій Пожарскій съ прочими всякими служилыми и жилецкими людьми" еще составили и разослали оттуда по городамъ граматы съ извѣщеніемъ о своемъ ополченіи и съ призывомъ къ общему соединенію для избранія государя и веденія подъ его управленіемъ борьбы съ врагами. Въ граматахъ власти земскаго ополченія сообщали о томъ, что „старые заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили въ Тушинѣ лжеименитому царю", убивъ Ляпунова, желали всѣмъ въ государствѣ „по своему воровскому обычаю владѣти"; что, захвативъ власть, казаки и „начальникъ ихъ" Заруцкій грабили, насильничали и разогнали изъ-подъ Москвы служилыхъ людей; что, наконецъ, казаки снова стали служить самозванцамъ, Маринкину сыну и Псковскому вору (которому въ таборахъ присягнули всѣмъ войскомъ 2 марта 1612 года). Такимъ образомъ, казаки вер-

нулись къ „своему первому злому совѣту“: „бояръ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей и земскихъ и уѣздныхъ лучшихъ людей побити и животы разграбити и владѣти бы имъ по своему воровскому казацкому обычаю“. Въ виду этого ярославскія власти призывали всю земщину „сойтися на свой земскій общій совѣтъ“ и выбрать „по совѣту всего государства“ государя, чтобы стоять съ нимъ вмѣстѣ „противъ общихъ враговъ, польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ, которые новую кровь въ государствѣ всчиняютъ“. Для этой цѣли общаго соединенія и царскаго избранія ярославскія граматы приглашали города поскорѣе прислать въ Ярославль „изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками“ [1]). Предложенное Пожарскимъ съ товарищами въ этихъ граматахъ избраніе государя въ Ярославлѣ, по совѣту всего государства, не состоялось; его пришлось отложить ради иныхъ неотложныхъ дѣлъ. Вѣсть о приближеніи къ Москвѣ гетмана Хоткѣвича съ войскомъ и запасами для польскаго гарнизона, бывшаго въ ней, заставила Пожарскаго двинуться изъ Ярославля подъ Москву; вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ его прервалось и возбужденное имъ дѣло—избраніе царя въ Ярославлѣ. Но этими и другими подобнаго рода граматами русскій народъ приведенъ былъ къ сознанію необходимости избранія законнаго царя; онъ убѣдился въ томъ, что этого требовало печальное, вслѣдствіе смуты, состояніе государства, терзаемаго смутьянами и измѣнниками и доведеннаго ими едва не до погибели. Событія послѣдняго двухгодичнаго безцарственнаго времени показали всѣмъ, что „безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься объ немъ и людьми Божіими промышлять некому, безъ государя вдосталь Московское государство разорятъ все; безъ государя государство ничѣмъ не строится

[1]) Граматы были посланы за подписью Пожарскаго, боярь Морозова, Долгорукова, окольничьяго Головина, нѣсколькихъ стольниковъ, дворянъ и дьяковъ, гостя Гриши Никитинова и, наконецъ, тяглыхъ людей, всего до пятидесяти человѣкъ.

и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится". А потому послѣ очищенія Москвы отъ поляковъ русскіе люди того времени, ратовавшіе за спасеніе отечества, вполнѣ справедливо считали избраніе царя дѣломъ первой важности, безъ чего не можетъ строиться и стоять государство, и прежде всего занялись этимъ великимъ общегосударственнымъ дѣломъ.

Московскія граматы произвели надлежащее свое дѣйствіе на народъ. Болѣе пятидесяти городовъ прислали въ Москву своихъ выборныхъ, которые вмѣстѣ съ московскими боярами и чинами и составили „Совѣтъ всей русской земли". Въ январѣ 1613 года открылись уже земскіе соборы Совѣта, но о дѣятельности ихъ не сохранилось историческихъ памятниковъ. Нужно замѣтить, что, къ сожалѣнію нашему, слѣдовъ объ избирательной дѣятельности „Совѣта всей русской земли" осталось такъ мало, что даже о важнѣйшихъ моментахъ ея нельзя составить точнаго и полнаго представленія. На основаніи сохранившихся историческихъ данныхъ эта дѣятельность Совѣта русской земли пріурочивается къ двумъ соборнымъ засѣданіямъ—7 февраля и 21 того же мѣсяца. По нимъ всенародное дѣло избранія великаго государя царя Московскаго и всея Руси представляется въ такомъ видѣ.

Составъ „Совѣта всей русской земли", образовавшагося изъ прибывшихъ въ Москву выборныхъ отъ городовъ и уѣздовъ, былъ многолюденъ и разнообразенъ по сословіямъ. Объ этомъ можно судить по подписямъ на избирательной граматѣ 1613 года и по нѣкоторымъ другимъ свидѣтельствамъ. Подъ граматой имѣется 247 подписей; но это число, оказывается, далеко не представляетъ всего количества выборныхъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ было гораздо болѣе, чѣмъ вдвое, такъ какъ при подписаніи допускалось замѣстительство, почему одно лицо подписывалось за нѣсколькихъ, не перечисляя ихъ поименно, а только означая общимъ именемъ „тулянъ", „серпьянъ", „чебоксарцевъ" и т. д. Кромѣ этого, подъ граматой нѣтъ подписей выборныхъ отъ нѣкоторыхъ городовъ, напри-

мѣръ, отъ г. Торопца, а выборные отъ него были въ „Совѣтѣ всей русской земли“ и на его соборныхъ засѣданіяхъ. Нѣкоторые города прислали болѣе десяти человѣкъ выборныхъ; такъ извѣстно, что Нижній-Новгородъ послалъ въ Москву на Земскій Соборъ трехъ поповъ, тринадцать посадскихъ, двухъ стрѣльцовъ и одного дьяка—всего 19 человѣкъ, сверхъ выборныхъ отъ дворянъ, о которыхъ нѣтъ извѣстій. Отсюда видно, что отъ пятидесяти слишкомъ городовъ и уѣздовъ выборныхъ присутствовало при избраніи царя болѣе пятисотъ человѣкъ. Они принадлежали ко всѣмъ слоямъ свободнаго населенія, начиная отъ бояръ до уѣздныхъ людей, т. е. сѣверныхъ крестьянъ или мелкихъ служилыхъ, людей „приборной“ службы, за исключеніемъ боярскихъ, т. е. владѣльческихъ крестьянъ и холопей. Изъ тѣхъ же подписей подъ граматой можно видѣть, что среди выборныхъ преобладали высшіе служилые чины, а казаковъ было мало, даже очень мало. Вообще, должно сказать, что Земскіе Соборы 7 и 21 февраля 1613 года, на которыхъ совершилось избраніе царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова, были сравнительно съ другими такого же рода соборами многолюдны по количеству бывшихъ на нихъ выборныхъ, полны по числу мѣстностей, отправившихъ ихъ, и по разнообразію вошедшихъ въ нихъ сословныхъ группъ. Не одни казаки, какъ говорили въ Польшѣ и Литвѣ, а всѣ слои свободнаго населенія участвовали въ великомъ государственномъ дѣлѣ земскаго „царскаго обиранья“, т. е. избранія царя.

Выборные собирались въ Москвѣ не сразу, не одновременно. Когда довольно много ихъ съѣхалось, то прежде, чѣмъ открыть соборныя засѣданія, назначенъ былъ трехдневный постъ. Отсюда можно заключить о томъ, сколь важнымъ не только въ государственномъ, но и въ религіозномъ отношеніи, дѣломъ считалъ русскій народъ избраніе царя. Выборные сознали, что, для совершенія ими этого великаго государственнаго дѣла, прежде всего они и весь народъ нуждались въ религіозно-нравственномъ очищеніи отъ тѣхъ порочныхъ

недостатковъ, какіе появились и господствовали среди нихъ въ смутное время, какъ-то: неуваженіе власти, ослушаніе и противленіе ей, вѣроломство и измѣна. Само собою разумѣется, что при такой нравственной расшатанности ослабѣла въ народѣ и религіозность. Ясно, что ему прежде всего нужно было привести себя въ должный порядокъ, а для этого требовалось возстановленіе народнаго религіозно-нравственнаго состоянія, что могло быть достигнуто только покаяннымъ самосознаніемъ, сопровождаемымъ постомъ и молитвою. Этого требовало и высказанное неоднократно въ граматахъ желаніе властей и народа избрать въ цари того, „кого Богъ укажетъ“. Приготовившись трехдневнымъ постомъ и молитвою, выборщики приступили къ великому дѣлу избранія царя. Первое самое важное и единодушно принятое ими рѣшеніе по этому дѣлу было то, что, когда предложенъ былъ вопросъ: выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ, или своего природнаго Русскаго? постановили: „Литовскаго и Шведскаго короля и ихъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и никоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры греческаго закона на Владимірское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что Польскаго и Нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленіе и мирное нарушеніе: Литовскій король Московское государство разорилъ, а Шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ“. Въ этомъ своемъ постановленіи „Совѣтъ русской земли“ высказалъ отъ лица народа ту горькую, опытно извѣданную имъ, правду, что приглашеніе на царство иностранныхъ королевичей въ связи съ притязаніями самозванцевъ клонилось не къ благоденствію Московскаго государства, а къ его раздѣленію и гибели, почему всѣ эти званные и незванные претенденты на Московскій царскій престолъ и были всенародно отвергнуты теперь. Этимъ единодушно и твердо выраженнымъ нежеланіемъ „Совѣта русской земли“ имѣть кого либо изъ нихъ царемъ устранялись попытки этихъ претендентовъ къ занятію престола.

Отвергши всѣхъ бывшихъ тогда претедентовъ на Московскій царскій престолъ, какъ неугодныхъ, совѣтъ приступилъ къ избранію царя изъ своихъ—русскихъ. Но кого изъ нихъ избрать въ цари? Кто избранникъ Божій на великій царскій Московскій престолъ?—Вотъ тотъ основной и трудно разрѣшимый вопросъ, ради котораго созванъ былъ совѣтъ русской земли и который ему все таки такъ или иначе должно было разрѣшить. Конечно, царемъ могъ быть только избранникъ, желательный всему народу, онъ долженъ быть и избранникъ Божій.

Еще въ 1610 году, по сверженіи Шуйскаго, святѣйшій патріархъ Гермогенъ указывалъ на двухъ кандидатовъ въ цари московскіе—на князя Василія Васильевича Голицына и сына Филарета Никитича Михаила Ѳеодоровича Романова, которому въ то время не было еще пятнадцати лѣтъ. Но первый изъ нихъ—Голицынъ находился во главѣ московскаго посольства къ Сигизмунду, второй былъ очень молодъ для того, чтобы стать царемъ въ то трудное для государства время, а бояре по своему честолюбію, зависти и интригамъ въ отношеніи другъ къ другу предпочли патріаршимъ кандидатамъ польскаго королевича Владислава и настаивали на его избраніи. Но патріаршій голосъ имѣлъ силу голоса „начальнаго человѣка“, слово котораго принималось въ то время не только за слово провозвѣстника Божія, но и руководителя народной жизни. А потому едва ли можно допустить то, чтобы указаніе святѣйшаго патріарха на вышеозначенныхъ двухъ кандидатовъ въ цари могло остаться безъ надлежащаго вниманія къ нему со стороны народа и заглохнуть. Если московскіе бояре и добились согласія патріарха и Москвы на избраніе царемъ королевича Владислава, то за предѣлами Москвы народъ далеко не былъ согласенъ съ этимъ избраніемъ и желалъ имѣть царемъ своимъ кого либо изъ своихъ именитыхъ людей, „кого Богъ укажетъ и дастъ“. Это народное настроеніе и обнаружилось въ рѣшеніи „Совѣта русской земли“ не избирать въ цари московскіе иностранныхъ королей и ихъ дѣтей, а

избрать изъ своихъ русскихъ. Патріаршее указаніе на князя Голицына и Михаила Ѳеодоровича Романова, какъ кандидатовъ на царскій престолъ изъ своихъ русскихъ, поставило ихъ въ ряду другихъ на первомъ мѣстѣ. Но кромѣ ихъ среди московскихъ бояръ было не мало именитыхъ лицъ по своей знатной родовитости. Кромѣ Голицыныхъ и Романовыхъ, были Годуновы, Шуйскіе, Мстиславскій, Воротынскій, Шереметевы, Трубецкіе, Куракинъ и много другихъ; къ нимъ же могъ быть присоединенъ и избавитель Москвы отъ поляковъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Такимъ образомъ „Совѣтъ русской земли“ имѣлъ предъ собою довольно широкій кругъ кандидатовъ на царствованіе, однако подыскать въ немъ подходящее лицо было трудно, по разнымъ причинамъ.

Руководительство въ дѣлахъ земскихъ соборовъ этого времени было взято Московскими боярами, но они, какъ оказалось, по мѣстническимъ спорамъ относительно родословной знатности и по другимъ мотивамъ препятствовали другъ другу въ кандидатурѣ и не давали выборщикамъ возможности остановиться на выборѣ кого либо изъ нихъ. Поэтому, среди бояръ, естественно, не могло быть единогласія въ выборѣ кандидата изъ ихъ среды. Они не столковались въ выборѣ и раздѣлились на враждебные другъ другу роды и партіи, а потому отъ нихъ нельзя было ожидать никакой попытки овладѣть настроеніемъ соборовъ „Совѣта русской земли.“ Да и самое положеніе московскихъ бояръ въ это время было таково, что они потеряли свой авторитетъ предъ народомъ, и выборные люди болѣе прислушивались къ голосу начальниковъ ополченій земскаго и казацкаго, чѣмъ къ голосу бояръ. Боярская Дума ко времени избранія царя уже потеряла свое значеніе власти, которая перешла къ начальникамъ ополченій или къ земскому совѣту, и глава ея Мстиславскій отсутствовалъ, отсутствовали и его товарищи: по освобожденіи Москвы они разъѣхались по городамъ и своимъ вотчинамъ и не явились въ Москву для избранія царя; изъ бывшихъ же на соборахъ бояръ одни при знатности своей потеряли свой авторитетъ

въ силу обстоятельствъ предшествовавшаго смутнаго времени, другіе не выдѣлялись родовитостью, хотя и отличились дѣятельностью по освобожденію Москвы отъ поляковъ, какъ напр., князь Пожарскій, третьи лишились своихъ старшихъ руководителей въ родѣ и не имѣли, поэтому, вліянія на ходъ соборныхъ дѣлъ, иные же находились въ стѣсненномъ положеніи и имѣли видъ гонимыхъ и преслѣдуемыхъ. Такъ, не говоря уже о Годуновскомъ родѣ, который совершенно потерялъ свое значеніе послѣ смерти Бориса и гибели его сына Ѳеодора, князья Шуйскіе и Василій Васильевичъ Голицынъ находились въ плѣну у польскаго короля, а потому не могли принимать непосредственнаго участія въ избраніи царя и вліять на самый ходъ избранія. Князь И. С. Куракинъ, одинъ изъ энергичныхъ дѣятелей въ смутное время, считался сторонникомъ поляковъ. Воротынскій могъ считаться страдальцемъ за народное дѣло, потому что, сидя въ осажденной Москвѣ, подвергался гоненію отъ польской власти и измѣнниковъ, но онъ уступалъ въ родовитости и въ службѣ Мстиславскому и Шуйскимъ и мало былъ извѣстенъ народу. Шереметевы разбрелись по разнымъ лагерямъ и партіямъ. Романовы переживали тяжелую пору: ихъ глава, митрополитъ Филаретъ, былъ въ это время въ польскомъ плѣну вмѣстѣ съ Голицынымъ и Шуйскими; его братъ Иванъ Никитичъ, по освобожденіи отъ польскаго плѣна въ Кремлѣ, хотя и оставался въ Москвѣ, но не имѣлъ той извѣстности, какою пользовался въ народѣ Филаретъ Никитичъ. Сынъ Филарета, шестнадцатилѣтній Михаилъ, по освобожденіи отъ того же кремлевскаго плѣна, укрылся съ матерью и ея роднею Салтыковыми старшаго колѣна въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Вся семья Романовыхъ имѣла видъ гонимой и угнетенной, а ихъ родственный кругъ—князья Черкасскіе, Сицкіе, Лыковы разбились по разнымъ станамъ боярскимъ. Такимъ образомъ, Романовскій боярскій кругъ, не имѣя главы на земскихъ соборахъ „Совѣта русской земли“, потерялъ единство. Да въ этомъ кругу и желанія не было домогаться царскаго престола.

Правда, члены этого круга такъ же, какъ и многіе другіе бояре, участвовали въ государственныхъ дѣлахъ того времени, но постольку, поскольку требовало этого участія опасное положеніе Московскаго государства, и сохранили себя при этомъ безупречными дѣятелями. Итакъ, виднѣйшіе и родовитѣйшіе люди были далеко, а тѣ, кто участвовалъ въ избраніи, или не были такими, или не подходили по своимъ качествамъ для занятія царскаго престола.

Поэтому, вполнѣ естественно то, что, когда на земскомъ соборѣ былъ поставленъ вопросъ: кому изъ своихъ быть на Московскомъ государствѣ?—начались козни, смуты и волненія: всякій хотѣлъ дѣлать по своей волѣ, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами себѣ престола, подкупали и засылали; образовались стороны, но ни одна изъ нихъ не брала верхъ. Лѣтописныя и другія сказанія объ этомъ такъ говорятъ: „И многое было волненіе всякимъ людямъ, кійждо бо хотяше по своей мысли дѣяти, и кійждо про кого говоряше, не вспомянувъ бо писаніе, яко Богъ не токмо царство, но и власть кому хочетъ, тому даетъ, и кого Богъ призоветъ, того и прославитъ. Бывшу же волненію великому, и никто же не смѣяше прогласовати. Еже что кто и хотяще сдѣлати, коли Богу чему не повелѣвшу, и не угодно Ему бысть.... Иніи убо подкупахуся и засылаху, хотяще взойти на такую степень, Богу же тако не изволившу". (Лѣтопись о многихъ мятежахъ, изд. 2-е, стр. 270—272). „Не возмогоша вси на единаго согласитися, овіи глаголаху того, иніи же иного, и всѣ разно вѣщаху, и всякій хотяше по своей мысли учинити, и тако препроводиша не малые дни. Многіе же отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающи, и обѣщающи многіе дары" (Временникъ, XVII, стр. 161). „Кійждо хотяше по своей воли той того, а ины по своей воли, и много волненіе бысть" (Списокъ рукописи въ библіотекѣ Импер. Новоросс. Университета, № 54, л. 178 на оборотѣ). Однимъ словомъ, выборщики въ этомъ случаѣ раздѣлились „сѣмо и овамо" (Двор. Р. 1, стр. 65).

Въ „Совѣтѣ русской земли“ были многочисленные сторонники выбора въ государи знатнѣйшихъ князей Голицына, Воротынскаго и Шуйскаго, но бояре отклонили выборъ ихъ по разнымъ причинамъ, и болѣе всего потому, что они не соотвѣтствовали условіямъ, которыя были выставлены „Совѣтомъ“ для избранія въ государи. Приступая къ выбору изъ своихъ, Совѣтъ, между прочимъ, высказалъ пожеланіе, чтобы не были подаваемы голоса за лицъ, имѣющихъ большое семейство и родство или замѣшанныхъ въ ссоры, такъ какъ этимъ путемъ многіе пріобрѣли себѣ частію друзей, частію враговъ, что могло легко подать поводъ къ новымъ безпорядкамъ. Голицынъ не отвѣчалъ этому условію, потому что имѣлъ большую семью и много родныхъ и столько же, если не больше, враговъ. Воротынскій не подходилъ для избранія по своей старости и неимѣнію годнаго преемника. Шуйскій былъ опасенъ въ виду того, что его двоюродный братъ былъ свергнутъ съ престола, чего ему невозможно было забыть. Мстиславскій, одинъ изъ виднѣйшихъ кандидатовъ, не былъ честолюбивъ и, какъ не молодой и безродный, раньше отказывался отъ престола и въ этотъ разъ уклонился, о чемъ свидѣтельствовало его отсутствіе. По разнымъ причинамъ были отвергнуты выборы и многихъ другихъ предлагаемыхъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, не смотря на большое количество кандидатовъ на престолъ среди родовитой боярской знати, избраніе кого либо изъ нихъ не состоялось, такъ какъ не нашло единодушнаго сочувствія въ выборщикахъ, раздѣлившихся при этомъ на сторонниковъ различныхъ боярскихъ партій.

Въ такомъ положеніи было дѣло избранія царя до 7 февраля. На соборахъ бояре почему-то умалчивали о кандидатурѣ Романовыхъ. По тѣмъ обстоятельствамъ, какими сопровождалось приглашеніе Михаила Ѳеодоровича на царство по избраніи его, нужно думать, что отъ выставленія его кандидатуры на соборахъ удерживало бояръ то, что Филаретъ Никитичъ былъ въ это время въ плѣну у поляковъ, а Михаилъ по молодости не считался кандидатомъ въ цари. Изъ исторіи Смутнаго времени

не видно, чтобы Романовы были въ разладѣ съ боярами и пользовались ихъ нерасположенностію. Напротивъ, всюду и при всѣхъ обстоятельствахъ бояре оказывали особенное вниманіе къ Романовымъ, какъ знатнѣйшимъ по родовитости; такъ, Иванъ Никитичъ былъ членомъ семибоярской Думы, правившей государствомъ по низверженіи Шуйскаго, а Филаретъ Никитичъ, какъ совмѣстникъ Голицыну по родовитости, былъ во главѣ посольства къ Сигизмунду. Если Голицынъ и Филаретъ, какъ два виднѣйшихъ представителя родовитѣйшей московской знати, и были отправлены послами отъ имени Боярской Думы, то это было сдѣлано, между прочимъ, съ тою цѣлію, чтобы они своимъ личнымъ достоинствомъ болѣе успѣшно могли содѣйствовать благопріятному исходу переговоровъ касательно воцаренія на Московскомъ престолѣ королевича Владислава, такъ какъ о знатности ихъ было извѣстно въ Польшѣ и Литвѣ, гдѣ они, какъ кандидаты изъ русскихъ, считались первыми и равными другъ другу претендентами на престолъ. Слѣдовательно, о враждебности бояръ къ Романовымъ не можетъ быть и рѣчи. Избирателямъ боярамъ не безызвѣстна была безукоризненная знатность Романовыхъ, но еще болѣе была она извѣстна народу. Поэтому, для выбора Михаила Ѳеодоровича въ цари было болѣе основаній, чѣмъ для выбора другихъ, хотя бы и равныхъ ему по родовитости, которая въ то время имѣла наибольшее значеніе въ глазахъ народа,

По сѣдой своей старинѣ Романовскій родъ, въ предкахъ своихъ уходившій въ глубь времени перваго московскаго великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, имѣлъ немного равныхъ себѣ среди московскаго боярства. Кромѣ этого, Романовы выдѣлялись своимъ богатствомъ и обширностію земельныхъ владѣній, что дѣлало ихъ виднѣйшими и извѣстнѣйшими на Руси, особенно сѣверо-восточной. Знатность Романовыхъ еще болѣе усилилась съ того времени, когда царь Иванъ Васильевичъ Грозный вступилъ въ бракъ съ Анастасіей Романовной и чрезъ это родъ Романовыхъ вошелъ въ ближайшее родство съ княжескимъ Домомъ Рюриковичей, при чемъ Русь

отъ этого родства получила послѣдняго Рюриковича — царя Ѳеодора Ивановича, при которомъ, по выраженію историческихъ документовъ того времени, „Россійское государство аки солнце сіяло, на всѣ стороны ширилось, многія окрестныя государства у него государя учинились въ подданствѣ и въ послушаньѣ, и никоторая кровь и война при немъ государѣ не бывала“ (Дв. Разр. 1, стр. 21—22). Въ народѣ были особенно популярны личности Анастасіи Романовны, ея брата Никиты Романовича и сына его Ѳеодора Никитича (впослѣдствіи патр. Филарета). Извѣстно, что Анастасія Романовна внесла въ жизнь и первоначальное управленіе Ивана Васильевича Грознаго духъ христіанской кротости и благочестія, благодаря чему время его правленія при жизни этой супруги было счастливѣйшею для Руси порою царствованія грознаго царя Самодержца. Послѣ ея смерти духъ кротости въ Грозномъ исчезъ подъ вліяніемъ этой, тяжелой для него, потери и по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, но духъ благочестія удержанъ былъ царемъ и выразился, какъ извѣстно изъ исторіи, въ странной по подражательности монашеству формѣ. Никита Романовичъ, дѣдъ Михаила, дѣйствительно былъ популяренъ въ народѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ народныя пѣсни о немъ, въ которыхъ онъ изображается безбоязненнымъ защитникомъ народа во времена Грознаго, иногда даже прекословящимъ и противодѣйствующимъ самому царю. Родъ Романовыхъ сильно пострадалъ отъ гоненій царя Бориса Годунова, и эти гоненія, причина которыхъ была народу неизвѣстна, еще болѣе привлекли къ этому роду народное сочувствіе. Смутное время выдвинуло Филарета Никитича, какъ виднѣйшаго дѣятеля и защитника интересовъ Московскаго Государства и православія, а тѣ непріятности, которымъ онъ и его сынъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, подверглись отъ поляковъ, вызвали въ народѣ еще большее всеобщее сочувствіе къ ихъ страданіямъ за отечество и вѣру и къ нимъ самимъ. Семейство Филарета Никитича было близко народному сердцу по его православно-религіозной настроенности и соотвѣтствующему ей образу жизни.

По всѣмъ этимъ причинамъ родъ Романовыхъ не могъ быть обойденъ при избраніи царя. Могли по различнымъ побужденіямъ умалчивать о немъ на соборахъ бояре, но не могъ молчать о немъ народъ, который предназначалъ этотъ боярскій родъ на Московское государство еще съ того времени, когда возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи послѣ Ѳеодора Ивановича, а устами патріарха Гермогена объявилъ о своемъ желаніи имѣть царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова, въ которомъ онъ находилъ сходство съ послѣднимъ царемъ изъ Рюриковичей. „Былъ“, говорится въ сказаніи объ избраніи Михаила, „царь молодъ, когда сѣлъ на царство, лѣтъ 18, но былъ добръ, тихъ, кротокъ, смиренъ и благоувѣтливъ, всѣхъ любилъ, всѣхъ миловалъ и щедрилъ, во всемъ былъ подобенъ прежнему благовѣрному царю и дядѣ своему Ѳедору Ивановичу“.

Между земскими выборщиками, при взаимныхъ частныхъ ихъ обсужденіяхъ вопроса о томъ, кому быть государемъ на московскомъ престолѣ, еще въ январѣ мѣсяцѣ упоминалось имя Михаила Ѳеодоровича Романова, а въ началѣ февраля рѣчь о немъ раздавалась среди нихъ все чаще и чаще. Наконецъ, 7 февраля заговорили объ избраніи Михаила Ѳеодоровича и на земскомъ соборѣ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Однимъ галицкимъ дворяниномъ было подано на соборѣ письменное мнѣніе, въ которомъ было высказано, что Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ ближе всѣхъ бояръ по родству съ прежними царями, его и надо избрать. Вслѣдъ за галицкимъ дворяниномъ подалъ письменное мнѣніе о природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ донской атаманъ. Одинаковыя мнѣнія, поданныя на соборѣ галицкимъ дворяниномъ и донскимъ атаманомъ, рѣшили дѣло: Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ избранъ въ цари московскіе. Лѣтописецъ передаетъ, что это избраніе будто не обошлось безъ голосовъ недовольныхъ имъ. „Кто принесъ такую грамату? Кто? Откуда?“ — раздались на соборѣ вопросы при подачѣ мнѣнія галицкимъ дворяниномъ. Тотъ же лѣтописецъ оттѣняетъ и подачу мнѣнія атамана вопросомъ Димитрія Михайловича Пожарскаго: „что это ты подалъ,

атаманъ?“ Но эти лѣтописныя подробности естественно должны были имѣть мѣсто въ сказаніи объ избраніи Михаила Ѳеодоровича, чтобы показать, что оно шло на соборѣ обычнымъ порядкомъ, не безъ возраженій со стороны нѣкоторыхъ, но что при всемъ томъ избраніе его состоялось, такъ какъ оно было пріемлемо для бояръ и удовлетворяло народное желаніе —имѣть царемъ Михаила.

И такъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ на земскомъ соборѣ 7 февраля былъ избранъ въ цари московскіе, но это избраніе оказалось не окончательнымъ.

Смута научила московскихъ людей быть осторожными. Рѣшивъ выборъ Михаила Ѳеодоровича, соборъ отложилъ оглашеніе совершеннаго имъ избранія на двѣ недѣли, до 21-го февраля для того, чтобы за это время отобрать объ избранномъ Царѣ народное мнѣніе отъ городовъ и уѣздовъ на мѣстахъ и призвать въ Москву бывшую Боярскую Думу — Мстиславскаго съ товарищами. Съ этою цѣлью выборщики собора 7 февраля послали „Московскаго Государства по бояръ въ городы, по князя Ѳ. И. Мстиславскаго съ товарищи, чтобъ они для большаго государственнаго дѣла и для общаго земскаго совѣта ѣхали къ Москвѣ наспѣхъ“, а „во всѣ городы Россійскаго царствія, опричъ дальныхъ городовъ, послали тайно во всякихъ людехъ мысли ихъ про государское обиранье провѣдывати вѣрныхъ и богобоязныхъ людей, кого хотятъ Государемъ Царемъ на Московское государство во всѣхъ городѣхъ“. Въ города поѣхали съ такою цѣлью представители этихъ же самыхъ городовъ, бывшіе на соборѣ, какъ наиболѣе надежные люди. Въ Калугу, напримѣръ, поѣхалъ „гость Смирный“, какъ его называетъ Палицынъ, или, точнѣе, „изъ Калуги выборный человѣкъ Смирной Судовщиковъ“, какъ самъ онъ подписался на избирательной грамотѣ. Въ Торопецъ были посланы тамошнія боярскія дѣти, которыя изъ Торопца „до столицы на обиранье Царя посыланы были“.

Все произошло такъ, какъ желалъ соборъ. Мстиславскій съ товарищами пріѣхали въ Москву, пріѣхали и запоздалые

выборщики, возвратились посланные по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ съ радостію признаетъ Михаила Ѳеодоровича царемъ. 20 февраля избраніе его окончательно опредѣлилось, какъ это видно изъ показанія Авраамія Палицына, что именно въ этотъ день чины писали объ избраніи царя Михаила, а затѣмъ приходили къ нему, Авраамію, многіе разные люди и приносили ему свои писанія, прося заявить о томъ боярамъ и воеводамъ; Авраамій же сообщилъ это немедленно собору.

Окончательное весьма торжественное и умилительное избраніе царя состоялось на слѣдующій день — 21 февраля. Этотъ день былъ тогда первымъ Воскресеніемъ Великаго поста, въ который празднуется торжество православія, — знаменательное совпаденіе, которое символически могло быть объяснено, какъ торжество богоизбранной царской власти надъ самозванной и небогоугодной. На земскомъ многолюднѣйшемъ соборѣ этого дня голоса подавались по чинамъ. Каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе и всѣ эти мнѣнія оказались сходными: всѣ чины указывали на одного Михаила Ѳеодоровича Романова. Тогда Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ пошли на Лобное мѣсто и спросили народъ, наполнявшій Красную площадь: „кого онъ хочетъ въ цари?“ Вполнѣ согласное съ рѣшеніемъ „Совѣта русской земли“ мнѣніе высказала и спрошенная отъ его имени Красная площадь, которая часто дѣйствовала въ подобныхъ обстоятельствахъ въ качествѣ русскаго народа вообще, потому что, при преобладаніи въ ней москвичей, здѣсь всегда были люди и другихъ городовъ: „Михаила Ѳеодоровича Романова!“, — былъ единодушный воодушевленный отвѣтъ многотысячнаго народа, наполнявшаго площадь.

Такимъ образомъ, выборъ царя состоялся вполнѣ всенародно единогласный, что представляетъ весьма мудрое рѣшеніе „Совѣта русской земли“, которымъ онъ разъ навсегда преградилъ путь всякимъ съ чьей либо стороны попыткамъ и домогательствамъ къ захвату царскаго московскаго престола.

Послѣ избранія Михаила Ѳеодоровича отправлено было великое именитое посольство отъ имени всего русскаго народа къ нему и къ его матери инокинѣ Марѳѣ Ивановнѣ за полученіемъ согласія на принятіе царскаго скипетра и державы. Но раньше полученія этого согласія „Совѣтъ русской земли“ распорядился о присягѣ города Москвы и всего государства избранному царю и при этомъ еще разъ убѣдился въ томъ, что избраніе Михаила Ѳеодоровича повсюду произвело самое благопріятное впечатлѣніе. Русскій народъ вездѣ съ радостію утвердилъ присягою свое желаніе имѣть Михаила царемъ и свободно вздохнулъ отъ пережитаго имъ тяжелаго испытанія Божія.

Такъ „Божіимъ изволеніемъ и всей Русской земли излюбленіемъ“ избранъ былъ на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ 21 февраля 1613 года.

Съ того времени, на протяженіи трехсотъ лѣтъ, Московское государство подъ скипетромъ самодержавныхъ Царей и Императоровъ изъ богоизбраннаго и благословеннаго Дома Романовыхъ обратилось въ обширнѣйшую Всероссійскую Имперію, сильную единеніемъ народа съ своими дарованными Богомъ чрезъ всенародное избраніе цярями.

Священникъ *Михаилъ Раевскій.*

Призваніе боярина Михаила Ѳеодоровича Романова на Московскій и всея Руси царскій престолъ.

По освобожденіи Москвы отъ внѣшнихъ враговъ, особенно же поляковъ, въ концѣ октября 1612 года вступило въ полную силу временное земское правительство во главѣ съ князьями Д. Пожарскимъ и М. Трубецкимъ. Тягчайшее для русскаго государства злое лихолѣтье пришло къ своему концу. Но лишь избраніе государя въ Москвѣ должно было завершить великій общеземскій подвигъ для надлежащаго умиротворенія отечества и упроченія въ немъ государственной власти. Въ горячей заботливости о благѣ государства временное правительство разослало по городамъ граматы съ приглашеніемъ прислать изъ каждаго города по десяти властей и выборныхъ въ Москву „для великаго дѣла“. Въ граматѣ, между прочимъ, было сказано, что „Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очищена и нынѣ многія церкви Божія въ прежнюю лѣпоту облеклись, и Божіе имя славится въ нихъ по прежнему; но безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься о немъ и людьми Божіими промышлять некому; безъ государя вдосталь Московское государство разорилось все: „безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится“. Уже въ январѣ 1613 года съѣхалось въ Москву „для земскаго совѣта и государскаго избранія“ довольно много гражданскихъ и духовныхъ властей и выборныхъ лучшихъ людей. Назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго общеземскій соборъ приступилъ къ рѣшенію важнѣйшаго вопроса,—кого же избрать государемъ земли Русской.

Отстранивъ, какъ уже довольно вредныхъ, разныхъ претендентовъ на московскій тронъ изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ (польскаго, шведскаго, нѣмецкаго), стали выбирать своихъ природныхъ русскихъ на занятіе царскаго трона, стали намѣчать кандидатовъ изъ коренныхъ русскихъ знатныхъ родовъ. Въ числѣ такихъ кандидатовъ называли именитыхъ Ѳ. И. Мстиславскаго, В. И. Шуйскаго, И. М. Воротынскаго, Д. М. Трубецкаго, Д. М. Пожарскаго, М. Ѳ. Романова. Не было тогда никого милѣе русскому народу, какъ родъ Романовыхъ;[1]) издавна онъ былъ любимъ народомъ, въ глазахъ котораго большое значеніе имѣло его родство съ послѣдними государями изъ династіи св. Владиміра Великаго. Отецъ Михаила Ѳ. Романова приходился двоюроднымъ братомъ царя Ѳеодора Ивановича, племянникомъ первой супруги царя Ивана Васильевича (Грознаго) Анастасіи Романовны, которую народъ помнилъ и за ея добродѣтели почиталъ какъ бы святую. Помнили и не забывали ея добраго брата Никиту Романовича и соболѣзновали о его дѣтяхъ, которыхъ интриганъ—царь Борисъ Годуновъ перемучилъ и истомилъ въ изгнаніи. Уважали митрополита Филарета, т. е. бывшаго боярина Ѳеодора Никитича, который уже съ сентября 1610 года, со времени отправленія въ числѣ пословъ къ польскому царю Сигизмунду по вопросу объ избраніи сына его Владислава церемъ московскимъ, находился въ плѣну въ Польшѣ и для русскихъ казался мученикомъ за правое дѣло. Шестнадцатилѣтній сынъ Филарета Михаилъ Ѳ. вмѣстѣ съ матерію инокинею Марѳою и дядею его Иваномъ Никитичемъ до 25 октября 1612 года сидѣлъ въ московскомъ кремлѣ съ прочими боярами, пока не были изгнаны поляки, владѣвшіе Москвою. Еще когда Василія И. Шуйскаго низложили съ престола

[1]) Романовы—чисто русскаго происхожденія; самымъ виднымъ предкомъ ихъ является Андрей Кобыла, боярин временъ великаго московскаго князя Симеона Гордаго, въ первой половинѣ XIV вѣка; потомство его съ теченіемъ времени такъ развѣтвилось, что насчитываютъ болѣе двадцати происшедшихъ отъ него боярскихъ и дворянскихъ родовъ; кромѣ Захарьиныхъ—Юрьевыхъ—Романовыхъ сюда относятся: Шереметьевы, Жеребцовы, Колычевы, Лодыгины, Неплюевы и др.

(17 іюля 1610 г.), многіе бояре вмѣстѣ съ патріархомъ Гермогеномъ желали Михаила Ѳеодоровича Романова посадить на московскій престолъ, но онъ тогда былъ еще очень молодъ, а главное поляки тому мѣшали, навязывая Москвѣ королевича Владислава въ царя. Огромное большинство среднихъ классовъ и простого народа оказалось на сторонѣ Михаила Ѳеодоровича. Боярское большинство, т. е. самое вліятельное сословіе, начальники земскаго ополченія Пожарскій и Мининъ, въ рукахъ которыхъ пока оставалось распоряженіе значительною ратною силою, также склонились къ избранію боярина Михаила Романова. Духовенство, вѣрное завѣту патріарха Гермогена, особенно было расположено къ Филарету Никитичу и его сыну Михаилу, и своимъ вліяніемъ много способствовало послѣднему въ кандидатурѣ на престолъ. Нѣкоторыя высшія духовныя лица (Ефремъ, митрополитъ казанскій, Кириллъ, митрополитъ ростовскій) разсказывали о бывшихъ имъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, которыя указывали на Михаила Ѳеодоровича какъ будущаго царя, а народное воображеніе было такъ настроено, что подобные разсказы производили свое дѣйствіе. Отсюда не должно казаться удивителѣнымъ, что на соборѣ 7 февраля 1613 года состоялось единодушное, хотя предварительное, избраніе Михаила Ѳ. Романова царемъ.

Но въ это время на совѣтѣ московскомъ находились не всѣ выборные изъ городовъ и даже изъ знатныхъ бояръ. И вотъ послали гонцовъ звать ихъ—прибыть въ Москву для общаго дѣла; также отправили надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ разузнать мнѣніе народа относительно новаго избранника, и окончательный приговоръ для большей крѣпости былъ отложенъ на двѣ недѣли, отъ 7 до 21 февраля. Наконецъ пріѣхали въ Москву и запоздавшіе выборные, возвратились посланники изъ областей съ извѣстіемъ, что народъ и всѣ сѣверскіе города съ радостію желаютъ видѣть Михаила Ѳеодоровича царемъ. Въ недѣлю православія, въ 21 день февраля, состоялось въ Успенскомъ московскомъ соборѣ торжественное и послѣднее засѣданіе: каждый чинъ

подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія, оказались сходными: всѣ чины единогласно указывали на одного избранника въ царя—Михаила Ѳеодоровича Романова. На предложеніе рязанскаго архіепископа Ѳеодорита наполнявшему во множествѣ Красную площадь народу: „кого они хотятъ въ цари?“ народъ въ одинъ голосъ отвѣтилъ: „Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь—государь московскому государству и всей русской державѣ!“ Послѣ этого совершено молебствіе о здравіи новоизбраннаго царя Михаила, и всѣ въ Москвѣ присягнули на вѣрность ему. Извѣщенные граматами отъ 25 февраля объ избраніи царя, различные города также и вскорѣ присягнули и подписали разосланныя крестоцѣловальныя записи Михаилу Ѳеодоровичу царю. По общему народному убѣжденію, государя Михаила самъ Богъ избралъ, онъ—„царь по усмотрѣнію Вышняго Бога“, и вся земля русская уже теперь радовалась и ликовала по случаю согласнаго рѣшенія важнѣйшаго вопроса о царскомъ избраніи.

Теперь дѣло оставалось только за согласіемъ самого Михаила Ѳеодоровича, и для полученія его соборъ московскій назначилъ ѣхать къ новоизбранному царю въ качествѣ челобитчиковъ а) изъ духовнаго чина: Ѳеодориту архіепископу рязанскому, архимандритамъ монастырей Чудовскаго, Новоспасскаго и Симоновскаго, келарю Троице Сергіевой Лавры Авраамію Палицыну, тремъ соборнымъ московскимъ протопопамъ, и б) отъ сингклита: боярамъ Ѳедору И. Шереметеву, князю Владиміру И. Бахтеярову-Ростовскому, окольничему Ѳедору В. Головину съ стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми изъ городовъ. Земскій соборъ не зналъ опредѣленно, гдѣ въ это время находился новоизбранный государь, и потому въ наказѣ, данномъ посламъ, назначено „ѣхать къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси въ Ярославль или гдѣ онъ государь будетъ“. Посланные челобитчики должны были, по наказу соборному „бивъ челомъ“ новоиз-

бранному государю и его матери, говорить такъ [1]). „Всякихъ чиновъ всякіе люди бьютъ челомъ, чтобъ тебѣ великому государю умилиться надъ остаткомъ роду христіанскаго, многорасхищенное православное христіанство россійскаго царствія отъ расплѣненія сыроядцовъ, отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей собрать во единство и принять подъ свою государеву паству и подъ крѣпкую высокую свою десницу, и всенароднаго слезнаго рыданія не презрити, по изволенію Божію и по избранію всѣхъ чиновъ людей, на владимірскомъ и на московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ россійскаго царствія государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Русіи быть, и пожаловать бы тебѣ великому государю ѣхать на свой царскій престолъ къ Москвѣ и подать намъ благородіемъ своимъ избаву отъ всѣхъ находящихъ на насъ бѣдъ и скорбей. А какъ ты, государь, на своемъ царскомъ престолѣ будешь на Москвѣ, и, прослыша про твой царской приходъ, литовскіе люди и всѣ твои государевы недруги будутъ въ страхованіи, а московскаго государства всякіе люди твоимъ царскимъ приходомъ обрадуются.... А какъ твой государевъ подвигъ въ царствующій градъ будетъ, и съ Москвы митрополитъ и архіепископъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и бояре и всякіе люди встрѣтятъ тебя съ чудотворными иконами и съ животворящими кресты, по вашему царскому достоинству, и служити тебѣ, государю, и прямити и головы свои за тебя государя класти всѣ люди отъ мала до велика ради“. Въ заключеніи наказа говорилось: если государь не пожалуетъ, станетъ отказывать или начнетъ размышлять, то „бити челомъ и умолять его государя всякими обычаи, чтобъ милость показалъ, челобитья ихъ не презрилъ, былъ на владимерскомъ и на московскомъ государствѣ государемъ царемъ и ѣхалъ къ Москвѣ вскорѣ: такое великое Божіе дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ

1) О призваніи боярина Михаила Ѳ. Романова на царство см. въ Дворцов. Разряд., изд. 1850 г. I т.; Собран. государ. грам., I т.; Троицк. лѣтоп.; Сказан. Авраамія Палиц. и др.

хотѣніемъ по избранію: Богъ учинилъ его государемъ, царемъ и великимъ княземъ". А если государь царь станетъ разсуждать объ отцѣ своемъ митрополитѣ Филаретѣ, что онъ теперь въ Литвѣ, „и ему на московскомъ государствѣ быти нельзя для того, чтобъ отцу его за то какового зла не учинили, бить челомъ и говорить, чтобъ онъ, государь, про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылаютъ къ литовскому королю, а отцу его твоему государю нашему даютъ на обмѣну литовскихъ многихъ лутчихъ людей".

Между тѣмъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерію инокинею Марѳою, по освобожденіи 22 октября 1612 года изъ польскаго плѣна въ московскомъ кремлѣ, удалившись въ костромскую свою вотчину—село Домнино (въ 70 верстахъ отъ г. Костромы), здѣсь проживалъ въ полной надеждѣ, что они достаточно укрыты отъ военныхъ бурь того времени и отъ вражескихъ нападеній, и не вѣдалъ о томъ, что избранъ на всероссійскій престолъ. Прежде чѣмъ представительное московское посольство успѣло прибыть въ Кострому для предложенія короны боярину Михаилу Ѳеодоровичу, послѣдній подвергся великой опасности отъ поляковъ, составившихъ дерзкій умыселъ—въ цѣляхъ воцаренія польскаго королевича Владислава, тайно проникнуть въ село Домнино для того, чтобы внезапнымъ нападеніемъ тамъ захватить Михаила Ѳеодоровича и отправить его въ Польшу, а въ случаѣ сопротивленія даже убить его. Но жизнь всенароднаго избранника на царство спасъ уже извѣстный патріотическій подвигъ старосты Домнинской вотчины крестьянина Ивана Осиповича Сусанина. Получивши въ селѣ Домнинѣ чрезъ его зятя Богдана Сабинина страшное извѣстіе о столь близкой опасности отъ злодѣевъ—поляковъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ и мать его инокиня поспѣшно удалились отсюда и нашли себѣ убѣжище—пріютъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ, гдѣ имъ отведены были для временнаго пребыванія намѣстническія кельи, какъ наиболѣе удобныя и благоустроенныя.

И вотъ, когда въ Ипатіевской обители за ея крѣпкими стѣнами пребывалъ въ полной безопасности Михаилъ Ѳеодо-

ровичъ съ инокинею Марѳою, было отправлено 2 марта 1613 года вообще въ костромскую вотчину Романовыхъ великое московское посольство во главѣ съ московскими святынями и съ граматою отъ имени всего россійскаго государства о предложеніи Михаилу царской короны. Не смотря на большую свою спѣшность въ виду особенной важности порученнаго дѣла, именитое посольство имѣло возможность лишь 13 марта прибыть въ Новоселки, что нынѣ Селища, на нагорномъ берегу р. Волги, почти противъ Ипатіевскаго монастыря. Здѣсь находился домъ князя Ивана Михаиловича Глинскаго, родного дяди царя Іоанна IV, и отъ него-то московскому посольству стало извѣстно теперь опредѣленно о временномъ пребываніи всероссійскаго избранника на царскій тронъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ. Прибывши въ Новоселки уже въ позднее время, къ вечернямъ, посольство московское для большой торжественности предстоящей крестной процессіи отправило приглашеніе къ Костромскимъ воеводѣ и знатнымъ властямъ гражданскимъ и духовнымъ.

Жизнь г. Костромы тогда сосредоточивалась въ окруженномъ высокими земляными валами съ деревянными стѣнами кремлѣ—на лѣвомъ берегу р. Волги, что противъ нынѣшняго Городища. Въ Костромскомъ кремлѣ находилось до 200 дворовъ во главѣ съ большимъ деревяннымъ воеводскимъ домомъ, множество казенныхъ зданій, 7 монастырскихъ дворовъ, 84 дворянскихъ двора. Всѣхъ же въ г. Костромѣ обывательскихъ дворовъ состояло до 1700 и лавокъ и амбаровъ до 500. Городъ Кострома и тогда не менѣе, чѣмъ нынѣ, богатъ былъ церквами Божіими. Въ самомъ кремлѣ было два соборныхъ каменныхъ храма: Успенскій съ шатровой колокольней и при немъ деревянная церковь во имя Похвалы Пресв. Богородицы и Троицкій соборный храмъ съ рубленой колокольницей. Всего въ городѣ было пять монастырей: Крестовоздвиженскій мужской въ кремлѣ, съ деревянною церковью въ честь Введенія Пресв. Богородицы, Ризположенскій Анастасіинъ монастырь, Богоявленскій тогда мужской (до декабря 1847 г.) монастырь,

Вознесенскій и Спасо-подвязный монастырь, не считая пригородныхъ Ипатіевскаго и Спасозапрудненскаго монастырей. Всѣхъ въ г. Костромѣ состояло 35 приходскихъ церквей, при чемъ при 19 изъ нихъ было по двѣ отдѣльныхъ церкви.

Какъ скоро узнали въ г. Костромѣ о прибытіи московскаго именитаго посольства, и о цѣли его, весь городъ въ одно мгновеніе пришелъ въ необычайное движеніе. Въ тотъ же день—13 марта костромичи, глубоко уважавшіе Михаила Ѳеодоровича, спѣшили въ Новоселки, чтобы сопутствовать свитѣ въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ имѣлъ пребываніе юный избранникъ на царство. Но, согласно полученному отъ инокини Марѳы и Михаила Ѳеодоровича указанію, посольство московское и костромскіе представители совмѣстно рѣшили уже на другой день отправиться въ гор. Кострому для того, чтобы доложить боярину Михаилу Ѳеодоровичу Романову о состоявшемся на московскомъ общеземскомъ соборѣ избраніи его россійскимъ государемъ и предложить ему царскую корону. Въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, 14 марта, состоявшій во главѣ посольства рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ съ освященнымъ соборомъ, въ преднесеніи хоругвей, пришедшихъ съ посольствомъ изъ Москвы святынь Тихвинской и Владимірской иконъ Божіей Матери, Животворящаго запрестольнаго креста и иконъ св. московскихъ чудотворцевъ, при звонѣ церковныхъ колоколовъ въ Новоселкахъ, открылъ торжественное шествіе отсюда къ Ипатіевскому монастырю. И вотъ эта духовная процессія, сопровождаемая всѣми чинами посольства и народомъ, прослѣдовала по р. Волгѣ и затѣмъ прибыла къ устью р. Костромы, гдѣ на нѣкоторое время пріостановилась.

Между тѣмъ, сюда же при величественномъ колокольномъ звонѣ во всѣхъ костромскихъ церквахъ уже направлялся изъ Успенскаго соборнаго храма торжественный крестный ходъ въ преднесеніи св. крестовъ, чудотворнаго Ѳеодоровскаго образа Богоматери и другихъ св. иконъ. Крестное шествіе сопровождало облаченное въ дорогія священныя одежды со-

борное и городское духовенство во главѣ съ протоіереемъ Алексіемъ и богоявленскимъ игуменомъ Арсеніемъ, вмѣстѣ со множествомъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и жителей города. Костромской крестный ходъ двинулся изъ (Костромского) кремля чрезъ Спасскія ворота въѣзжія и прослѣдовалъ Спасскимъ деревяннымъ на клѣткахъ мостомъ чрезъ бывшій прежде тутъ ровъ. Мостъ этотъ находился противъ нынѣшней, принадлежащей Богоявленскому монастырю, часовни во имя Христа Спасителя и по противоположному направленію къ соборной часовнѣ. Затѣмъ крестная процессія слѣдовала по возвышенной той линіи, гдѣ нынѣ дорога между гостинымъ дворомъ и пряничнымъ рядомъ,—далѣе мимо Предтеченской церкви, а потомъ или внизъ—по пути къ нынѣшней духовной семинаріи или, вѣроятнѣе, прослѣдовала далѣе на Мшанскую улицу до деревянной Ѳеодоровской на Сулѣ ранѣе соборной церкви, которая тогда уже довольно обветшала, ибо спустя 15 лѣтъ, по извѣстію писцовыхъ книгъ 1628—1630 годовъ, стояла безъ пѣнія. (Ѳеодоровская церковь была вблизи нынѣшней Богоотцовской церкви, построенной съ 1768 по 1771 г. въ подворьѣ Симеоновскаго монастыря, упраздненнаго въ 1761 году). Отсюда крестный ходъ поворотилъ по направленію къ р. Волгѣ внизъ по Симеоновской улицѣ, что нынѣ отъ Богоотцовской церкви по линіи къ женской гимназіи, и прибылъ къ устью р. Костромы, впадающей въ р. Волгу, и здѣсь-то присоединился къ московскому крестному ходу.

Отъ этого-то какъ-бы сборнаго пункта соединенная процессія освященныхъ соборовъ, въ совокупности московскихъ и костромскихъ великихъ святынь, въ сопровожденіи множества сановниковъ и народа, величественно, при свойственномъ старинному костромскому исполненію умилительномъ пѣніи священныхъ пѣснопѣній, съ подобающимъ священной важности благоговѣніемъ и благолѣпіемъ, слѣдовала по льду р. Костромы до самаго Ипатіевскаго монастыря, къ которому и прибыла съ восточной стороны каменной его ограды, построенной еще въ 1585 году боярами Димитріемъ И. и Бо-

рисомъ Ѳ. Годуновымъ. Здѣсь въ одной связи съ оградой были двои ворота, изъ которыхъ одни ворота, надъ коими въ 1586—87 годахъ устроенъ былъ храмъ во имя св. м. Ѳеодора и св. м. Ирины (вѣроятно въ честь тезоименитства царя Ѳеодора Ивановича и супруги его Ирины), назывались святыми, а другія ворота вблизи ихъ по срединѣ ограды были въѣзжія съ привратными кладовыми и назывались водяными воротами, такъ какъ выходили на берегъ р. Костромы. Какъ только крестный ходъ оказался напротивъ восточныхъ св. воротъ монастыря, раздался стройный звонъ колоколовъ на сооруженной въ 1603 году Д. И. Годуновымъ звонницѣ, возвѣщая о приближеніи соединенныхъ крестныхъ шествій къ самой св. обители.

Тогда на встрѣчу этимъ крестнымъ ходамъ выступила изъ Троицкаго соборнаго храма духовная процессія во главѣ съ архимандритомъ Ипатьевскаго монастыря Кирилломъ и вмѣстѣ благовѣрные инокиня Марѳа и сынъ ея Михаилъ Ѳеодоровичъ. Вблизи самаго входа въ св. врата они — Романовы съ благоговѣніемъ поклонились великимъ святынямъ и смиренно приняли благословеніе отъ архіепископа Ѳеодорита и затѣмъ чрезъ эти восточныя св. врата [1]) послѣдовало торжественное вшествіе процессіи въ монастырь. По вступленіи въ св. обитель московское посольство тотчасъ же въ лицѣ представителя

[1]) Во второй половинѣ XVIII вѣка эти ворота, не смотря на свою историческую знаменитость, были закрыты въ виду обветшалости ихъ. Во исполненіе Высочайшей воли въ 1834 году, эти св. ворота, какъ историческій памятникъ государства, вновь заложены 25 іюня 1840 года по плану архитектора Тона, съ возведеніемъ надъ ними церкви во имя св. Хрисанѳа и Даріи, празднуемыхъ 19 марта, въ каковой день совершился выѣздъ царя Михаила Ѳеодоровича чрезъ западныя ворота (гдѣ поэтому устроена Зеленая башня) въ Москву,—при чемъ, послѣ молебна по случаю закладки этой церкви воспѣта, послѣ многолѣтіи, вѣчная память въ Бозѣ почившему царю Михаилу Ѳеодоровичу. Церковь эта, выстроенная съ 25 іюня до октября, обрушилась, но, по указу Св. Синода отъ 25 марта 1854 г., вновь устроена и освящена 10 мая 1859 года. Что касается нынѣшнихъ сѣверныхъ воротъ, то они устроены въ 1766—67 гг. епископомъ Дамаскинымъ по случаю прибытія въ монастырь императрицы Екатерины II въ 14—15 дняхъ мая, вмѣсто уже ранѣе существовавшихъ небольшихъ воротъ частныхъ, которыя дотолѣ не имѣли такого назначенія, какое получили тогда и такъ донынѣ.

сингклита боярина Ѳ. И. Шереметева привѣтствовало инокиню Марѳу и Михаила Ѳеодоровича и поднесло грамоты — Михаилу объ избраніи его на всероссійскій престолъ, а Марѳѣ Ивановнѣ — съ моленіемъ о благословеніи сына на царство. Но, къ удивленію посольства, избранники Романовы со смиреніемъ, но рѣшительно отказались принять столь почетное предложеніе, при чемъ Михаилъ Ѳеодоровичъ не соглашался принять на себя тяжелое бремя правленія по своей молодости и неопытности въ управленіи при крайне бѣдственномъ тогда состояніи Россіи, разоренной и измученной поляками, шведами и русскими крамольниками. Послы тогда стали просить обоихъ Романовыхъ стать на первомъ мѣстѣ въ священной процессіи, чтобы съ нею вступить въ Троицкій соборный храмъ, и они, послѣ многихъ моленій внявъ этой просьбѣ, послѣдовали сюда за святынями. Здѣсь, по совершеніи освященнымъ соборомъ молебствія предъ чудотворными иконами, московское посольство снова просило Михаила Ѳеодоровича принять царскій скипетръ русскаго самодержавія и по наказу же просило инокиню Марѳу благословить сына ея на царство. Марѳа тогда съ великимъ гнѣвомъ говорила, что „у сына ея и въ мысляхъ того нѣтъ, что на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быти государемъ, а онъ государь не въ совершенныхъ лѣтѣхъ, да и потому что московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовалися, прежнимъ московскимъ государямъ давъ свои души не прямо служили“· Затѣмъ она упомянула объ измѣнѣ Борису Годунову, убійствѣ Лжедимитрія, о сведеніи съ престола и выдачѣ полякамъ Василія Шуйскаго и далѣе такъ говорила: „видя такія прежнимъ государямъ крестопреступленія и позоры, убивство и поруганіе, какъ быти на московскомъ государствѣ и прироженному государю государемъ? да и потому еще нельзя: московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и непостоянствомъ русскихъ людей разорилось до конца; и прежнихъ великихъ государей изъ давнихъ лѣтъ сокровища царскія литовскіе люди вывезли; а дворцовыя села и черные волости и пригородки и посады

розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людямъ и запустошены, а всякіе служилые люди бѣдны; и кому повелитъ Богъ быти на Владимерскомъ и на московскомъ государствѣ государемъ царемъ всея Русіи, то чѣмъ служилыхъ людей жаловати и свои государевы обиходы полнити и противъ своихъ недруговъ польскаго и литовскаго короля и иныхъ пограничныхъ государей стоять?“ Затѣмъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня Марѳа говорили, „что быти ему на государствѣ, а ей благословить сына своего на государство — лишь на погубленіе, да и для того, что отецъ его Филаретъ митрополитъ нынѣ у короля въ Литвѣ въ великомъ утѣсненіи, а свѣдаетъ то король, что на московскомъ государствѣ учинится сынъ его и ея, король тотчасъ велитъ надъ отцомъ его Филаретомъ митрополитомъ сдѣлать какое зло, а ему, Михаилу, безъ благословенья отца своего на московскомъ государствѣ никакъ быти не мочно“.

Тогда послы со слезами стали умолять и бить челомъ Михаилу „чтобъ соборнаго моленья и челобитья на презрилъ: выбрали его государя на московское государство по изволенію Божію, не его государевымъ хотѣніемъ положилъ Богъ единомышленно въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала и до велика на Москвѣ и на всѣхъ городѣхъ. А прежніе государи — царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣніемъ, изведше государской корень царевича Дмитрея и почалъ дѣлати многія неправды, и Богъ ему отмстилъ праведнаго и безпорочнаго государя царевича Дмитрея Ивановича убіеніе богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ, а воръ Гришка розстрига по своимъ дѣламъ отъ Бога месть принялъ, злою смертью умеръ; а царя Василья выбрали на государство немногіе люди и, по вражію дѣйству, многіе городы ему служить не похотѣли и отъ московскаго государства отложилися: и то все дѣлалось волею Божіею, а всѣхъ православныхъ христіянъ грѣхомъ; во всѣхъ людѣхъ московскаго государства была рознь и межеусобство. А нынѣ московскаго государства люди наказалися всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городѣхъ и за Божію и

апостольскія церкви и за христіянскую вѣру хотятъ помереть, и сына твоего государя нашего царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руссіи на владимерское и на московское государство и на всѣ государства россійскаго царствія обрали всею землею, и крестъ ему государю цѣловали: служити и прямити хотятъ"... Послы продолжали умолять Михаила Ѳеодоровича и матерь его съ третьяго часа дня до девятаго часа, говорили, „чтобъ онъ государь съ воли Божіей не снималъ, былъ на московскомъ царствѣ государемъ царемъ". Однако же Михаилъ Ѳеодоровичъ все не соглашался; тогда послы стали грозить ему, что „Богъ взыщетъ на немъ и на великой старицѣ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ конечное разоренье московскаго государства". Когда же человѣческія убѣжденія оказались безуспѣшными предъ непреклонною волею юнаго Михаила, архіепископъ Ѳеодоритъ и келарь Авраамій Палицынъ прибѣгли къ содѣйствію Царицы Небесной. Ѳеодоритъ взявши Московскую св. икону Богоматери, а Авраамій — икону Трехъ московскихъ Святителей, приблизились къ Михаилу Ѳеодоровичу, при чемъ архіепископъ суровымъ голосомъ произнесъ: „Не будь противенъ волѣ Божіей! не мы предприняли сей подвигъ, но Пречистая Божія Матерь возлюбила тебя, устыдись пришествія Ея!" Эта столь торжественная минута рѣшила участь россійскаго государства.

При воззрѣніи на лікъ Богоматери Михаилъ Ѳеодоровичъ и инокиня Марѳа потрясены были до глубины души; твердость ихъ поколебалась. Юный Михаилъ въ слезахъ подошелъ къ матери, чтобы въ ней найти себѣ подкрѣпленіе; но въ тоже время Ѳеодоритъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и бояре съ выборными изъ всѣхъ городовъ и народъ пали на колѣна предъ инокинею Марѳою, рыдая и умоляя ее именемъ Бога, церкви и страждущаго отечества — отдать сына на утѣшеніе милліоновъ народа русскаго, на спасеніе церкви, вѣры и отечества. „Смотри, говорили они въ слезахъ, указывая на чудотворныя иконы — кто желаетъ этого, кто пришелъ привѣтствовать тебя съ избраннымъ царемъ — сыномъ твоимъ".

Проникнутая дивною преданностію волѣ Всевышняго, инокиня старица наконецъ выразила свое согласіе, но Михаилъ оставался непреклоннымъ. Тогда уже сама мать пристала къ сонму умоляющихъ о принятіи царскаго скипетра и внушительно сказала сыну: „Исполни волю Божію! Это Божіе дѣло, а не человѣческій разумъ!“ Тогда лишь Михаилъ Ѳеодоровичъ изъявилъ свое согласіе принять скипетръ русскаго самодержавія: „Буди тако, если на это дѣло есть воля Божія!“ со слезами сказалъ онъ, повергшись на землю предъ чудотворными иконами Богоматери. Вслѣдъ за этимъ инокиня Марѳа, взявши сына за руку и вмѣстѣ съ нимъ въ рыданіи преклонивши колѣна предъ чудотворною Ѳеодоровскою иконою Божіей Матери, произнесла: „Се Тебѣ, о Богомати, въ Твои пречистыя руцѣ предаю чадо мое! наставь его на путь истинный, устрой ему полезная и всему православному христіанству!“ Надобно имѣть много героизма, чтобы въ виду смутъ и ужасающихъ умъ и сердце неурядицъ отдать сына — Михаила на служеніе Россіи, благословить на расшатанный царскій престолъ, окруженный хотя и раскаявшимися но все же клятвопреступниками. Тотчасъ же за этимъ обращеніемъ инокини Марѳы былъ возложенъ на Михаила Ѳеодоровича наперсный Животворящій крестъ, поднесенъ ему царскій скипетръ и предложенъ тронъ, на которомъ самодержецъ всей Россіи и выслушалъ божественную литургію, а по окончаніи ея торжественное молебствіе о царскомъ здравіи, съ возглашеніемъ многолѣтія богоизбранному, благородному и благовѣрному великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, самодержцу всея Россіи. За неизреченную милость Божію къ православнымъ христіанамъ, выраженную въ томъ, что бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ челобитья московскихъ чиновъ не презрилъ, московскіе послы вмѣстѣ съ Костромичами совершали по всѣмъ церквамъ благодарственные молебны по три дня съ цѣлодневнымъ звономъ.

Описанное великое событіе [1]) въ г. Костромѣ издревле

[1]) Въ память этого событія воздвигнута вблизи Костромского Успен-

изображено на память фресками въ южной галлереѣ Успенскаго соборнаго храма въ трехъ большихъ стѣнныхъ картинахъ, съ объясненіемъ ихъ въ особомъ между ними клеймѣ: 1-я — торжественное шествіе въ Ипатіевскій монастырь московскаго посольства во главѣ съ архіепископомъ Ѳеодоритомъ и костромского церковнаго чина, бояръ и множества народа въ преднесеніи святынь московскихъ и костромской Ѳеодоровской иконы Божіей Матери—для приглашенія Михаила Ѳеодоровича на царство; 2-я — ходатайство представителей Россіи предъ инокинею Марѳою Ивановною о дарованіи ею согласія и благословенія юному ея сыну Михаилу Ѳеодоровичу на принятіе самодержавства россійскаго и 3-я — самое воцареніе Михаила Ѳеодоровича (на тронѣ) въ Троицкомъ соборномъ храмѣ Ипатіевскаго монастыря. Тамъ же на стѣнѣ, въ золоченой каймѣ, представлено въ славянскомъ текстѣ посланіе отъ Московской Думы къ Михаилу Ѳеодоровичу съ извѣщеніемъ объ избраніи его на царство.

Не можемъ здѣсь не остановиться своимъ вниманіемъ на томъ примѣчательномъ обстоятельствѣ, что событіе воцаренія Михаила Ѳеодоровича въ г. Костромѣ, какъ и самаго царскаго избранія его въ Москвѣ, совершилось по изволенію и подъ покровительствомъ Пречистой Божіей Матери, Которая чуднымъ явленіемъ Ѳеодоровской иконы въ 1259 — 1262 годахъ взыскала своею милостію Костромского державнаго князя земли русской Василія Ярославича и затѣмъ, какъ извѣстно, не переставала являть благодать Своего заступленія предъ Господомъ на преемникахъ великокняжескаго престола, въ смутныхъ и бѣдственныхъ обстоятельствахъ своего правленія искавшихъ безопаснаго убѣжища въ г. Костромѣ подъ покровомъ Бого-

скаго собора каменная церковь во имя препод. Геннадія Костромского, перваго провозвѣстника (около 1545 года) славы Дома Романова, а подлѣ Троицкаго собора, бывшаго въ Костромскомъ Кремлѣ,— деревянная церковь во имя Московскихъ Святителей, какъ ходатаевъ за Россію о дарованіи ей царя Михаила Ѳеодоровича. Обѣ эти церкви во время великаго пожара 18 мая 1773 года разрушились и по недостатку средствъ не были возобновлены.

матери, — таковы великіе князья, имѣвшіе здѣсь надежное убѣжище: Димитрій Донской въ нашествіе Тохтамыша на г. Москву въ 1382 году, Василій Димитріевичъ съ семействомъ въ нашествіе Эдигея въ 1408 году, Василій Васильевичъ — въ 1433 году вслѣдствіе нападенія на г. Москву галичскаго князя Юрія Димитріевича. Обращая вниманіе на дѣло избранія на царство боярина Михаила Ѳеодоровича 21 февраля 1613 года, мы видимъ, что для этого московскіе и всѣхъ городовъ чины собрались въ соборной церкви во имя Пресв. Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія, при чемъ умоляли „всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Бога и Пречистую Богоматерь, чтобъ Богъ объявилъ кому быть государемъ царемъ всея Русіи". Далѣе, именитое общеземское посольство, какъ главную святыню, приноситъ въ г. Кострому Тихвинскую и Владимірскую иконы Божіей Матери. Затѣмъ, во время моленія, къ Михаилу Ѳеодоровичу о принятіи царскаго скипетра представители духовныхъ чиновъ—московскфе и костромскфе прибѣгли къ заступленію Ходатаицы міра предъ чудотворною Ѳеодоровскою Ея иконою, и по духовному воздѣйствію Богоматери Романовы, наконецъ, изъявили долго просимое у нихъ согласіе. Въ благоговѣйномъ почитаніи чудотворной Ѳеодоровской иконы Божіей Матери, вложившей въ юное сердце Михаила Ѳеодоровича, съ глубокою преданностію волѣ Божіей, рѣшимость принять жезлъ русскаго самодержавія въ смутное и тяжелое для государства время, государь Михаилъ Ѳеодоровичъ по воцареніи своемъ обратилъ первое и особенное вниманіе на Костромской Успенскій соборный храмъ, въ которомъ находится чудотворный Ѳеодоровскій образъ Богоматери, и излилъ на этотъ храмъ многія и великія царскія милости. Такъ, за годъ до своего прибытія 10 сентября 1619 года въ г. Кострому нарочито для поклоненія этой великой святынѣ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ чувствѣ благодарности по случаю заключенія 1 декабря 1618 года мира съ безпокойной Польшей (откуда долженъ былъ возвратиться отецъ его митрополитъ Филаретъ), прислалъ доселѣ сохраняющіяся въ соборной ризницѣ драгоцѣнныя украшенія для подвѣшиванія

къ Пречистому лику Владычицы на Ѳеодоровской иконѣ, т. н рясны или привѣски, — длиною болѣе полуаршина при ширинѣ въ одинъ вершокъ, низанныя въ рѣшетку по золотистой фольгѣ крупнымъ жемчугомъ, съ золотыми колодками и кольцами, изъ коихъ первыя украшены изумрудами, яхонтами и бурмицкими зернами. На колодкахъ ряснъ имѣется рѣзная надпись: „Божію милостію великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи самодержецъ и великая старица Марѳа Іоанновна приложили сіи рясны на Кострому въ соборную церковь къ чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Ѳеодоровскія въ пятое лѣто государства своего". Во время своего путешествія въ 1619 году на богомолье въ Макарьевъ къ преподобному Макарію чудотворцу Михаилъ Ѳеодоровичъ вмѣстѣ съ матерію инокинею Марѳою, пребывая въ г. Костромѣ съ 10 сентября два дня, приносили многія благодарственныя молитвы предъ чудотворной Ѳеодоровской иконой Божіей Матери. На обратномъ пути изъ Макарьева къ Москвѣ государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, снова остановившись въ Костромѣ на два дня, съ 10 по 12 октября, на память о посѣщеніи Успенскаго собора и благочестивомъ чествованіи чудотворной Ѳеодоровской иконы [1]) Божіей Матери, приложилъ доселѣ сохраняемыя въ соборѣ двѣ иконы Ея, шестилистовой мѣры, — Ѳеодоровскую въ серебряномъ окладѣ съ жемчужною цатою, рясnами и драгоцѣнными украшеніями и Владимірскую — въ серебряномъ окладѣ. Также памятникомъ

[1]) Благоговѣніе царя Михаила Ѳеодоровича къ этой иконѣ сопровождалось благоволеніемъ вообще къ собору и причту Костромского Успенскаго храма. Имъ даровано соборному протопопу съ братіею рѣдкое право ежегодно послѣ праздниковъ Успенія Божіей Матери — 15 августа и Ѳеодоровской иконы Ея — 14 марта являться въ Москву къ царю со святою водою и просфорою, пользуясь безъ уплаты прогоновъ ямскими лошадьми. Сверхъ того, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ увеличилъ соборному причту окладъ денежнаго жалованья и далъ хлѣбную ругу и сѣнокосныя пожни, «милости ради Пречистыя Богородицы, чудотворныя иконы Ѳеодоровскія» пазначилъ отпускъ изъ таможенныхъ доходовъ на неугасимую свѣчу предъ этой иконой 7 пудовъ воска, ведро вина церковнаго и 12 ф. ладона. Онъ же пожаловалъ въ соборную Успенскую церковь «большой благовѣстной колоколъ въ двѣсти пудовъ», также церковнослужебные сосуды, крестъ и Евангеліе, свящ. облаченія и др.

благочестиваго усердія царя Михаила Ѳеодоровича и особенно благоговѣйнаго его вниманія къ этому же чудотворному образу является присланная имъ жемчужная риза накладная, на которой по грунту мелкаго жемчуга низаны травы и разводы самымъ крупнымъ жемчугомъ; между звѣздами восточнаго хрусталя устроенъ финифтяный крестъ и золотыя скобы, украшенныя яхонтами и алмазами; въ ряду же многихъ цвѣтныхъ камней обращаетъ на себя особенное вниманіе лазоревый камень „баусъ“ съ рельефнымъ изображеніемъ св. чудотворца Николая.

Затѣмъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что въ честь чудотворной иконы Ѳеодоровской царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ установленъ главный праздникъ въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ 14 марта, въ воспоминаніе того, что въ это число 1613 года онъ, въ Троицкомъ соборномъ храмѣ Ипатіевскаго монастыря изъявивъ согласіе быть царемъ всея Руси, всецѣло предалъ себя покровительству Божіей Матери, Ѳеодоровскую икону которой, какъ костромичъ, особенно чтилъ, привыкши обращаться съ молитвою предъ ней еще въ дѣтствѣ, когда по временамъ съ своею матерію инокинею Марѳою проживалъ въ собственномъ ея домѣ въ костромскомъ кремлѣ вблизи Успенскаго соборнаго храма. Этотъ „нарочитый праздника день“ остается для православныхъ россіянъ доселѣ „радостенъ“, какъ воспѣваетъ св. церковь, „яко днесь рукою великаго князя и государя Михаила Ѳеодоровича, отъ костромскихъ предѣловъ возсіявшаго, вся страны отечествія нашего умирилъ Господь (стихир. вечерн. на праздн. Ѳеодоровск. ик. Бож. Мат.). Сверхъ того, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ установленъ на тотъ же 14 день марта свой *придворный* великій праздникъ въ честь Ѳеодоровской иконы Божіей Матери, точный списокъ съ каковой чудотворной иконы, взявши съ собою въ Москву при отправленіи 19 марта 1613 года изъ Костромы, царь Михаилъ помѣстилъ въ придворной Московской, что въ кремлѣ, въ сѣняхъ церкви въ честь Рождества Пресв. Богородицы. Съ тѣхъ поръ въ этой церкви ежегодно на память восшествія

Михаила Ѳеодоровича на всероссійскій престолъ совершалось великое празднество предъ этимъ Ѳеодоровскимъ образомъ Богоматери, какъ высокой Покровительницы Дома Романовыхъ, каковой образъ былъ очень богато украшенъ золотомъ, серебромъ, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями. Празднество это съ царскими выходами наканунѣ и въ самый праздникъ было во всѣхъ отношеніяхъ приравнено къ празднику Благовѣщенія Пресв. Богородицы, и церковная служба совершалась патріархомъ по т. н. благовѣщенской главѣ, т. е. съ литургіей св. Іоанна Златоуста и съ разрѣшеніемъ рыбнаго стола. Что праздникъ въ честь Ѳеодоровской иконы Богоматери, какъ составляющей фамильную святыню въ Царственномъ Домѣ Романовыхъ, былъ почитаемъ какъ одинъ изъ великихъ праздниковъ и при послѣдующихъ царяхъ, свидѣтельствуютъ „Выходы государей и царей“ въ праздники въ честь этой иконы отъ 1647 по 1678 годъ, именно выходы царей Алексѣя Михаиловича и Ѳеодора Алексѣевича съ подробнымъ описаніемъ царскихъ нарядовъ такихъ, какія употребляемы были русскими царями только въ великіе праздники. Благочестивое вниманіе къ празднеству Ѳеодоровской иконы Божіей Матери въ царствованіе Петра и Іоанна Алексѣевичей видно изъ даннаго ими въ 1688 году „жалованья бывшимъ въ пріѣздѣ Печерскаго монастыря намѣстнику Варлааму Ясинскому, да Антоніевыхъ пещеръ блюстителю Паисію, тремъ слугамъ монастырскимъ, всего 22 человѣкамъ, для празднества Пресвятыя Богородицы Ѳеодоровскія 14 марта“. По особому повелѣнію императрицы Елизаветы Петровны донынѣ отправляется въ придворной Рождество-Богородицкой церкви акаѳистъ Божіей Матери и ежегодно 14-й день марта празднуется торжественной службой въ честь Ѳеодоровскаго образа Богоматери. Благоговѣйное чествованіе и празднованіе Ѳеодоровской иконы и доселѣ свято продолжается въ Императорскомъ Домѣ Романовыхъ. Глубоко почитая этотъ образъ, какъ фамильный, Императоръ Александръ III выразилъ свою волю о возведеніи въ честь Ѳеодоровской иконы Божіей Матери великолѣпнаго храма въ

самой резиденціи Царствующаго Дома, и завѣтъ въ Бозѣ почивающаго Монарха уже исполненъ къ нынѣ юбилейно празднуемой трехсотлѣтней годовщинѣ царствованія Августѣйшаго Дома Романовыхъ.

Въ виду настоящаго высокаго юбилея Дома Романовыхъ пріобрѣли особенное современно-историческое значеніе бывшіе нѣмыми свидѣтелями совершившагося 14 марта 1613 года призванія боярина Михаила Ѳеодоровича на царство, несенные въ процессіи московскаго посольства—Тихвинская и Владимірская иконы Божіей Матери, запрестольный крестъ и большой фонарь, каковыя реликвіи тщательно сохраняются въ монастырѣ при Троицкомъ соборномъ храмѣ.

Образъ Тихвинской Божіей Матери написанъ, по преданію, св. Петромъ, митрополитомъ Московскимъ, мѣстно чтимый какъ чудотворный, издревле занимаетъ въ иконостасѣ Троицкаго собора второе мѣсто по лѣвую сторону царскихъ вратъ. Эта икона—мѣрой въ 5 четвертей, въ чеканномъ окладѣ серебряномъ позолоченномъ, украшена жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Для равномѣрности съ прочими мѣстными иконами, вокругъ этого образа въ 1736 году помѣщено 15 другихъ небольшихъ иконъ древняго письма. Тихвинская икона Божіей Матери на осень и зиму переносится въ теплый храмъ Рождества Пр. Богородицы для поклоненія вѣрующихъ и бываетъ носима по г. Костромѣ въ т. н. генеральныхъ крестныхъ ходахъ.

Владимірская икона Божіей Матери имѣетъ 2 аршина съ рукоятью, а самое изображеніе—12 вершковъ высоты до обрамленія и 8 вершковъ ширины. Икона—художественнаго стариннаго письма, въ басменномъ цѣльномъ окладѣ хорошей сохранности. Въ вѣнцѣ Божіей Матери изъ бывшихъ 8 дробницъ со святыми, вытиснутыхъ изъ легкой басмы, сохранилось лишь 5 дробницъ. По обрамленію, въ вершокъ, или бордюрамъ иконы имѣется 8 литыхъ серебряныхъ дробницъ: вверху въ срединѣ надъ главой Божіей Матери—Распятіе Христово съ двумя предстоящими на каждой сторонѣ; въ правомъ углу—І. Предтеча, а въ лѣвомъ ап. Іоаннъ; съ пра-

вой стороны по срединѣ—священномуч. Игнатій, а съ лѣвой священномуч. Ипатій; внизу въ срединѣ—святитель Алексій, на правой сторонѣ—преп. Сергій, а на лѣвой—препод. Никонъ, ученикъ Сергія. На обратной сторонѣ Владимірской иконы изображены въ срединѣ ап. Филиппъ, по правую сторону—св. I. Златоустъ, а по лѣвую—священномуч. Ипатій, всѣ они—съ вѣнцами изъ легкой басмы, наложенной по деревяннымъ валикамъ; басма тонкая и ветхая, при чемъ имѣются слѣды неоднократнаго наложенія разнородной басмы въ обветшавшихъ мѣстахъ ея. Письмо иконное на этой сторонѣ не столь художественное, какое имѣетъ Владимірская икона Богоматери,—вѣроятно, оно было переписано когда либо въ началѣ XIX вѣка.

Запрестольный крестъ — деревянный, четвероконечный, имѣетъ 13½ вершковъ высоты съ рукоятью и 11 вершковъ въ поперечникѣ. Въ срединѣ креста изображено въ празелени Распятіе Іисуса Христа и по сторонамъ два разбойника; предстоящіе на правой сторонѣ—Божія Матерь и жены мироносицы, а на лѣвой—I. Богословъ и сотникъ Лонгинъ; сохраняются здѣсь остатки пяти вѣнчиковъ съ разноцвѣтными стеклами. На правомъ концѣ креста—овальное изображеніе Благовѣщенія Божіей Матери, на верхнемъ концѣ ветхозавѣтная Троица (подъ Мамврійскимъ дубомъ); внизу, вблизи рукояти изображенъ Іисусъ Христосъ съ крыльями—„Велика совѣта Ангелъ“. На обратной сторонѣ запрестольнаго креста изображены Божія Матерь съ младенцемъ Іисусомъ, ап. Филиппъ и священномуч. Ипатій; на правомъ концѣ креста—св. Григорій Богословъ, на лѣвомъ—I. Златоустъ, на верху—св. Василій Великій и внизу св. Николай Мирликійскій. Крестъ украшенъ узорчатой басмой, средней сохранности, имѣетъ немало древнихъ стеклянныхъ украшеній. Старинное письмо отчасти сохранилось на передней сторонѣ креста, на обратной же оно переписано.

Рядомъ съ этими тремя описанными святынями сохраняется несенный въ той же торжественной процессіи большой, въ 4 арш. высоты, съ деревянной рукоятью (въ 2 арш. 2 верш.), фонарь съ пятью шандалами внутри, сдѣланный изъ желѣза и

слюды, съ мѣдными бордюрами, съ шатровымъ верхомъ въ видѣ короны, десятью зубцами, завершенными каждый грушеобразною главкою. Средняя главка—въ 13 в. высоты и 1 арш. 9 1/2 в. въ окружности, боковыя же коронки—по 8 в. высоты и 7 1/2 в. въ окружности. Подобные фонари имѣются въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, въ Новгородскомъ Софійскомъ соборномъ храмѣ, въ Антоніевомъ монастырѣ вблизи Новгорода, въ пог. Челмужѣ, Арханг. губ., и въ немногихъ древнѣйшихъ церквахъ Москвы и Кіева; въ самой ризницѣ Ипатіевскаго Троицкаго собора сохраняется фонарь подобнаго же устройства—изъ Никольской церкви Костромской, что за Волгой. Но всѣ эти фонари менѣе грандіозны по величинѣ и изяществу; фонарь же Ипатіевскаго монастыря представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ образцовъ этого рода, какіе только уцѣлѣли доселѣ, или, вѣрнѣе, есть единственный въ своемъ родѣ.

Эти четыре описанныя реликвіи открыто свидѣтельствуютъ намъ о важномъ значеніи торжественно воспоминаемаго историческаго событія 14 марта 1613 года и не только для Россіи, но и для г. Костромы. Безспорно, что событіе воцаренія Михаила Ѳеодоровича было радостнѣйшее, но не для одного города Костромы: послѣдній только болѣе другихъ городовъ оказался счастливымъ тѣмъ, что онъ далъ бѣдствовавшему и находившемуся на краю гибели русскому государству „Спасителя Вѣры и Отечества“ и первый привѣтствовалъ богоизбраннаго Царя Михаила. Этимъ воцареніемъ вскорѣ же и неизмѣнно обрадована была Москва и затѣмъ вся Россія, все московское государство. По словамъ лѣтописца, „бысть радость на Москвѣ паче первыя“, т. е. той радости, которая охватила всѣхъ жителей г. Москвы сначала по случаю единодушнаго избранія царя православнаго въ лицѣ боярина Михаила Романова. Чрезъ знаменательное для Россіи событіе воцаренія Михаила Ѳеодоровича въ Ипатіевскомъ монастырѣ и послѣдній пріобрѣлъ важное историческое значеніе, а вмѣстѣ и г. Кострома. Представляется справедливымъ здѣсь сказать,

что если, по суду исторіи, Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелью монархіи, Кіевъ знаменитъ купелію христіанства въ Россіи, а въ Москвѣ спаслись въ началѣ 1613 года отечество и вѣра [1]), то въ день 14 марта 1613 года и знаменитость Новгорода и честь Москвы совокупно перешли на Кострому, изъ которой вышелъ на спасеніе отечества и вѣры [2]) Родоначальникъ Царственнаго, благословеннаго Богомъ, Дома Романовыхъ, поставившій россійское государство на его историческій путь, возстановившій или даже вновь создавшій это государство, и историки съ большимъ правомъ называютъ царя Михаила Ѳеодоровича вторымъ основателемъ русскаго государства, а не одной первопрестольной Москвы. Мы не можемъ не относиться съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія къ Михаилу Ѳеодоровичу Романову, какъ Родоначальнику одной изъ самыхъ могущественныхъ династій во всемірной исторіи, какъ основателю той новой національной нынѣ трехсотлѣтней династіи, которая довела Россію до теперешняго Императорскаго величія и могущества, державно представляемаго въ Августѣйшемъ лицѣ нашего возлюбленнаго Монарха, Царя Самодержца НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА Романова.

И. Баженовъ.

---

[1]) Истор. государ. росс., Карамзина, т. IV, стр. 203.
[2]) Надпись на памятникѣ И. Сусанину въ Костромѣ.

Посѣщенія Макарьевскаго Унженскаго монастыря царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

ВЪ уѣздномъ городѣ Макарьевѣ, расположенномъ на правомъ возвышенномъ берегу рѣки Унжи, притока Волги, находится Макарьевскій Унженскій монастырь, основанный въ первой половинѣ XV в. (1439 г.) уроженцемъ Нижняго Новгорода, преп. Макаріемъ Желтоводскимъ, мощи котораго покоятся въ соборномъ монастырскомъ храмѣ за столпомъ, на правой сторонѣ, въ богатой серебряной ракѣ подъ великолѣпной рѣзной вызолоченной сѣнью и ограждены мѣдною позлащенною рѣшеткой.

Эта смиренная и малоизвѣстная въ Россіи св. обитель Костромского края имѣетъ за собой въ своей прошедшей жизни немаловажное историческое значеніе для нашего богохранимаго отечества. Триста лѣтъ тому назадъ съ нею нѣкоторымъ образомъ связывались судьбы предковъ нашего нынѣ благополучно Царствующаго дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьбы всего русскаго государства. Не даромъ она пользовалась особеннымъ вниманіемъ первоизбраннаго изъ Дома Романовыхъ Царя Михаила Ѳеодоровича. Михаилъ Ѳеодоровичъ считалъ угодника Божія пр. Макарія Унженскаго своимъ небеснымъ покровителемъ и, какъ исторически извѣстно, по вступленіи своемъ на Царскій престолъ, вмѣстѣ съ своею матерью инокинею Марѳой Іоанновной совершилъ въ св. обитель преподобнаго нарочитое „по обѣту“ торжественное путешествіе съ богомольною цѣлію.

Родъ бояръ Романовыхъ отличался глубокою религіозностью, соединенною съ благочестіемъ. Въ подтвержденіе этого можно привести два исторически извѣстныя свидѣтельства.

Дочь Романа Юрьевича Захарьина Анастасія Романовна, супруга царя Іоанна Васильевича Грознаго, извѣстна въ исторіи какъ царица кроткая, глубоко религіозная и благочестивая. Этими своими качествами она благотворно вліяла на своего царственнаго супруга. Своею кротостію, соединенною съ благочестивою религіозностію, она сдерживала своего супруга царя Іоанна отъ тѣхъ страшныхъ вспышекъ гнѣва, которыя овладѣли имъ впослѣдствіи, послѣ ея смерти, и дали ему прозваніе Грознаго. Тѣми же качествами глубокой религіозности отличались родители царя Михаила Ѳеодоровича Ѳеодоръ Никитичъ и его супруга Ксенія Ивановна. Постриженные въ монашество по повелѣнію враждебнаго имъ царя Бориса Годунова, первый съ именемъ Филарета, вторая съ именемъ Марѳы, они смиренно приняли это насильственное постриженіе, какъ всеблагую волю Божію о нихъ, пребыли въ монашествѣ все послѣдующее время своей жизни, съ честію и достоинствомъ людей благочестивыхъ несли возложенный на нихъ волею Божіей иноческій крестъ и не измѣнили ему до конца жизни. Мѣстныя Костромскія лѣтописи называютъ Филарета Никитича, въ бытность его митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, чуднымъ архіереемъ, блаженнымъ во истину и много добродѣтельнымъ, а Марѳу Ивановну—благовѣрною великою старицей-инокою. Не менѣе своихъ благочестивыхъ родителей былъ религіозенъ и благочестивъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Тѣже Костромскія лѣтописи, называя его пречестною отраслію, свидѣтельствуютъ объ его усердной молитвѣ предъ гробомъ пр. Макарія, въ которой онъ „многія моленія показа, многія слезы излія“.

Такимъ образомъ, со стороны глубокой религіозности, которая была присуща роду Романовыхъ, вполнѣ понятнымъ является торжественное путешествіе Михаила Ѳеодоровича въ Макарьевскую Унженскую обитель на богомолье и пребываніе въ ней.

Но не одною только родовою религіозностію объясняется нарочитое путешествіе царя Михаила на богомолье въ эту обитель. Если бы это путешествіе было явленіемъ только

личной религіозности царя, то оно, какъ обычное, не представляло бы собою особенной исторической достопримѣчательности. Нѣтъ, въ данномъ случаѣ оно было необычно и необычайность его объясняется особенными чрезвычайными обстоятельствами, въ которыхъ находился родъ Романовыхъ и, особенно, семейство Ѳеодора Никитича со времени воцаренія Бориса Годунова и въ которыхъ приняла участіе Макарьевская Унженская обитель.

Романовы пользовались особенно благорасположенностію и довѣріемъ царя Іоанна Васильевича Грознаго. По его волѣ братъ Анастасіи Романовны Никита Романовичъ былъ въ числѣ немногихъ приближенныхъ бояръ, руководительству которыхъ былъ порученъ сынъ царя Ѳеодоръ Іоанновичъ. Родственная близость Романовыхъ къ царямъ Іоанну Васильевичу и Ѳеодору Іоанновичу, особенная къ нимъ благорасположенность обоихъ государей естественно возбуждали въ Борисѣ Годуновѣ чувство зависти, перешедшее впослѣдствіи въ страхъ предъ сильною родовитостію Романовыхъ. И вотъ, по воцареніи своемъ, подозрительный Борисъ Годуновъ, все еще находясь подъ вліяніемъ этого страха, началъ преслѣдованіе ихъ. Въ 1601 г. онъ раскидалъ родъ Романовыхъ по отдаленнымъ мѣстамъ русской земли. Ѳеодоръ Никитичъ, насильно постриженный въ монашество съ именемъ Филарета, былъ отправленъ на жительство къ Архангельску въ Антоніево-Сійскую обитель, а его супруга Ксенія Ивановна, также постриженная въ монашество съ именемъ Марѳы, сослана была къ Онежскому озеру сначала въ погостъ Толвуй, а потомъ въ село Челмужъ Повѣнецкаго уѣзда. Сынъ ихъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и дочь Татіана Ѳеодоровна съ супругами Черкасскими и теткой Анастасіей Никитичной сосланы были на Бѣлое озеро. Казалось, что родъ Романовыхъ обреченъ былъ на полное разореніе и уничиженіе, отъ которыхъ невозможно было избавиться. Изъ всѣхъ сосланныхъ только князь Черкасскій съ супругой, Анастасія Никитична и бывшія съ ними дѣти Ѳеодора Никитича пятилѣтній Михаилъ съ сестрой Татьяной черезъ годъ возвра-

щены были изъ Бѣлоозерской ссылки и поселены на жительство въ вотчинѣ Черкасскихъ, въ селѣ Клонахъ, Юрьевецкаго уѣзда, а всѣ остальные пробыли на мѣстахъ ссылки до смерти Годунова. Само собою разумѣется, что это, обрушившееся на Романовыхъ гоненіе со стороны Годунова должно было запечатлѣться въ ихъ сердцахъ и, особенно, въ сердцѣ юнаго Михаила. Затѣмъ, начавшееся по смерти Бориса Годунова время самозванщины и народной смуты, различно отразившихся на судьбѣ Михаила Ѳеодоровича и его отца Филарета Никитича, должно было произвести на Михаила также сильное впечатлѣніе. И въ это время онъ не былъ свободенъ отъ опасностей и пережилъ разнообразныя состоянія. По милости лже-Димитрія I Михаилъ Ѳеодоровичъ живетъ нѣкоторое время съ родителями своими въ Ростовѣ, затѣмъ съ одною матерью въ Москвѣ, тогда какъ отецъ его митр. Филаретъ въ плѣну у Тушинскаго вора. Но вотъ освобожденъ изъ Тушинскаго плѣна отецъ, освобождена отъ Поляковъ Москва, а съ нею и Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью, которые и отправляются изъ Москвы въ Кострому и ея предѣлы, гдѣ была вотчина ихъ. Но и здѣсь Михаилъ Ѳеодоровичъ не былъ безопасенъ. Узнавъ о предназначеніи его въ Московскаго царя, поляки разыскиваютъ его, чтобы лишить Московское государство новоизбраннаго царя, и Михаилу Ѳеодоровичу снова приходится скрываться отъ опасныхъ враговъ. Въ этихъ-то трудныхъ для него обстоятельствахъ и пришелъ къ нему на помощь Макарьевскій Унженскій монастырь.

Костромскіе историки на основаніи преданій и лѣтописей монастыря предполагаютъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ посѣщалъ Макарьевскую обитель и имѣлъ въ ней пребываніе не два раза, какъ это исторически установлено, а три раза, при чемъ первое посѣщеніе относятъ ко времени Бориса Годунова. Останавливаясь на загадочной личности строителя Макарьевскаго монастыря инока Давида Хвостова, предполагаютъ, что онъ укрывалъ Михаила Ѳеодоровича въ своемъ монастырѣ съ 1602 г. до 1605 г. Такое предположеніе основывается ими

на томъ документальномъ сообщеніи, что Давидомъ Хвостовымъ были построены игуменскія келіи съ комнатой. Объ этой комнатѣ упоминается и въ лѣтописи и въ описи, составленной воеводою Юріемъ Логиновымъ въ 1613 году; въ ней, въ числѣ монастырскихъ зданій, значится игуменская келія съ комнатою. Костромскіе историки и полагаютъ, что въ этой комнатѣ скрытно проживалъ по возвращеніи въ 1602 году изъ ссылки пятилѣтній Михаилъ. На это тайное пребываніе его въ монастырѣ указываетъ и мѣстное преданіе о томъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ нѣкоторое время сохранялся въ куполѣ монастырской Успенской церкви, построенной на мѣстѣ царскихъ келій, въ которыхъ пребывалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ во время своего путешествія въ обитель въ 1619 году. Не смотря на невѣрность и спутанность преданія, костромскіе историки не лишаютъ его значенія для подтвержденія предположенія о скрытномъ пребываніи Михаила въ монастырѣ. „Преданіе“, говоритъ одинъ изъ нихъ, г. Бѣляевъ, „смѣшиваетъ два случая: и храненіе его и посѣщеніе. Но посѣщеніе храненію величайшая разница. Преданіе говоритъ о храненіи малолѣтняго, а не о посѣщеніи царя. Поэтому-то, указывая на глухой куполъ Успенской церкви связываютъ его съ комнатою молодого Михаила..... Чѣмъ болѣе объясняешь себѣ причины любви царя Михаила Ѳеодоровича къ Макарьевской обители, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что, дѣйствительно, молодость его съ пяти до десятилѣтняго возраста протекла въ ней“ [1]). Впрочемъ самъ же г. Бѣляевъ оговаривается относительно невозможности проникнуть въ предполагаемое имъ пребываніе въ то время Михаила Ѳеодоровича въ слѣдующихъ словахъ: „Что же касается до храненія, то тайна эта ушла въ могилу съ хранителемъ ея Давидомъ Хвостовымъ“. По словамъ г. Бѣляева, достовѣрнымъ можетъ быть признано лишь то, что инокиня Марѳа Іоанновна, по возвращеніи своемъ изъ ссыльнаго мѣста Челмужъ, была въ монастырѣ,

[1]) Исторія города Макарьева на Унжѣ. 1907 г. стр. 186—187.

гдѣ и взяла своего сына Михаила отъ Давида Хвостова изъ рукъ въ руки, при чемъ указывается, что Михаилъ жилъ въ келіи самого строителя (156 стр.). Изъ этихъ данныхъ, по мнѣнію г. Бѣляева, можно вывести то заключеніе, что Михаилъ Ѳеодоровичъ взятъ былъ изъ Макарьевскаго монастыря, гдѣ онъ жилъ нѣкоторое время, а сколько—неизвѣстно.

Тѣже макарьевскія лѣтописи говорятъ кратко, но довольно опредѣленно, о посѣщеніи инокинею Марѳою Іоанновною „изъ Костромскихъ предѣловъ изъ вотчины своея на поклоненіе гробу святаго и молитвы ради съ пречестною своею отраслію, съ сыномъ своимъ благовѣрнымъ отрокомъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Романовымъ, иже потомъ вскорѣ бысть милостію Божіею Государь, Царь и Великій князь всей Россіи...., егда еще не у діадиму нося и скипетръ державства, егда крыяся отъ безбожныхъ ляховъ въ младыхъ ся лѣтахъ въ предѣлахъ Костромскихъ, паче же покрываемъ бываше покровомъ милости небесныя царицы, христіанскія надежды и заступницы Богородицы..... достиже и Унженскія чуднаго Макарія обители..... Тіи убо мати съ сыномъ многія моленія у гроба святаго Макарія сотвориша, молящеся богоносному отцу, да поможетъ имъ своимъ ко Христу ходатайствомъ въ печалехъ ихъ и да сподобитъ я видѣти блаженнаго воистину и многодобродѣтельнаго Филарета митрополита Ростовскаго и Ярославскаго въ Польшѣ тогда удержаннаго.... Слышавъ бо бяше славу чудесъ его (т. е. пр. Макарія) и при его святѣмъ и чудотворнѣмъ гробѣ многія моленія показа, многія слезы излія, еже бы молитвами его отъ злочестивыхъ сохранитися... сотвори убо моленія своя смиренно и о родителѣ своемъ чудномъ архіереи Филаретѣ, удержанномъ въ Польшѣ въ плѣнѣ, яко да понеже облобыжетъ святыя его сѣдины, паче же святѣй церкви мольбы дѣяше“.

Это посѣщеніе Макарьевскаго монастыря было, какъ видно изъ лѣтописи, по освобожденіи отъ поляковъ Московскаго кремля 22 октября 1612 г., когда они сдали кремль ополченію сѣверныхъ городовъ и когда изъ Кремля въ числѣ

бояръ и боярынь, бывшихъ тамъ, вышли Иванъ Никитичъ Романовъ, инокиня Марѳа Ивановна и сынъ ея Михаилъ Ѳеодоровичъ. Исторически установлено, что по освобожденіи отъ плѣна поляковъ въ осажденномъ русскими Московскомъ Кремлѣ, Михаилъ Ѳеодоровичъ удалился съ матерью въ Кострому.

Предшествовавшія, начиная съ гоненія Годунова, бѣдственныя обстоятельства и новыя—преслѣдованіе Михаила Ѳеодоровича поляками и плѣненіе ими Филарета Никитича, побудили Марѳу Ивановну и Михаила Ѳеодоровича искать спасенія въ помощи Божіей. Слишкомъ тяжелы были эти обстоятельства, истощилось терпѣніе, изсякла и надежда на благополучный исходъ ихъ, и вотъ въ этотъ-то тяжелый моментъ они прибѣгаютъ съ молитвою къ Богу о помощи и заступленіи предъ святымъ и чудотворнымъ гробомъ пр. Макарія Унженскаго. Почему же предъ его гробомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ сама лѣтопись, которая говоритъ: „слышавъ бо бяше славу чудесъ его". Въ этихъ лѣтописныхъ словахъ содержится ключъ для разгадки значенія Макарьевской Унженской обители въ судьбахъ Михаила Ѳеодоровича. Его и Марѳу Ивановну привлекла въ обитель слава о чудесахъ, происходившихъ по молитвамъ къ угоднику Божію, а отсюда и надежда на чудесное спасеніе отъ невыносимо-трудныхъ жизненныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находились все время эти отечественные страдальцы. А слава о чудесной помощи по молитвамъ и ходатайству предъ Богомъ угодника Божія пр. Макарія была въ то время дѣйствительно велика: многіе, приходившіе изъ разныхъ мѣстъ, исцѣлялись отъ болѣзней, города и села въ борьбѣ съ поляками получали помощь свыше заступленіемъ преподобнаго. Еще царь Ѳеодоръ Іоанновичъ обратилъ вниманіе на распространявшуюся въ его время всюду славу о чудесахъ преподобнаго и послалъ инока изъ боярскихъ дѣтей Давида Хвостова устроить монастырь на мѣстѣ чудотворнаго гроба преподобнаго, такъ какъ монастырь былъ въ то время бѣденъ и малолюденъ. По той же

причинѣ не могъ не обратить вниманія на этотъ монастырь и Михаилъ Ѳеодоровичъ, находившійся почти постоянно съ родителями своими въ столь тяжелыхъ обстоятельствахъ, грозившихъ имъ смертною опасностію. Отъ нихъ не было возможности избавиться никакими человѣческими средствами: оставалось одно только средство—вѣра во всесильную помощь Божію. А гдѣ же было и искать такой помощи Божіей, какъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ она уже обнаруживалась?!... Слава о многочисленныхъ чудесахъ, совершавшихся по молитвамъ предъ ракой преп. Макарія, и побудила Марѳу Ивановну и Михаила Ѳеодоровича искать спасенія въ безъисходной бѣдѣ у гроба Унженскаго чудотворца, обратиться „въ печалехъ своихъ въ Макарьевскій Унженскій монастырь со многими моленіями, со многими слезами къ преп. Макарію при его святѣмъ и чудотворнѣмъ гробѣ, еже бы молитвами отъ злочестивыхъ (ляховъ) сохранитися... и о родителѣ своемъ чудномъ архіереи Филаретѣ, удержанномъ въ Польшѣ въ плѣнѣ, яко да понеже облобыжетъ святыя его сѣдины“ или, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ лѣтописи: „да поможетъ имъ въ печалехъ ихъ и да сподобитъ я видѣти блаженнаго воистину и много добродѣтельнаго Филарета митрополита Ростовскаго и Ярославскаго въ Польшѣ тогда удержаннаго“.

О томъ, когда и сколько времени пробылъ въ этотъ разъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ своею матерью въ Макарьевскомъ монастырѣ, можно судить по даннымъ лѣтописи. Лѣтопись говоритъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ посѣщалъ монастырь въ то время, когда онъ не былъ еще царемъ, „егда еще не у діадиму нося и скипетръ державства“, но уже былъ предъизбранъ въ цари и вынужденъ былъ скрываться „отъ безбожныхъ ляховъ въ младыхъ ся лѣтахъ въ предѣлахъ Костромскихъ“, а объ отцѣ митроп. Филаретѣ говорится, что онъ уже былъ плѣнникомъ въ Польшѣ. Въ Костромскіе предѣлы изъ Москвы, по освобожденіи его отъ польскаго плѣна въ Кремлѣ 22 окт. 1912 г., онъ отправился тотчасъ же, слѣдовательно, его посѣщеніе Макарьевской обители могло

быть между ноябремъ 1612 г. и мартомъ 1613 года и, вѣроятнѣе всего, въ февралѣ мѣсяцѣ, такъ какъ избраніе Михаила Ѳеодоровича состоялось 21 февраля мѣсяца 1613 г. Выраженія лѣтописи: „многія моленія показа, многія слезы излія“ показываютъ, что въ этотъ разъ Михаилъ Ѳеодоровичъ пробылъ въ монастырѣ болѣе или менѣе продолжительное время, но сколько именно, за неимѣніемъ данныхъ нельзя опредѣлить.

Михаилъ Ѳеодоровичъ всенародно избранъ на царство и спасенъ отъ польской опасности. Часть молитвы его - именно о немъ самомъ - исполнилась. Испытавъ на себѣ богохранимость по молитвѣ къ преподобному Макарію еще до избранія и воцаренія, Михаилъ Ѳеодоровичъ продолжаетъ и по воцареніи „непрестанно мольбы и моленія творить ко всещедрому Богу и ко Пречистой Богородицѣ и святыя призывать въ молитвахъ своихъ и великаго чудотворца преп. Макарія Унженскаго, яко да царствія его вся мятежи и кровопролитія утолятся, и родителя своего блаженнаго Архіерея Филарета узритъ освобожденна изъ плѣна и въ царствующій Градъ пришедша. Положи же благовѣрный царь обѣщаніе свое преп. Макарію въ молитвахъ своихъ, яко аще молитвами его, вышереченная прошенія его царская Богъ исполнитъ, то паки свое царское шествіе сотворити въ честную его обитель“.

Что, дѣйствительно, единственнымъ побужденіемъ къ посѣщенію Макарьевскаго монастыря Михаиломъ Ѳеодоровичемъ была его молитва предъ мощами преп. Макарія въ силу многочисленной, отовсюду свидѣтельствуемой, чудодѣйственности святого, положиться на которую ему только и оставалось, это подтверждается тѣмъ, что второе свое путешествіе по воцареніи Михаилъ Ѳеодоровичъ совершаетъ по обѣту: „положи же яко аще молитвами его вышереченная прошенія царская Богъ исполнитъ, то паки свое царское шествіе сотворити въ честную его обитель“, т. е. подъ условіемъ исполненія второй части своей молитвы, и исполняетъ сей обѣтъ чрезъ довольно продолжительный промежутокъ времени (6 лѣтъ), когда уже успѣли и мятежи и кровопролитія утолиться (прекратиться) и

былъ возвращенъ въ Москву митр. Филаретъ, вскорѣ послѣ этого возведенный въ патріарха всея Руси. Исполнилась и вторая часть молитвы Михаила Ѳеодоровича къ преподобному о заступленіи, и вотъ мы видимъ, что онъ, въ благодарность за это, торжественно прославляетъ преп. Макарія какъ великаго чудотворца сначала посредствомъ „сыска“ (разслѣдованія) о чудесахъ отъ преподобнаго, и рѣшеніемъ патріарха „по общему духовному совѣту о Святѣмъ Дусѣ проповѣдати дѣла Божіи преславно есть и угоднику Его, преподобному Макарію честь воздаяти такожъ, якожъ и прочимъ Святымъ преподобнымъ отцемъ“, потомъ и торжественнымъ царскимъ посѣщеніемъ обители со всѣми благими для нея послѣдствіями его. Лѣтописное сказаніе о торжественномъ путешествіи Михаила Ѳеодоровича, совершенномъ имъ на седьмой годъ по восшествіи на престолъ царскій, подтверждается историческими свидѣтельствами—письмами Маріы Іоанновны, царя Михаила Ѳеодоровича и отца его патріарха Филарета. Изъ совмѣстнаго обзора лѣтописнаго сказанія о путешествіи и писемъ по поводу его оно представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, убѣдившись въ томъ, что молитвами преп. о. Макарія „вся его царскаго пресвѣтлаго величества прошенія исполняются, по восшествіи на престолъ патріаршій святого отца своего Филарета вскорѣ въ томъ же лѣтѣ обѣщаніе свое исполняя, со всѣмъ царскимъ синклитомъ, честную преп. отца обитель достигаетъ и вожделенно при святомъ его гробѣ прошенія свои и благодарствія Богови приноситъ и великаго въ чудесѣхъ Богоноснаго о. Макарія поклоняяся мощамъ его святымъ и гробъ его честный цѣлуя умиленно благодаряше яко не презре прошенія его... за чудеса и помощь, оказанную ему, Великому Государю и пречестнымъ родителямъ его государскимъ, во время ихъ государскихъ печалей“. Въ помощи свыше по молитвамъ св. угодника Макарія Унженскаго царь убѣдился на самомъ себѣ и на родителѣ своемъ митр. Филаретѣ. Но въ лѣтописи говорится, что онъ совершилъ путешествіе не только за помощь Божію,

оказанную ему и его родителямъ, но и за чудеса. За какія? За тѣ, свѣдѣнія о которыхъ были собраны по повелѣнію царя патр. Филаретомъ предъ царскимъ путешествіемъ. Дѣло въ томъ, что предъ своимъ путешествіемъ въ обитель Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ патр. Филарету произвести оффиціальный сыскъ (разслѣдованіе) о чудесахъ пр. Макарія Унженскаго. Объ этомъ сыскѣ упоминается въ письмѣ патр. Филарета отъ 3 сент. 1619 г. къ сыну царю, гдѣ говорится: „По твоему царскому повелѣнію и по совѣту, а по нашему благословенію, которые были посланы для свидѣтельства Макарія Унженскаго Чудотворца и въ ихъ, Государь, свидѣтельствѣ написано: которыхъ они всякихъ исцѣлѣвшихъ людей разспрашивали и свидѣтелей по нихъ и про ихъ исцѣленіе родимцовъ и отцовъ ихъ духовныхъ и иныхъ людей, которые тѣхъ исцѣлѣвшихъ людей знаютъ и про то ихъ исцѣлѣніе вѣдаютъ, предъ собою ставили и по ихъ, Государь, сыску и свидѣтельству тѣхъ всякихъ исцѣлѣвшихъ людей, которые были больны очною болѣзнью и иными всякими различными болѣзньми лѣтъ по тридцати, а иные по двадцати лѣтъ, и по двѣнадцати, и по десяти, и по осьми, и по три, и по четыре годы исцѣлѣло пятьдесятъ одинъ человѣкъ. Да исцѣлѣвшіе же, Государь, люди отъ различныхъ болѣзней у свидѣтельства сами про себя сказывали, а свидѣтельства про нихъ для далека не было, и тѣхъ, Государь, двадцать три человѣка, а всего, Государь, исцѣлѣвшихъ людей семьдесятъ четыре человѣка. Да про Макарьевы онъ, Государь, Желтоводскаго чудеса принесъ ко мнѣ твой Государевъ бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій письмо, что отъ Макарьева жъ Государь чудотворцева образа въ его князь Дмитріевѣ помѣстьѣ въ пурецкой волости чудеса и исцѣленія многимъ людемъ. И про которыхъ, Государь, исцѣлѣвшихъ людей объявилось послѣ и про тѣхъ, Государь, велѣно сыскивать. Да хотя бы, Государь, и не было иныхъ прибылыхъ чудесъ, а потому, Государь, свидѣтельству, которое писано выше сего по нашему общему духовному совѣту о Святомъ Дусѣ проповѣдати дѣла Божіи

преславно есть и угоднику Его, преподобнѫму Макарію честь воздаяти такожъ, якожъ и прочимъ святымъ преподобнымъ отцемъ". Святѣйшій патр. Филаретъ, убѣдившись розыскомъ въ чудотворной силѣ молитвъ предъ гробомъ пр. Макарія, раздѣляетъ съ сыномъ увѣренность въ томъ, что все, происшедшее съ ними также есть дѣло чудодѣйственнаго заступленія за нихъ пр. Макарія, съ молитвою къ которому обращался Михаилъ Ѳеодоровичъ. Патр. Филаретъ даже какъ-бы побуждаетъ сына исполнить обѣщаніе, говоря въ своемъ письмѣ: „молю и благословляю Ваше Царское Благородіе, чтобы Вы, Великій Государь, свое обѣщаніе совершалъ, къ Преподобному Отцу Макарію шелъ безъ всякаго сумнѣнія". Только послѣ этихъ предварительныхъ удостовѣреній въ великой чудотворной силѣ пр. Макарія царь Михаилъ Ѳеодоровичъ „безъ всякаго сумнѣнія" совершилъ свое путешествіе въ св. Макарьево-Унженскую обитель съ благодарственною цѣлію, которая, какъ видно, состояла въ томъ, чтобы этимъ посѣщеніемъ раки преподобнаго торжественно и всенародно засвидѣтельствовать сопричтеніе пр. Макарія къ лику св. преп. отцевъ.

24 августа 1619 года, послѣ торжественнаго богослуженія, совершеннаго патріархомъ—отцомъ и напутствуемые имъ „на продолженіе Царскаго путнаго шествія освященною просфорою и святою водою", Михаилъ Ѳеодоровичъ съ родительницей своей сопровождаемые свитою, отбыли изъ Москвы въ Кострому черезъ Троице-Сергіеву лавру, Переяславль, Ростовъ и Ярославль. Свита его состояла „изъ его царскаго синклиту, князей и бояръ и всякаго роду чина людей множество многочисленное. Отъ нихъ же бяху изящніи и ближнѣйшіе бояре: князь Ѳеодоръ Іоанновичъ Мстиславскій, Іоаннъ Никитичъ Романовъ, князь Дмитрій Іоанновичъ Шуйскій и иніи мнози отъ благородныхъ и славныхъ". Вечеромъ 10 сентября Царственные путешественники прибыли въ Кострому и остановились въ Кремлѣ, въ своемъ осадномъ дворѣ. Въ Костромѣ Царь пробылъ съ 10 по 15 сентября. Вышедши 15 сент. изъ Костромы, Царь 17 числа того же мѣсяца прибылъ въ свою вотчину—

село Домнино, гдѣ переночевавъ, отправился въ дальнѣйшее путешествіе и 25 сентября прибылъ въ село Спасское, отстоящее отъ Унженскаго монастыря въ 20 верстахъ и переночевалъ здѣсь. Выслушавъ на другой день раннюю литургію и пожаловавъ на строеніе церкви Всемилостивѣйшаго Спаса двадесять рублей, Царь все двадцативерстное разстояніе до Унженскаго монастыря прошелъ пѣшкомъ и, какъ онъ самъ пишетъ патріарху, „вечеромъ 29 сентября [1]) въ обитель великаго чудотворца пришли, далъ Богъ, здорово; у цѣлбоноснаго гроба преподобнаго отца нашего Макарія всенощная пѣнія и утренняя литургія и молебныя благодаренія, по обѣщанію нашему, сподобилъ насъ Богъ совершити". „Со многимъ умиленіемъ", говорится въ лѣтописи, „моляше благочестивый царь Христова угодника у гроба его предстоя, да и во всякое время православнаго царствованія его будетъ ему хранитель и ко спасенію помощникъ и посѣтитель своимъ къ Господу Богу предстательствомъ во всѣхъ его царскаго величества прошеніяхъ". Пребывалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ въ особыхъ келіяхъ, выстроенныхъ по его повелѣнію предъ путешествіемъ рядомъ со строительскими. Построенныя келіи были „преизрядныя", соотвѣтственно ихъ высокому назначенію для царя, „имущія различныя жилища внутрь уду и внѣ, и егда онъ, благочестивый Царь и Государь, въ святой Унженской обители пребываше, во оныхъ келіяхъ обиташе, даже до возвращенія своего въ царствующій градъ Москву". „Игумену и братіи всякое милостины удовленіе бяше въ четвертомъ числѣ октоврія, день того числа понедѣльникъ". Этотъ день былъ днемъ торжествъ въ честь пр. Макарія [2]) и вмѣстѣ съ тѣмъ выхода Царя изъ обители въ Москву. „И оттолѣ уставися во святѣйшей сей и чудотворнѣй лаврѣ Унженстѣй особый праздникъ великому чудотворцу преподобному отцу Макарію повселѣтно, октоврія

[1]) По лѣтописи: А въ монастырь пришелъ онъ, великій Государь, мѣсяца октоврія, во 2-й день къ вечеру.

[2]) Торжество же преподобному отцу, по его царскаго величества указу и обѣщанію, бяше октовріе въ 4 числы, въ понедѣльникъ.

Изданіе Совѣта Костромского Церковно-Историческаго Общества, по благословенію Попечителя онаго Архіепископа Тихона и подъ редакціей Предсѣдателя, магистра богословія, И. Баженова.

кновенно ходатайствовали по монастырскимъ дѣламъ, выправляли жалованныя граматы, покупали вещи, нужныя для монастыря и проч. Случалось, что они жили въ Москвѣ по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ и иногда оставляли послѣ себя или особо посылали изъ монастыря келаря или другого старца на болѣе продолжительное время для монастырскихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, Макарьевскій Унженскій монастырь вошелъ въ живое и дѣятельное общеніе съ Москвою, какъ обитель, оказавшая великую услугу Московскому Царю и государству. Услуга эта, какъ видно изъ изложеннаго, была чисто религіознаго характера, но имѣла громадное государственное значеніе для Россіи.

Гонимый царемъ Борисомъ Годуновымъ и униженный имъ славный родъ бояръ Романовыхъ чудесно спасается неожиданно сложившимися благопріятными для нихъ обстоятельствами—смертію Годуновыхъ и воцареніемъ лже-Димитрія I. Начавшееся по низверженіи царя Василія Ивановича Шуйскаго съ престола время междуцарствія со всѣми его кровавыми столкновеніями претендентовъ на Московскій престолъ, съ одной стороны, выдвинуло родъ Романовыхъ въ лицѣ митрополита Филарета Никитича, съ другой, причинило не мало тревогъ изъ-за смертныхъ опасностей, которыя грозили его семейству. И все это неожиданно для нихъ самихъ и для всѣхъ завершилось всенародно признаннымъ воцареніемъ юнаго Михаила Ѳеодоровича. Развѣ это не чудо? И такимъ чудеснымъ завершеніемъ судебъ рода Романовыхъ и, въ особенности, самого Михаила Ѳеодоровича Романовы обязаны были, по ихъ собственному сознанію, единственно молитвенному заступленію преп. Макарія Унженскаго чудотворца, къ чудодѣйственной помощи котораго обращались Марѳа Ивановна и ея пречестная отрасль Михаилъ Ѳеодоровичъ. Ясно, что заступленіе даровано свыше Промысломъ Божіимъ, а не чрезъ участіе монастыря въ дѣлахъ государственныхъ, какъ пытаются представить это дѣло нѣкоторые

изъ мѣстныхъ историковъ. [1]). Макарьевская обитель не участвовала въ государственныхъ дѣлахъ, да и не могла участвовать: она была слишкомъ ничтожна, малолюдна, малоизвѣстна и безсильна для того, чтобы принимать какое либо участіе въ возведеніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича. „Примѣшивать къ чисто религіознымъ мотивамъ мотивы какой-то политичности и къ значенію обители, какъ новооткрывшейся сокровищницы чудесныхъ дѣлъ Божіихъ, придавать другое значеніе—политическое, историческіе памятники и сами обстоятельства въ данномъ случаѣ не даютъ основанія для этого, а потому все высказываемое въ такомъ духѣ есть только предположеніе, догадка, туманность которой однакоже невозможно разсѣять за неимѣніемъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ данныхъ. И едва ли этотъ туманъ предположеній и догадокъ въ вопросѣ объ участіи Макарьевской обители въ судьбѣ Михаила Ѳеодоровича и разсѣется въ пользу такихъ историковъ, потому что они выходятъ не изъ той точки отправленія, какая указывается въ сохранившихся историческихъ матеріалахъ—лѣтописяхъ и въ житіи преп. Макарія. Освѣщеніе такого рода дѣятельности и значенія Макарьевскаго монастыря только затемняетъ чисто религіозное значеніе обители, въ смутное время явившейся чистымъ свѣточемъ въ незараженной тогдашнею смутою Костромской области, которая послужила дѣлу спасенія отечества отъ великой разрухи тѣмъ, что даровала столь же чистаго по душѣ и намѣреніямъ юнаго, но многоскорбнаго и какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшаго Михаила Ѳеодоровича. Михаилъ Ѳеодоровичъ во всѣхъ указанныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ жизни его самого и всего своего рода видѣлъ Промыслительный перстъ Божій по молитвамъ преп. Макарія, и св. его обитель была въ глазахъ царя лишь только святынею, отъ которой излилась всесильная спасающая помощь Божія на него и чрезъ него на всю Россію. Это, и только

[1]) В. Бѣляевъ, Л. П. Скворцовъ.

единственно это, и было для Михаила Ѳеодоровича побужденіемъ къ торжественному богомольному путешествію его въ монастырь, къ прославленію въ немъ основателя чудной обители пр. Макарія великимъ чудотворцемъ и къ уравненію ея съ другими великими и достославными св. обителями русской земли: „не славная и немногочеловѣчная“ до воцаренія Михаила Ѳеодоровича обитель преподобнаго чудотворца со времени посѣщенія ея царемъ возводится въ великую святыню русской земли наравнѣ съ Соловецкимъ монастыремъ за чудеса и помощь, свыше ниспосланныя чрезъ нее на царя и всю Русскую землю молитвами за нихъ и заступленіемъ преп. Макарія. Такою Макарьевскую Унженскую обитель должны считать и мы. Для насъ она—величайшая святыня, чрезъ которую на наше отечество въ трудную для него минуту излилось благоволеніе Божіе и даровано твердое основаніе для государственной жизни.

Итакъ, несомнѣнно историческими были два посѣщенія царя Михаила Ѳеодоровича въ Макарьевскомъ Унженскомъ монастырѣ, первое до воцаренія и второе по воцареніи. Оба эти посѣщенія были чисто богомольныя, но съ различными цѣлями; первое съ цѣлію просительною, второе—съ цѣлію благодарственною, выразившеюся въ прославленіи пр. Макарія великимъ всероссійскимъ чудотворцемъ. Въ первое посѣщеніе Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ какъ богомолецъ—проситель Божественной помощи и заступленія для него самого и его отца митр. Филарета отъ угрожавшихъ имъ опасностей, во второе—какъ богомолецъ, благодарный Богу и Его угоднику Макарію за исполненіе просимаго. Лѣтописныя сказанія, царскія и патріаршія письма и др. документы, напр. царскіе и патріаршіе указы не даютъ основанія къ предположеніямъ, будто Макарьевскій монастырь политически участвовалъ въ судьбѣ Михаила Ѳеодоровича и его воцареніи. Для Михаила Ѳеодоровича и его отца патр. Филарета обитель пр. Макарія Унженскаго была лишь святынею, заявившею себя чудотвореніями по отношенію къ нимъ самимъ и къ другимъ многимъ.

Но въ этомъ-то чисто религіозномъ значеніи Макарьевской Унженской обители и заключается ея историческое всероссійское значеніе. Благодаря чудодѣйственному заступленію преп. Макарія, дарованъ Россіи Царствующій Домъ изъ рода, испытавшаго на себѣ явные знаки особеннаго, чрезвычайнаго попеченія Промысла Божія въ то время, когда, казалось, Господь Богъ отступилъ отъ русской земли и народа и безъ помощи Божіей гибла Русь и съ него гибло все, что было лучшаго въ ней. Св. Макарьевская Унженская обитель всегда будетъ напоминать намъ о томъ, что, благодаря чудесному спасенію рода Романовыхъ, предстательствомъ пр. Макарія была спасена отъ гибели русская земля.

Священникъ *Михаилъ Раевскій.*

Вклады царя Михаила Ѳеодоровича, сохранившіеся донынѣ въ церквахъ и монастыряхъ Костромской епархіи.

ПРАВОСЛАВНАЯ Русь издревле славилась благочестіемъ своихъ вѣрныхъ сыновъ и щедродательностію особенно въ отношеніи храмовъ Божіихъ. Примѣръ въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ подавали русскіе князья, цари, бояре и вообще знатныя лица, которыя иногда устрояли храмы или только придѣлы въ нихъ, чаще же украшали церкви вкладами св. иконъ, богослужебныхъ принадлежностей, или прилагали къ церквамъ села, лѣсныя дачи, рыбныя ловли и другія угодья. Несомнѣнно, что и первый Царь изъ Дома Романовыхъ, при извѣстной своей набожности проявлялъ таковую же щедродательность по отношенію къ церквамъ и монастырямъ Россіи. Знаки своего благоговѣйнаго вниманія и благочестиваго усердія царь Михаилъ Ѳеодоровичъ также оказывалъ для многихъ св. обителей и храмовъ нынѣшней Костромской епархіи и тѣмъ болѣе, что оставались въ его душѣ теплыя неизгладимыя воспоминанія о различныхъ своихъ состояніяхъ и обстоятельствахъ во время пребыванія въ костромскихъ предѣлахъ въ разныя времена. Но, судя по имѣющимся документамъ, за трехсотлѣтній періодъ отъ начала царствованія Михаила Ѳеодоровича донынѣ въ Костромской епархіи сохранились, къ сожалѣнію, очень немногіе вклады его въ монастыри и церкви ея. Въ виду того, что уцѣлѣвшіе такіе памятники о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ получаютъ современный интересъ нынѣ—въ юбилейное празднованіе 300-лѣтней годовщины со времени вступленія на всероссійскій престолъ его—Родона-

чальника Августѣйшаго Дома Романовыхъ, считаемъ необходимымъ отмѣтить ихъ въ послѣдующемъ обозрѣніи пожалованныхъ имъ св. иконъ и украшеній ихъ, церковнослужебныхъ книгъ, также нѣкоторыхъ предметовъ не-церковнаго характера, сохраняемыхъ одинаково въ качествѣ вклада того же царя или памятника о немъ.

1. Во время пребыванія Михаила Ѳеодоровича въ гор. Костромѣ 10—12 октября 1619 года на обратномъ пути изъ гор. Макарьева пожертвована имъ въ Успенскій соборный храмъ Ѳеодоровская икона Божіей Матери, шестилистовой мѣры, находящаяся въ отдѣльномъ кіотѣ въ иконостасѣ храма. Икона покрыта серебро-позолоченной ризой и украшена жемчужными убрусомъ и цатой и такими же ряснами по обѣимъ сторонамъ лика, съ лазоревыми негранеными яхонтами; въ вѣнцѣ 12 разноцвѣтныхъ камней: внизу иконы въ серебряномъ матовомъ овалѣ (дробницѣ, въ $1^1/_2$ вер. длины и 1 вер. ширины)—чеканное изображеніе Успенія Пресв. Богородицы. На дщицѣ старинной вырѣзана надпись: „сей святой образъ Пречистые Богородицы Ѳеодоровскіе пожаловалъ вкладу въ Костромской въ Успенской соборъ государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи".

Тогда же пожертвована имъ, также въ отдѣльномъ кіотѣ поставленная въ иконостасѣ Успенскаго собора, Владимірская икона Божіей Матери, мѣрою 8 вер. въ вышину и 6 вер. ширины въ серебряномъ басемномъ окладѣ; убрусъ и цата жемчужные съ цвѣтными камнями; въ серебряномъ вѣнцѣ шесть разноцвѣтныхъ камней и вверху короны девять камней.

За годъ до своего прибытія 10 сентября 1619 года въ Кострому царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, глубоко благоговѣя предъ чудотворной Ѳеодоровской иконой Божіей Матери, прислалъ доселѣ сохраняющіяся въ соборной ризницѣ драгоцѣнныя украшенія для подвѣшиванія къ Пречистому лику Владычицы на этой иконѣ—т. н. рясны или привѣски, длиною болѣе полуаршина при ширинѣ въ одинъ вершокъ, низанныя въ рѣшетку по золотистой фольгѣ крупнымъ жемчугомъ, съ

золотыми колодками и кольцами, изъ коихъ первыя украшены изумрудами, яхонтами и бурмицкими зернами. На колодкахъ ряснъ вырѣзана надпись: „Божіею милостію великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи самодержецъ и великая старица Марѳа Іоанновна приложили сіи рясны на Кострому въ соборную церковь къ чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Ѳеодоровскія въ пятое лѣто государства своего".

Михаилъ Ѳеодоровичъ также прислалъ къ Ѳеодоровской иконѣ жемчужную ризу накладную, на которой по грунту мелкаго жемчуга низаны травы и разводы самымъ крупнымъ жемчугомъ; между звѣздами восточнаго хрусталя устроенъ финифтяный крестъ и золотыя скобы, украшенныя яхонтами и алмазами; въ ряду же многихъ цвѣтныхъ камней обращаетъ на себя особенное вниманіе лазоревый камень „баусъ" съ рельефнымъ изображеніемъ святителя чудотворца Николая.

Въ 1626 году царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ прислана въ Троицкій соборный храмъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ, занимающая среди святынь его первое мѣсто, небольшая часть Ризы Господней. Эта великая святыня хранится въ особомъ чеканномъ сребропозлащенномъ ковчегѣ, заключающемъ въ себѣ еще части ризы и пояса Пресв. Богородицы, креста и гроба Господня, также многія частицы мощей Божіихъ угодниковъ, изображенныхъ на ковчегѣ (устроенномъ въ 1718 г.),

Въ находящемся при томъ же Троицкомъ храмѣ придѣлѣ во имя преп. Михаила Малеина тщательно сохраняется Ѳеодоровская (копія съ чудотворной) икона Божіей Матери, каковою, по преданію, Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ благословленъ на царство матерію его Марѳою Ивановною. Икона эта—съ рѣзной кипарисной панагіей съ мощами, украшена цатой и оглавіемъ, сплошь унизанными крупнымъ жемчугомъ.

Въ Палатахъ Михаила Ѳеодоровича сохраняется, по преданію, находившійся въ молельной его комнатѣ деревянный складень съ Ѳеодоровскою иконою Божіей Матери въ срединѣ и съ изображеніями на поляхъ архангела Михаила, св. Николая,

архангела Гавріила и преп. Сергія Радонежскаго, а на дверцахъ изображены апостолы Петръ и Павелъ.

Съ конца 1912 года помѣщена въ ризницѣ Ипатьевскаго монастыря находившаяся дотолѣ въ существующихъ въ Макаріево-Унженскомъ монастырѣ кельяхъ царя Михаила Ѳеодоровича Казанская икона Божіей Матери. Этою иконою Марѳа Ивановна предъ своимъ отправленіемъ въ ссылку (по волѣ Бориса Годунова) въ заонежскій погостъ Толвуй и потомъ Челмужъ благословила малолѣтняго сына своего Михаила Ѳеодоровича, ввѣряя его покрову Матери всѣхъ скорбящихъ. Эта Казанская икона была впослѣдствіи путевою иконою царя Михаила Ѳеодоровича, всюду сопровождая его въ дорогахъ, на что можетъ указывать сдѣланный для этой цѣли дорожный для нея футляръ съ изображеніемъ дванадесятыхъ праздниковъ на его створкахъ, и эту—то глубоко чтимую свою святыню царь Михаилъ Ѳеодоровичъ нѣкогда принесъ въ даръ Макаріево - Унженской обители. Казанская икона Богоматери—мѣрою въ вышину 8, а въ ширину 7 вершковъ, въ безпробномъ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ. съ изображеніемъ на ней предстоящихъ св. Василія Великаго и преп. Евфимія Суздальскаго; украшена на главѣ Божіей Матери убрусомъ со звѣздою на немъ съ тремя жемчужинами и четырьмя привѣсками, низанными среднимъ жемчугомъ и имѣющими четыре креста, въ срединѣ же каждаго изъ нихъ по бирюзовому камешку, а въ концахъ роговъ—по три жемчужины; вѣнецъ съ накладною древнею короною серебряно-вызолоченною, на вѣнцѣ 16 разноцвѣтныхъ камней; на парапетѣ кіоты изображенъ Господь Саваоѳъ съ державою въ шуйцѣ, благословляющій десницею.

Высоко благоговѣя предъ этой Казанской иконой Б. Матери, Марѳа Ивановна приложила собственноручно вышитую къ ней пелену (убрусъ) мѣрою въ длину и ширину по 1 арш. 1 1/2 в. Пелена шита на голубой штофной матеріи шелками, золотомъ и серебромъ съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Троицы—ветхозавѣтной, а на другой—преп. Макарія Унженскаго. Когда пожертвовала эту пелену Марѳа Ивановна, свѣдѣній не со-

хранилось, но она съ древнѣйшихъ временъ по монастырскимъ описямъ признается ея вкладомъ [1]) и сохранялась тщательно какъ сокровище великой исторической цѣнности.

Затѣмъ, вкладомъ царя Михаила Ѳеодоровича признается мѣстно чтимая въ Желѣзноборовскомъ монастырѣ икона пр. Іакова чудотворца Желѣзноборовскаго; икона въ 1 арш. 13 1/2 в. въ вышину и 1 арш. 2 в. ширины; окладъ на иконѣ изъ басемнаго позолоченнаго серебра. Эту икону Михаилъ Ѳеодоровичъ приложилъ на память о томъ, что онъ вмѣстѣ съ матерію неоднократно, во время пребыванія въ вотчинномъ селѣ Домнинѣ, находящемся въ 15—17 верстахъ отъ Желѣзноборовскаго монастыря, посѣщалъ его для молитвы предъ гробомъ угодника Божія о небесномъ заступленіи и покровѣ.

II. Изъ богослужебныхъ и священныхъ книгъ сохраняются пожалованныя царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ церкви костромской епархіи слѣдующія книги, въ хронологическомъ порядкѣ таковыхъ вкладовъ.

Въ Кинешемскомъ Успенскомъ соборѣ—Евангеліе въ листъ, обложенное стариннымъ малиновымъ бархатомъ; на лицевой сторонѣ его имѣются четыре мѣдныхъ наугольника съ св. евангелистами, а въ средникѣ—изображеніе Іисуса Христа. На первыхъ листахъ сдѣлана внизу слѣдующая надпись: „сію книгу Евангеліе пожаловалъ государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи на Кинешму въ соборную церковь Преображенія Спасова при протопопѣ Іаковѣ лѣта 7139 (1631) іюня въ 25 день, а подписалъ сію книгу приказу большаго дворца подъячей Любимъ Асмановъ“. Евангеліе напечатано 7136 (1628) года въ десятый годъ патріаршества Филарета.

Затѣмъ, Евангеліе въ полулистъ на александрійской бумагѣ пожертвовано 10 апрѣля 1635 года царемъ Михаиломъ Ѳеодо-

[1]) Вкладъ Маѳы Ивановны въ Костромской Богоявленскій монастырь составляетъ золотой панагійный крестъ съ распятіемъ Спасителя, приложенный ею во время пребыванія въ г. Костромѣ 10—12 октября 1619 года на обратномъ пути изъ г. Макарьева.

ровичемъ „въ Костромской Настасеинъ дѣвичъ монастырь“, въ концѣ 1863 года приписанный къ Богоявленскому монастырю. Евангеліе обложено бѣлою парчею съ бархатными малиновыми цвѣтами, съ изображеніемъ вычеканенныхъ по латунному серебру на верхней доскѣ—въ срединѣ Воскресенія Христова, а по угламъ—св. евангелистовъ.

Въ Богородицкой погоста Мостовъ церкви Костромского уѣзда—полулистовое Евангеліе, печатанное въ Москвѣ въ 1633 году, обложенное стариннымъ полубархатомъ; на лицевой сторонѣ Евангелія—образки Воскресенія Христова---въ срединѣ и св. евангелистовъ—по угламъ. Внизу листовъ этого Евангелія имѣется съ 16 листа слѣдующая надпись: „сію книгу пожаловалъ государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи“... „церковь Богородицы... Никитѣ съ братіею лѣта 7145 (1637) генваря 14, а подписалъ сію книгу приказа большаго дворца подъячей Георгій, а прозвище Лебисмановъ“.

Въ Галичскомъ Преображенскомъ соборѣ сохраняются слѣдующія вкладныя книги: Уставъ, печатанный въ Москвѣ въ 1633 году, подписанъ внизу по листамъ: „сію книгу пожаловалъ государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи въ соборную церковь Преображенія Спасова лѣта 7141 (1633) іюля въ 19 день, а подписывалъ сію книгу приказа большаго дворца подъячей Любимъ Асмановъ“; Осмогласникъ, безъ начальныхъ листовъ, имѣетъ подпись по листамъ: „Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи въ Галичъ въ соборъ Преображенія Спасова при протопопѣ Иванѣ; дана изъ приказа большаго дворца лѣта 7147 (1639) мая въ 1 день“; Тріодь цвѣтная, печатанная въ Москвѣ въ 1636 году, имѣетъ подпись по листамъ: „сію книгу пожаловалъ государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи въ Галичъ въ соборъ Преображенія Спасова, дана изъ приказа большаго дворца при протопопѣ Иванѣ съ братіею лѣта 7147 (1639) мая въ 1 день“; Тріодь постная—имѣетъ подпись: „сію книгу пожаловалъ государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодо-

ровичъ всея Русіи въ Галичъ въ соборную церковь Преображенія Спасова, дана изъ приказа большаго дворца при протопопѣ Иванѣ съ братіею лѣта 7147 (1639) мая въ 30 день" и Минея общая, печатанная въ Москвѣ въ 1635 году, имѣетъ ту же надпись о пожалованіи ея Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

III. Изъ предметовъ не-церковнаго характера, пожалованныхъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ или только служащихъ памятникомъ о немъ, сохранились въ церквахъ Костромской епархіи слѣдующіе.

Въ память восшествія своего на всероссійскій престолъ въ Троицкомъ соборномъ храмѣ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ Москвы прислалъ 1 іюля 1613 года т. н. царское мѣсто, которое поставлено въ немъ вблизи св. царскихъ вратъ. Оно имѣетъ 11 аршинъ въ вышину, сдѣлано изъ липы съ рѣзными очень мелкими изящными украшеніями, на подобіе остроконечной короны древнихъ царей съ двухглавымъ орломъ на верху и короной надъ нимъ; мѣсто это доселѣ сохраняетъ свой натуральный видъ. Тронъ покоится на четырехъ старинныхъ рѣзныхъ львахъ, которые какъ-бы служатъ для охраненія входа въ это священное мѣсто. Въ память о томъ, что императрица Екатерина II при посѣщеніи Ипатьевскаго монастыря 15 мая 1767 года стояла на этомъ царскомъ мѣстѣ во время божеств. литургіи, сдѣланъ на лѣвой сторонѣ трона рѣзной вензель иниціала ея имени.

14 февраля 1616 года царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ приложены къ находящемуся въ томъ же соборѣ въ предалтарномъ иконостасѣ съ правой стороны за мѣстной иконой Спасителя образу Пресвятой Троицы — ветхозавѣтной (даръ боярина Д. И. Годунова въ 1593 г.) три подвѣшенныя подъ каждымъ ликомъ большія золотыя медали съ изображеніемъ на нихъ шведскаго короля Карла IX, съ золотыми (тремя) при нихъ четырехугольными дощечками съ чеканною на нихъ слѣдующею надписью: „Божіею милостію великій государь царь и великій князь Михаило Ѳеодоровичъ всея Русіи самодержецъ сіи золотои приложилъ къ чудотворному образу

Живоначальные Троицы Ипацкаго монастыря въ четвертое лѣто государства его 1616 году февраля въ 14 день".

Въ ризницѣ при Троицкомъ же соборномъ храмѣ находятся присланные на храненіе изъ Московской Оружейной Палаты по повелѣнію императора Николая I отъ 11 декабря 1834 года: черный посохъ изъ простого дерева, принадлежавшій царю Михаилу Ѳеодоровичу, и серебряный, внутри и снаружи вызолоченный, ковшъ съ двуглавымъ орломъ внутри, вѣсомъ 1 ф. 27 зол., въ клеймахъ на поляхъ имѣющій рѣзную надпись: „Божіею Милостію государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ и всея Руссіи самодержецъ".

Памятникомъ для Ипатіевскаго же монастыря о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ также служатъ какъ приложенная имъ въ обитель площадь земли въ 2250 кв. саж. для увеличенія общей площади оградной земли монастырской, такъ и въ 1642 -3 годахъ пристроенная по повелѣнію его же къ прежней каменной оградной стѣнѣ (въ 243 сажени) новая каменная ограда на четыреугольномъ пространствѣ въ 144 сажени (такъ что длина всей монастырской ограды опредѣлилась въ 387 пог. саж.) съ двумя наугольными башнями и третьею, среднею между ними, зеленою башнею. Эта башня, названная такъ по покрытію ея зеленой черепицей, построена въ память того, что до того самаго мѣста, гдѣ она стоитъ, братія Ипатіевскаго монастыря, духовенство и граждане г. Костромы съ крестнымъ ходомъ сопровождали новоизбраннаго царя Михаила Ѳеодоровича 19 марта 1613 года, когда выѣзжалъ въ Москву на царство.

Несомнѣнно, что изъ многихъ земельныхъ вкладовъ царя Михаила Ѳеодоровича продолжаютъ доселѣ состоять за монастырями и городскими церквами Костромской епархіи хотя нѣкоторыя пожалованныя имъ земли. Не указывая таковыя, мы ограничимся сообщеніемъ лишь о томъ, что изъ такихъ жалованныхъ граматъ сохранилось въ монастыряхъ и церквахъ епархіи болѣе 15 подлинниковъ. Встрѣчаются въ нихъ отчасти и несудимыя граматы, уже потерявшія свое значеніе. Такъ

сюда слѣдуетъ отнести хранящуюся въ Чухломскомъ Преображенскомъ соборномъ храмѣ подлинную грамату, пожалованную 17 апрѣля 1618 года царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ попамъ Чухломскаго собора Леонтію и Никитѣ о неподсудности жителей принадлежащей оному деревеньки Новой починокъ, также всего церковнаго причта Чухломскимъ намѣстникамъ и тіунамъ; на оборотѣ граматы вверху написано: „Царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи самодержецъ“.

И. Баженовъ.

Одноколка царя Михаила Ѳеодоровича и Марѳы Ивановны Романовыхъ.

БЕЗСПОРНО, что въ празднуемую всей Россіей трехсотлѣтнюю годовщину царствованія Дома Романовыхъ привлекаютъ особенное вниманіе всѣ тѣ предметы, которые только имѣли отношеніе къ личности Родоначальника Царственнаго Дома. Одинъ изъ такихъ современныхъ царствованію Михаила Ѳеодоровича Романова предметовъ составляетъ сохранившаяся въ Макарьево-Унженскомъ монастырѣ одноколка Романовыхъ, съ конца 1912 года находящаяся въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

По сообщенію историка Макарьевскаго монастыря В. Бѣляева, съ давнихъ временъ, какъ и въ началѣ 1880-хъ годовъ, хранились въ сараѣ на монастырскомъ подворьи никуда не употреблявшіяся въ дѣло одноколка и большія сани кошевыя, или, по простонародному названію, пошевни. Изъ этихъ двухъ древностей нынѣ уцѣлѣла лишь одноколка, а саней, полозья которыхъ были подбиты старинными широкими шинами, уже нѣтъ и о нихъ остались лишь воспоминанія. Между тѣмъ, съ этими санями соединено было изстари шедшее преданіе о томъ, что въ нихъ, вскорѣ по смерти Бориса Ѳеодоровича Годунова (15 апрѣля 1605 года), пріѣхала изъ заонежскаго погоста Челмужа (сосланная туда Борисомъ) инокиня Марѳа Ивановна въ Макарьевскую обитель для свиданія съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, который пребывалъ въ ней отъ 6 до 9 лѣтняго возраста (по мнѣнію Л. Скворцова, съ конца 1602 г. до второй половины 1605 года) на попеченіи тогда управлявшаго обителію строителя старца Давида Хвостова, благопо-

печительнаго сторонника Романовыхъ. Если справедливо предположеніе, что въ этой обители инокиня Марѳа прожила тогда до весны, то отсюда легко объясняется то обстоятельство, что сани эти, какъ оказавшіяся при отъѣздѣ въ эту пору совершенно ненужными, должны были остаться въ Макарьевскомъ монастырѣ и затѣмъ оставались въ немъ какъ памятникъ о такомъ пріѣздѣ. При этомъ нельзя не замѣтить, что относительно этихъ саней никогда не существовало того преданія, будто онѣ могли служить для поѣздки Марѳы Ивановны и ея сына Михаила Ѳеодоровича въ Макарьевскую обитель въ концѣ 1612 г., еще же менѣе въ концѣ сентября 1619 г., когда царь Михаилъ, доплывши по рѣкѣ Унжѣ на лодкѣ до села Спаса — Красной горы, далѣе на разстояніи 22 верстъ до Макарьевскаго монастыря шелъ пѣшкомъ со всею своею свитою.

Что касается одноколки, донынѣ сохранившейся, то, по древнему непрерывному преданію, она была въ употребленіи царя Михаила Ѳеодоровича и матери его старицы Марѳы Ивановны. Но прежде всего, въ какомъ видѣ имѣется эта одноколка, затѣмъ — на чемъ основывается преданіе о таковой ея принадлежности и насколько пріемлемо оно?

Одноколка въ общемъ имѣетъ достаточную сохранность. Вмѣстѣ съ оглоблями одноколка имѣетъ въ длину 6 аршинъ 4 вершка; оглобли четырехгранныя, въ 2 вершка толщиной, на наружной своей сторонѣ отъ упряжи оканчиваются, видимо для зацѣпки гужей, вырѣзными закругленіями (на лѣвой сторонѣ оно сколото). Въ лѣвой оглоблѣ на срединѣ виднѣется сквозная наискось трещина (изломъ), которая задѣлана чрезъ подложеніе желѣзной шинной полосой. У одноколки оба колеса твердыя, буковыя, высотой $1^1/_2$ аршина въ діаметрѣ; наружная сторона колеснаго обода, шириной въ 2 вершка, обита шиннымъ толстымъ желѣзомъ, въ вершокъ шириной, но не сплошнымъ, какъ принято дѣлать, а изъ шести отдѣльныхъ полосъ, которыя прибиты къ деревянному ободу гвоздями стариннаго грубаго издѣлія, съ квадрат-

ной шляпкой въ 1/2 вершка. Самый деревянный ободъ составленъ изъ шести частей, на что указываетъ то, что въ шести мѣстахъ по ободу спаяно желѣзомъ подъ шиной. Въ колесахъ—по 12 спицъ, прочно утвержденныхъ; онѣ, какъ и ось, деревянныя, покрыты зеленой краской; спицы до выточенной колесной ступицы—въ 1/2 аршина длины; ступица по обѣимъ сторонамъ окована желѣзными обручами.

Кузовъ одноколки держится на старинныхъ толстыхъ кожаныхъ бѣлыхъ ремняхъ, служащихъ вмѣстѣ какъ-бы рессорами; ремни эти шириной въ 1 1/2 вершка, прикрѣплены сзади къ выточенному поперечному бруску въ 1 арш. 5 вершк. длины, расположенному по ширинѣ кузова, съ тремя яблоками и двумя болванчиками. Этотъ брусокъ утвержденъ концами на наклонномъ брускѣ, опирающемся съ задней стороны на оглоблю, а съ передней—на желѣзную стойку, прикрѣпленную къ оси; у головнчки же (передняя сторона одноколки) ремни, выходящіе изъ подъ кузова, прикрѣплены къ точеному валику, который утверждается на деревянной рѣзной подставкѣ въ 2 вершка вышины, положенной на оглобли (правая подставка не сохранилась, а на мѣстѣ ея имѣются слѣды прикрѣпы). Кузовъ имѣетъ 1 арш. высоты, 1 арш. 2 вершк. ширины, а въ нижней части 14 1/2 вершковъ ширины; борта кузова по склону—14 вершковъ. По бокамъ кузова—два кольца желѣзныхъ въ пробояхъ, равно и по бокамъ головички. Позади кузова обращаютъ на себя вниманіе лежащіе на желѣзной полосѣ два рѣзныхъ, по 4 вершка въ длину, вызолоченныхъ львенка съ открытой пастью. Самое сидѣнье—нынѣ деревянное; въ старину оно было сплошь обшито кожей поверхъ конскаго волоса, который выступаетъ изъ подъ кожи. За сплошную обшивку говоритъ сохранившаяся лишь у задней стороны извнутри старинная кожа; она въ бокахъ локотниковъ и вверху была закрѣплена прибитой гвоздями желѣзной полосой. Сидѣнье имѣетъ 1 арш. 1 1/2 вершк. въ длину и служило для помѣщенія одного лица или же двухъ нетолстыхъ лицъ и въ лѣтней одеждѣ; скамья

для сидѣнья—въ $^1/_2$ аршина шириной; подъ сидѣньемъ устроенъ ящикъ для небольшого склада, съуживающійся книзу. Все подножіе—11 вершковъ длиной отъ нижней части сидѣнья; въ подножіи для поставки ногъ сдѣлано углубленіе длиною 8 вершковъ, а въ ширину 10 вершковъ; въ подножіи боковины были кожаныя, на что указываютъ остатки такой именно обивки.

Кузовъ одноколки (въ просторѣчьи это—„таратайка") покрытъ густой зеленой масляной краской съ позолотой по дереву, а въ головичкѣ—по толстому холсту. Назади по обѣимъ сторонамъ и въ головичкѣ кузова вырисована сложная изъ двухъ переплетающихся въ себѣ буквъ монограмма *М І*. Монограмма эта окружена цвѣточнымъ бордюромъ, на передней же сторонѣ кузова въ верхнемъ надъ монограммою завивающемся орнаментѣ виднѣется корона; на задней сторонѣ кузова изображено дерево, а выше монограммы сдѣланъ рѣзной завитокъ.

Описанная одноколка является достопримѣчательной уже потому, что съ нею неразрывно соединено древнее и доселѣ живое и непререкаемое у жителей г. Макарьева преданіе, что она принадлежала Родоначальнику Царственнаго Дома Романовыхъ и въ частности инокинѣ Маѳѣ Ивановнѣ. Это преданіе можетъ находить для себя подтвержденіе въ самыхъ историческихъ извѣстіяхъ, хотя остается точно неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, когда именно на этой одноколкѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ и Маѳа Ивановна пріѣзжали въ Макарьево - Унженскую обитель. Извѣстно, что эта старица вмѣстѣ съ сыномъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, по освобожденіи своемъ изъ плѣна въ Москвѣ вмѣстѣ съ очищеніемъ ея отъ поляковъ 22 октября 1612 года, не ранѣе какъ въ половинѣ ноября, даже въ декабрѣ этого года (или, можетъ быть, въ январѣ 1613 года) совершила поѣздку въ костромскія свои вотчины и тѣмъ болѣе—отсюда въ Макарьевъ, именно на поклоненіе честному гробу преп. Макарія съ моленіемъ объ освобожденіи отъ польскаго плѣна своего

супруга, родителя Михаила, архіерея Филарета (Никитича). Если такъ, то въ такое время года для переѣздовъ этихъ богомольцевъ были употреблены, конечно, зимнія сани или возокъ. Но если предположить, что Марѳа Ивановна съ сыномъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ пріѣзжала въ Макарьевскій монастырь въ самомъ концѣ октября 1612 года, тогда эту поѣздку всего удобнѣе было совершить на одноколкѣ для легкости ѣзды по непролазнымъ здѣсь дорогамъ. Выѣхала же она тогда изъ Макарьева въ г. Кострому, несомнѣнно, уже по зимѣ; отсюда же становится понятнымъ, почему одноколка, какъ принаровленная для лѣтне-осеннихъ дорогъ, должна была остаться въ Макарьевской обители.

Для болѣе вѣрнаго рѣшенія даннаго вопроса однакоже большее значеніе имѣетъ второе паломническое изъ Москвы 24 августа 1619 года путешествіе самого царя Михаила Ѳеодоровича съ матерію инокинею Марѳою въ г. Макарьевъ, совершенное для почитательнаго поклоненія преп. Макарію, Унженскому чудотворцу, и во исполненіе обѣщанія за освобожденіе родителя Филарета изъ польскаго плѣна по молитвамъ Преподобнаго. Въ этотъ разъ они, какъ исторически извѣстно, пребывали въ обители съ 29 сентября до 4 октября 1619 года, и вотъ на время этого посѣщенія, когда по обычной бездорожицѣ крайне тяжело было ѣздить въ громоздкомъ возкѣ, совершенно неудобномъ для проселочныхъ дорогъ, описанная одноколка, вѣроятно, игуменомъ обители Зосимой (1613—25 гг.) устроена была для самого царя Михаила и для Марѳы Ивановны. Во время этого посѣщенія одноколка была употребляема, быть можетъ, преимущественно самой инокиней Марѳой или совмѣстно съ царственнымъ ея сыномъ для мѣстныхъ недалекихъ переѣздовъ. За минованіемъ же надобности въ одноколкѣ при возвращеніи ихъ въ г. Кострому, одноколка эта осталась въ Макарьевскомъ монастырѣ и затѣмъ тщательно сохранялась игуменами сначала на случай возможныхъ пріѣздовъ сюда Марѳы Ивановны въ какое либо не-зимнее время, а потомъ на память потомкамъ.

Древнее преданіе о назначеніи разсматриваемой одноколки для царя Михаила Ѳеодоровича и вмѣстѣ матери его находитъ для себя достаточную поддержку какъ въ изображеніи царской короны на передней сторонѣ кузова, такъ и въ приспособленіи рѣзныхъ старинной формы львенковъ позади кузова. Уже издавна рѣзные или же живописные львы признавались символомъ власти, могущества царя, и отсюда постановка рѣзныхъ львовъ (въ миніатюрѣ) въ одноколкѣ обусловливалась употребленіемъ ея лицами царскаго происхожденія. Вотъ почему рѣшительно должно быть устранено предположеніе, будто эта одноколка могла быть сдѣлана по заказу какого либо игумена Макарьевской обители для личнаго пользованія (судя по иниціаламъ монограммы, игуменомъ св. Митрофаномъ, 1675—82 гг., или Макаріемъ 1-мъ въ 1626—33 гг. или же 2-мъ въ 1774—81 гг.), такъ какъ игуменъ, какъ такой, конечно, не дерзнулъ бы примѣнять или придѣлать къ своей одноколкѣ рѣзныхъ львенковъ, считавшихся эмблемой царской власти, ни сдѣлать на коляскѣ изображеніе герба въ видѣ царской короны. Нельзя при этомъ утверждаемомъ нами представленіи оставлять безъ вниманія и то, что рѣзная работа львенковъ имѣетъ несомнѣнно столь же древнѣйшую, почти одинаковую, форму, какую имѣютъ и тѣ рѣзные четыре деревянныхъ льва, на которыхъ какъ бы опирается присланное царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ т. н. „царское мѣсто“—у праваго по входѣ въ Троицкій соборный храмъ Ипатіевской обители столпа съ югозападной стороны. Это же обстоятельство даетъ право сближать происхожденіе рѣзныхъ львенковъ на одноколкѣ съ эпохой царствованія Михаила Ѳеодоровича. Для подтвержденія нашего взгляда относительно принадлежности одноколки Романовымъ служитъ, между прочимъ, то немаловажное обстоятельство, что изображенныя по сторонамъ кузова одноколки отдѣльныя эмблемы—корона, дерево, цвѣточныя гирлянды и рѣзные львы, совершенно тождественны съ эмблемами герба Романовыхъ и Шереметевыхъ [1]).

[1]) См. въ книгѣ Н. Селифонтова «Сборникъ матеріаловъ по исторіи

Что касается сложной монограммы М І, то она по своимъ иниціаламъ даетъ возможность разумѣть здѣсь Марѳу Іоанновну, для пользованія которой нѣкогда была предоставлена эта одноколка. Нужно здѣсь замѣтить, что монограммы появились въ Россіи еще до XVII вѣка и встрѣчаются въ русскихъ теремахъ XVII вѣка на панеляхъ подоконниковъ, хотя тамъ онѣ рѣзныя или лѣпныя. Такъ можно полагать, что по устроеніи одноколки тогда же была вырисована на ней самая монограмма, быть можетъ, уставной вязью. Если же по существующей графикѣ монограммы и окружающимъ ее орнаментнымъ завиткамъ нельзя рѣшительно утверждать, что она является точно соотвѣтствующей времени жизни Марѳы Іоанновны, то слѣдуетъ полагать, что означенная сложная монограмма могла появиться нѣсколько позднѣе по распоряженію какого либо игумена Макарьевскаго монастыря,— сдѣлана, вѣроятно, взамѣнъ уже обветшавшей первоначальной монограммы, при чемъ для наилучшаго въ потомкахъ наглядnаго закрѣпленія самого преданія объ употребленіи одноколки преимущественно Марѳой Ивановной, матерію царя Михаила Ѳеодоровича, сдѣлано обозначеніе ея иниціалами въ сложной монограммѣ.

Наконецъ, кромѣ рѣзныхъ львенковъ стариннаго издѣлія, за принадлежность самой одноколки ко временамъ XVII вѣка, именно къ концу первой четверти этого вѣка, много говоритъ самое необычное устройство ея. Желѣзныя толстыя, притомъ отдѣльными полосами, колесныя шины съ гвоздями грубой выдѣлки, толстые старинные бѣлые ремни съ назначеніемъ вмѣсто рессоръ, остатки древней кожи обшивной также даютъ право относить происхожденіе одноколки одинаково ко временамъ царя Михаила Ѳеодоровича и инокини Марѳы Ивановны.

На основаніи представленныхъ соображеній разсматриваемая одноколка является историческимъ памятникомъ временъ Родоначальника Царствующаго Дома и такимъ образомъ пріобрѣ-

предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова», 1901 г. ч. I, табл. III.

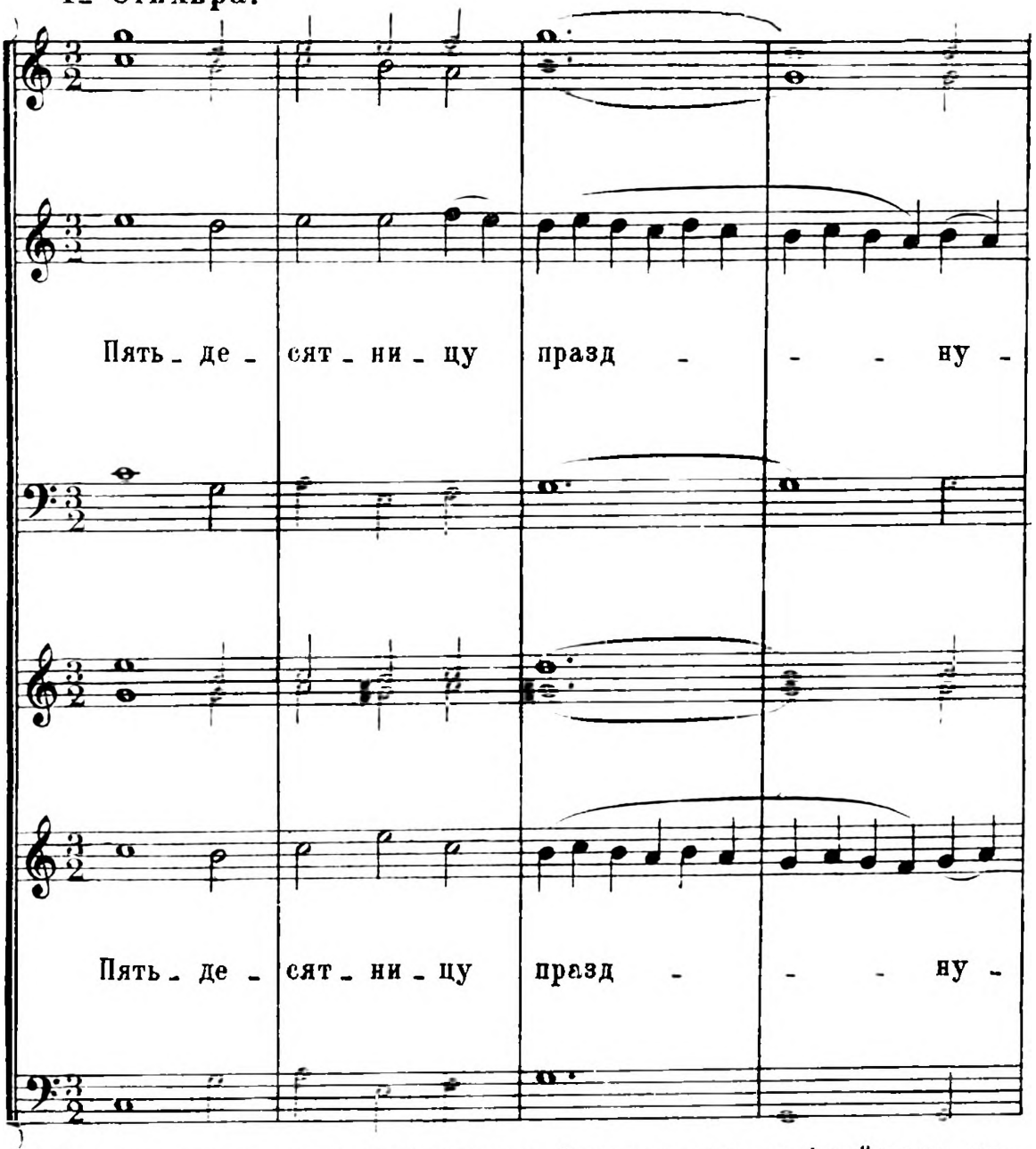
таетъ значеніе въ ряду нынѣшнихъ юбилейныхъ воспоминаній. Что видимо цѣнное историческое значеніе этой достопримѣчательности издавна сознавалось и открыто придавалось въ самой Макарьевской обители, показываетъ уже то обстоятельство, что одноколка эта въ позднѣйшее время сохранялась въ притворѣ Троицкаго соборнаго храма (построеннаго въ 1663—70 годахъ) ея, бывъ помѣщена здѣсь за перегородкою, въ которой продѣлано было окно для обозрѣнія ея интересующимися лицами.

И. Баженовъ.

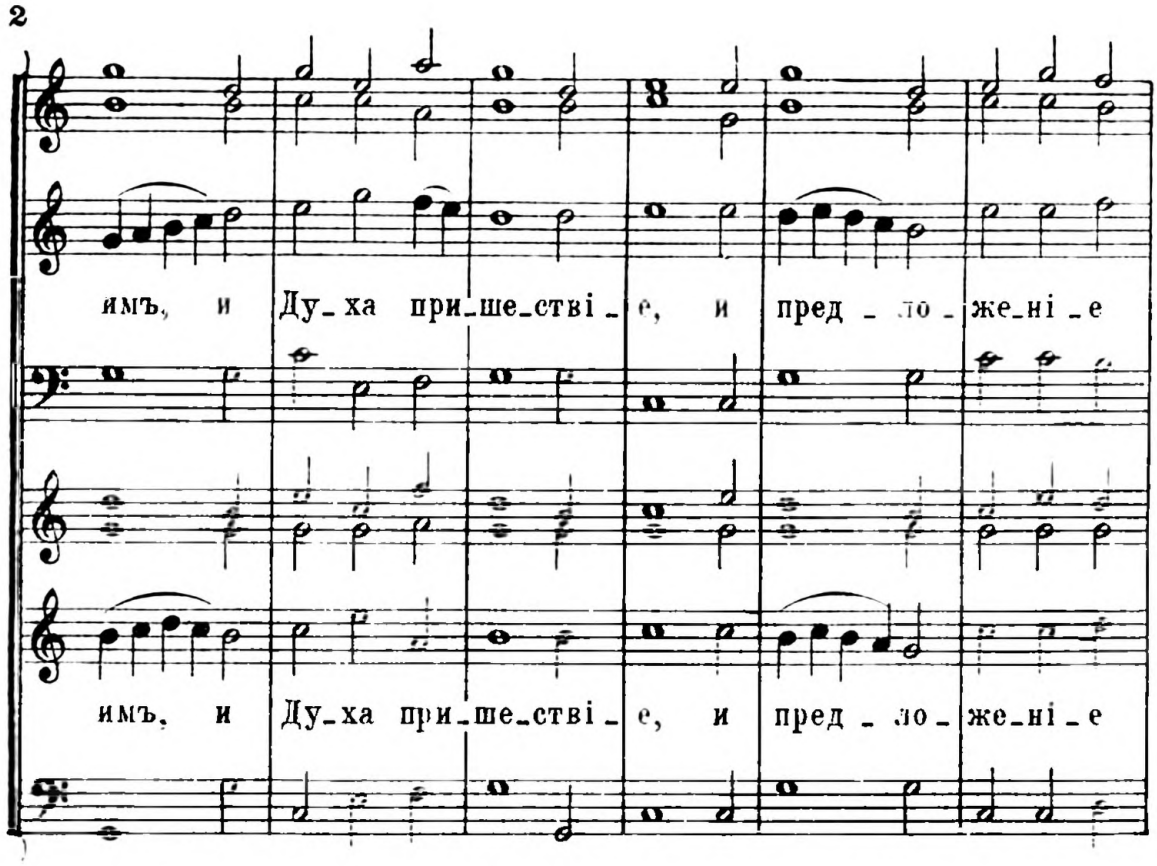
СТИХИРЫ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

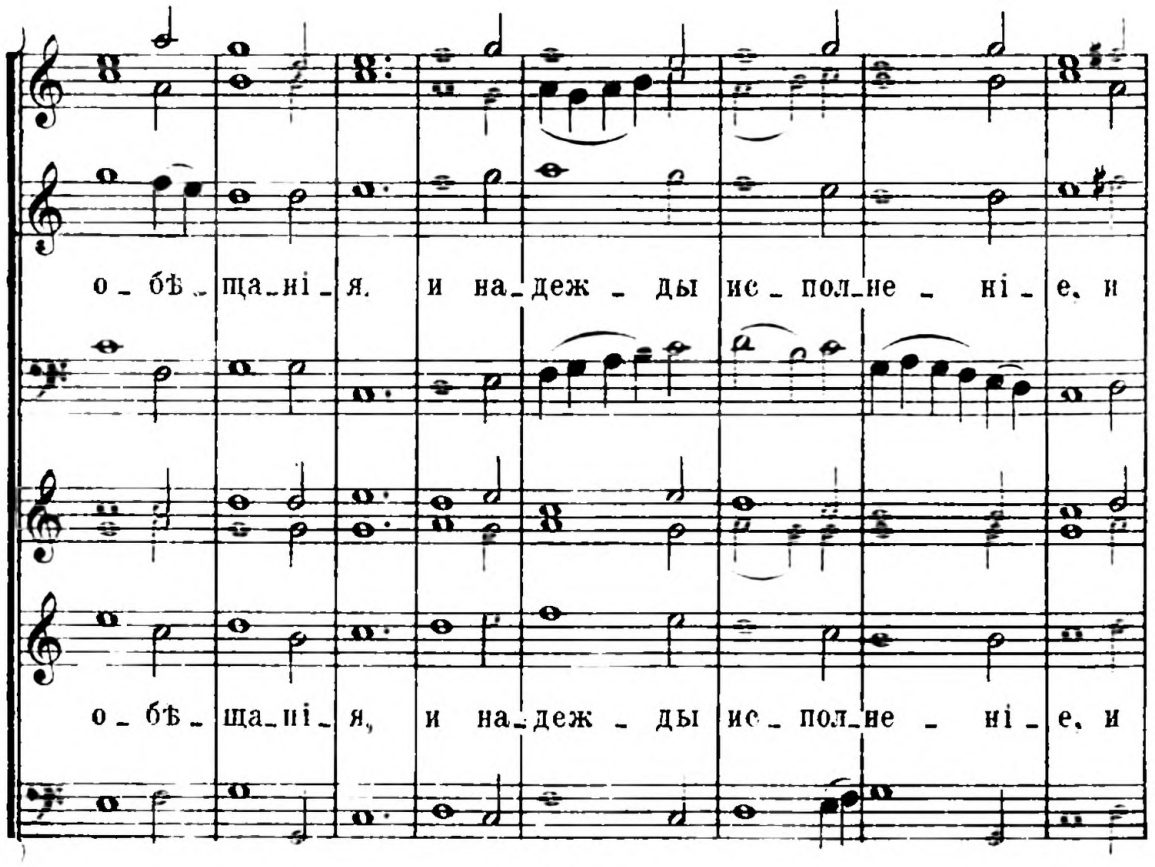
Изъ старинныхъ нотныхъ рукописей нотной библіотеки КОСТРОМСКОГО архіерейскаго хора. *)

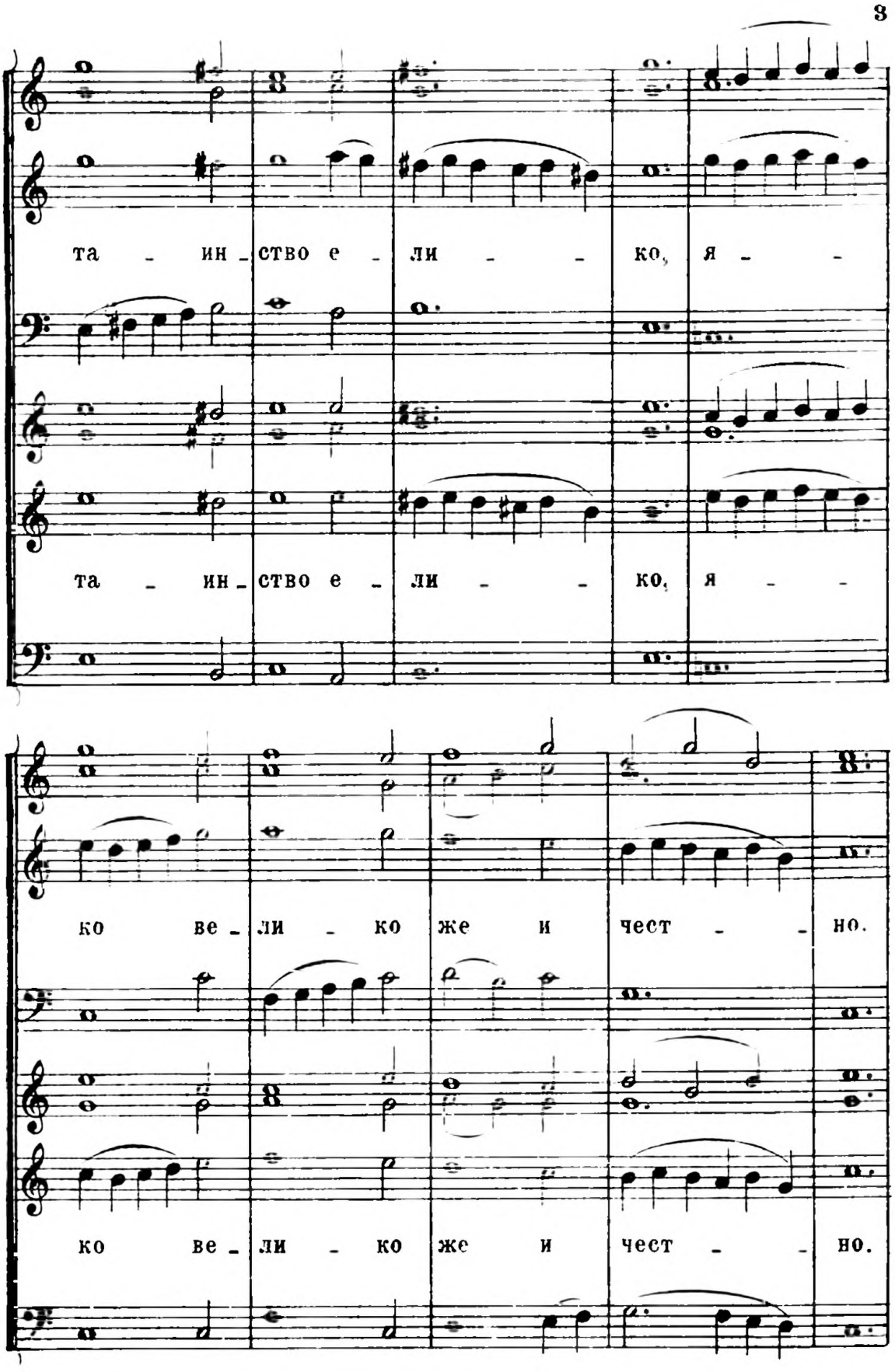
1я Стихира.

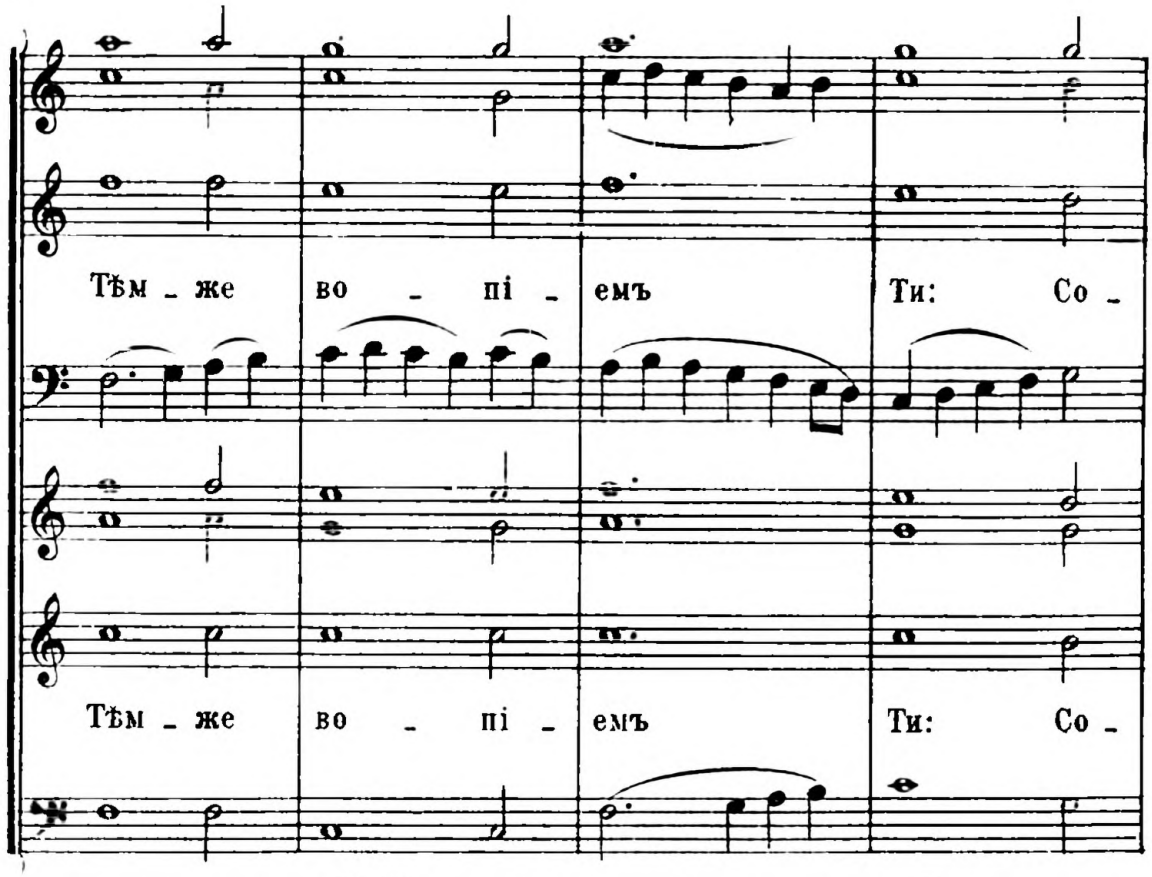


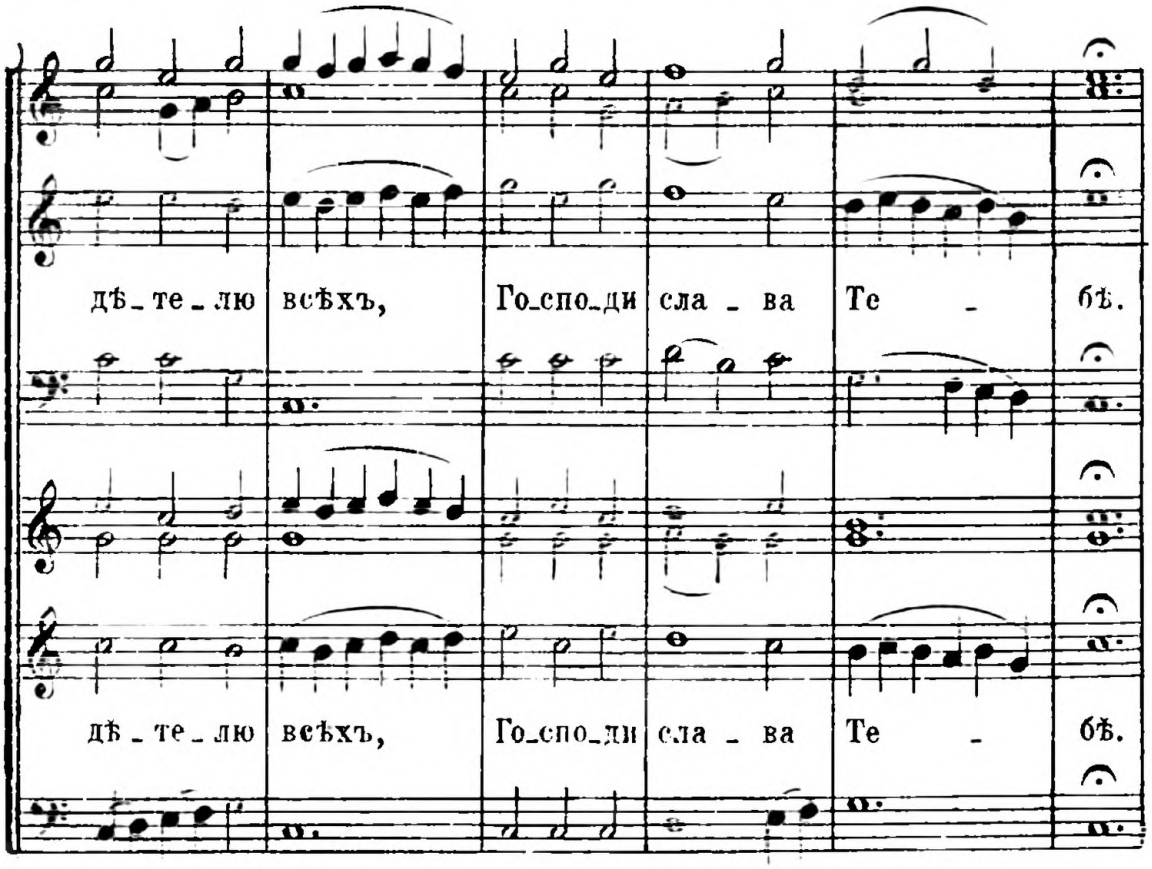
*) Стихиры эти ежегодно исполняются Костромскимъ архіерейскимъ хоромъ въ день св. Пятидесятницы въ Троицкомъ соборѣ Ипатьевскаго монастыря. Составлены онѣ (судя по манерѣ письма) дьякомъ Василіемъ ТИТОВЫМЪ, однимъ изъ талантливыхъ композиторовъ *XVII* вѣка. Изданы подъ редакціей о. регента Костромского архіерейскаго хора Петра К. ПОТЕРЯЙКО.


имъ, и Ду_ха при_ше_ствi_е, и пред_ло_же_ні_е
имъ, и Ду_ха при_ше_ствi_е, и пред_ло_же_ні_е

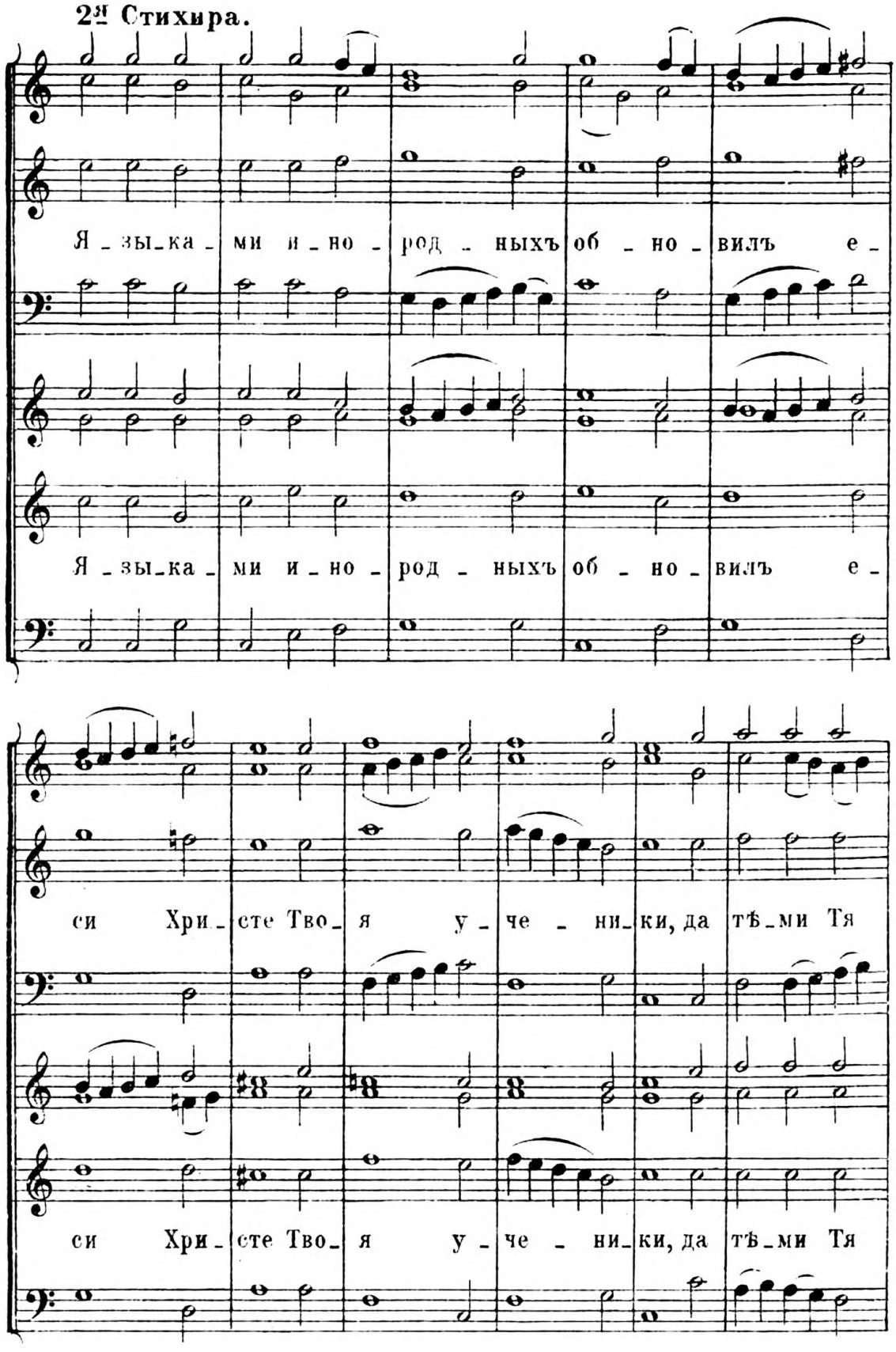

о_бѣ_ща_ні_я. и на_деж_ды ис_пол_не_ні_е, и
о_бѣ_ща_ні_я, и на_деж_ды ис_пол_не_ні_е, и

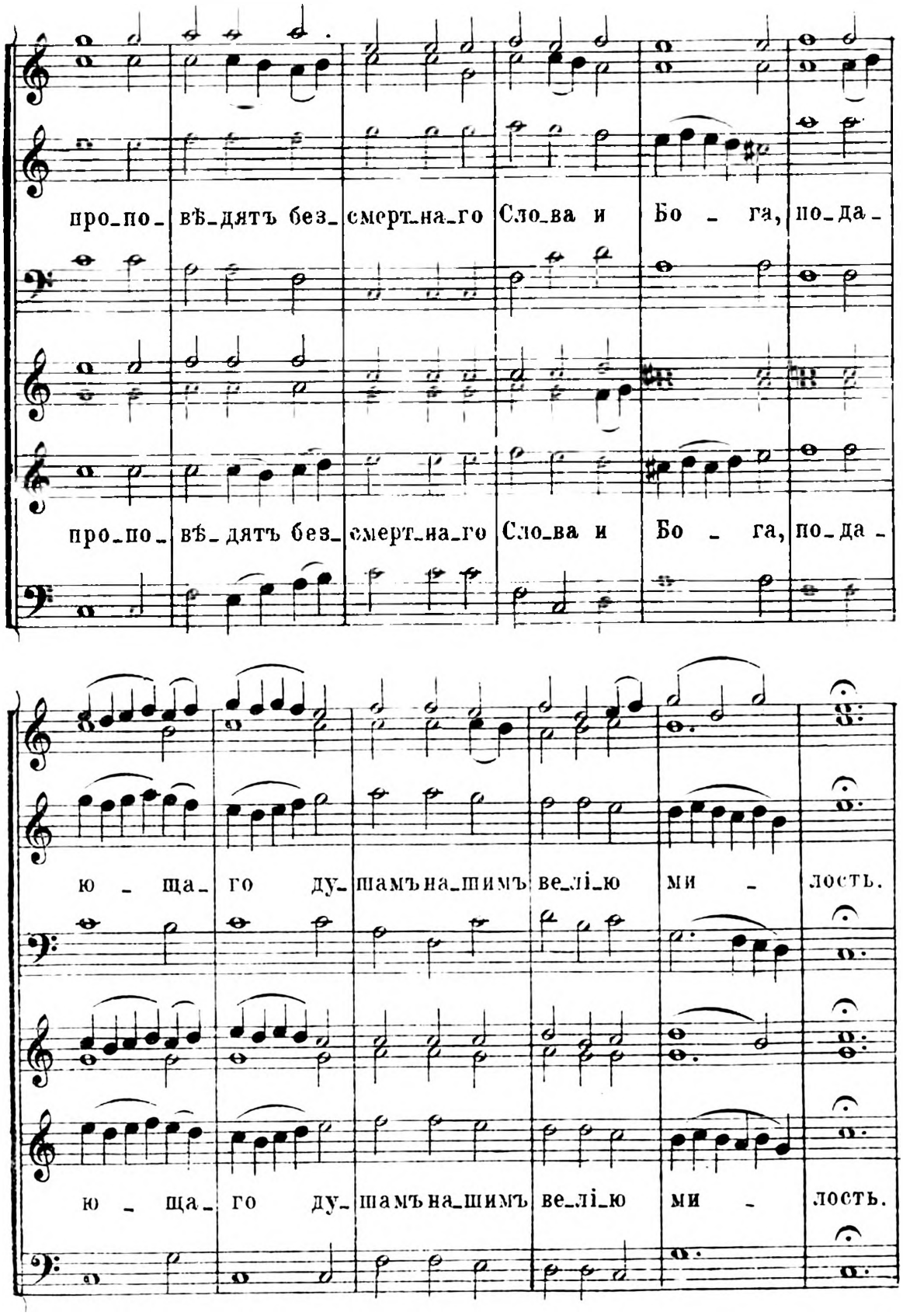

та - ин - ство е - ли - - ко, я - -
та - ин - ство е - ли - - ко, я - -
ко ве - ли - ко же и чест - - но.
ко ве - ли - ко же и чест - - но.


Тѣм - же во - пі - емъ Ти: Со -
Тѣм - же во - пі - емъ Ти: Со -

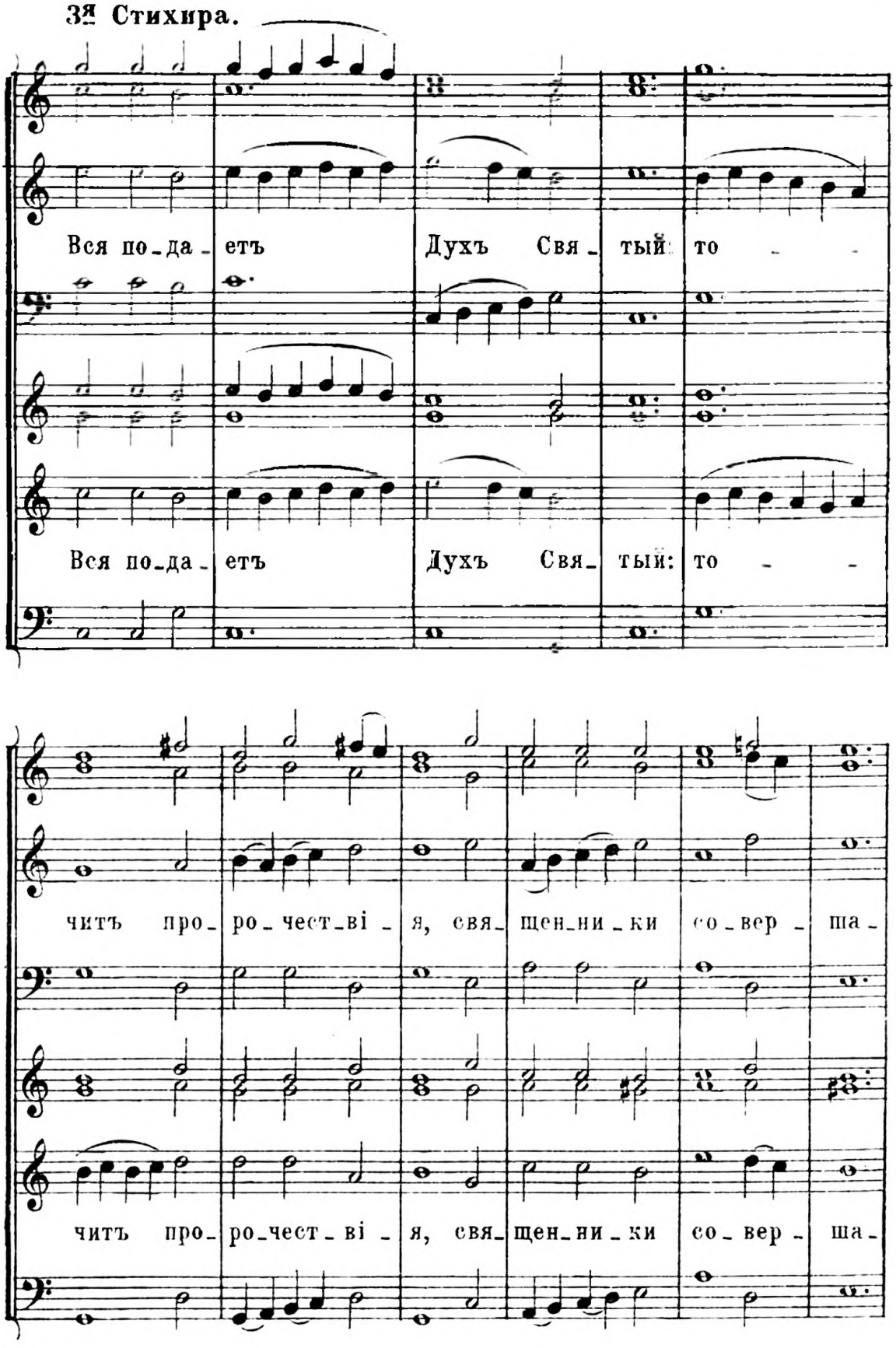

дѣ - те - лю всѣхъ, Го-спо-ди сла - ва Те - бѣ.
дѣ - те - лю всѣхъ, Го-спо-ди сла - ва Те - бѣ.

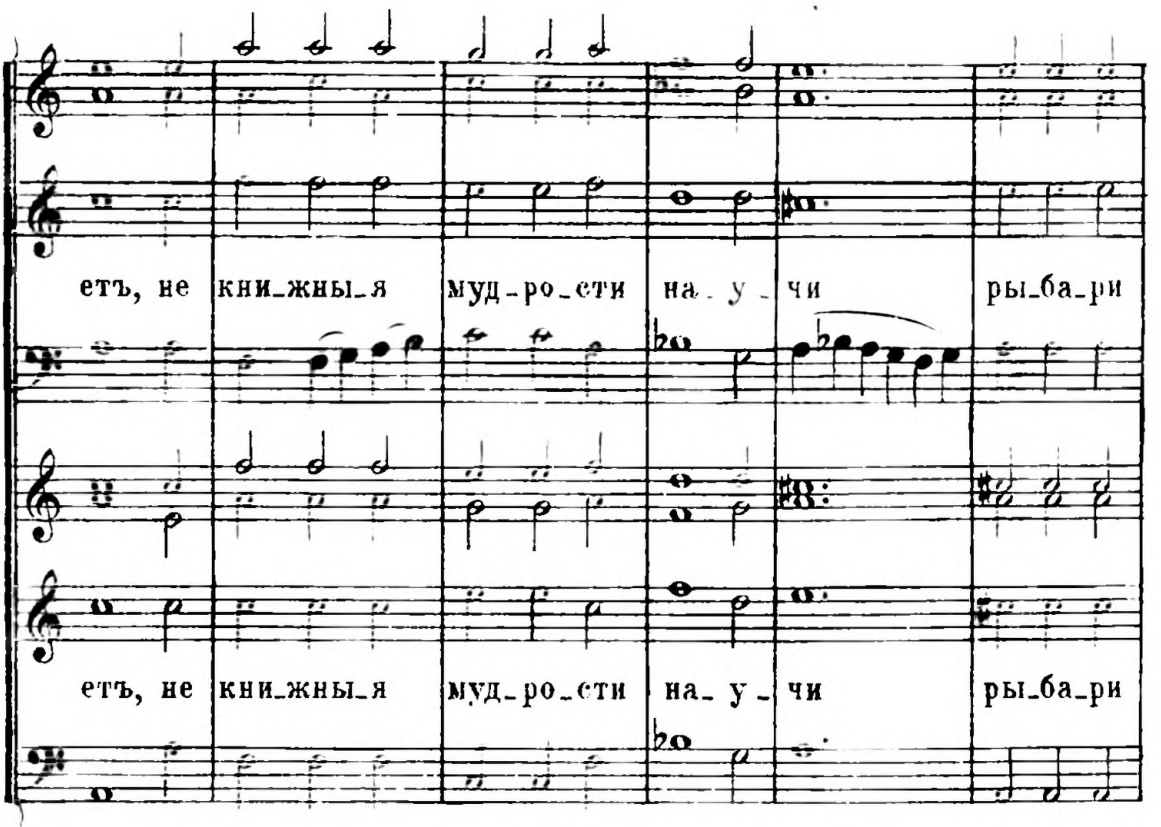
2я Стихира.

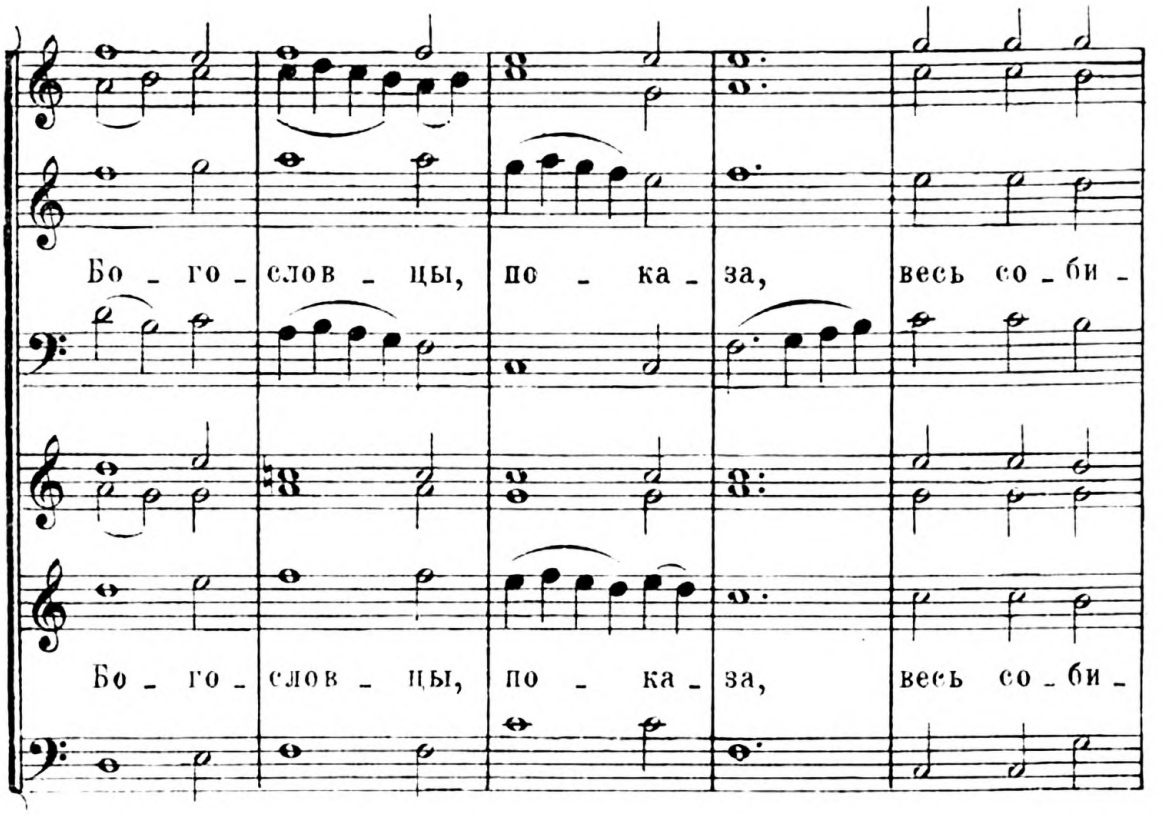

Я_зы_ка_ми и_но_род_ныхъ об_но_вилъ е_
Я_зы_ка_ми и_но_род_ныхъ об_но_вилъ е_
си Хри_сте Тво_я у_че_ни_ки, да тѣ_ми Тя
си Хри_сте Тво_я у_че_ни_ки, да тѣ_ми Тя

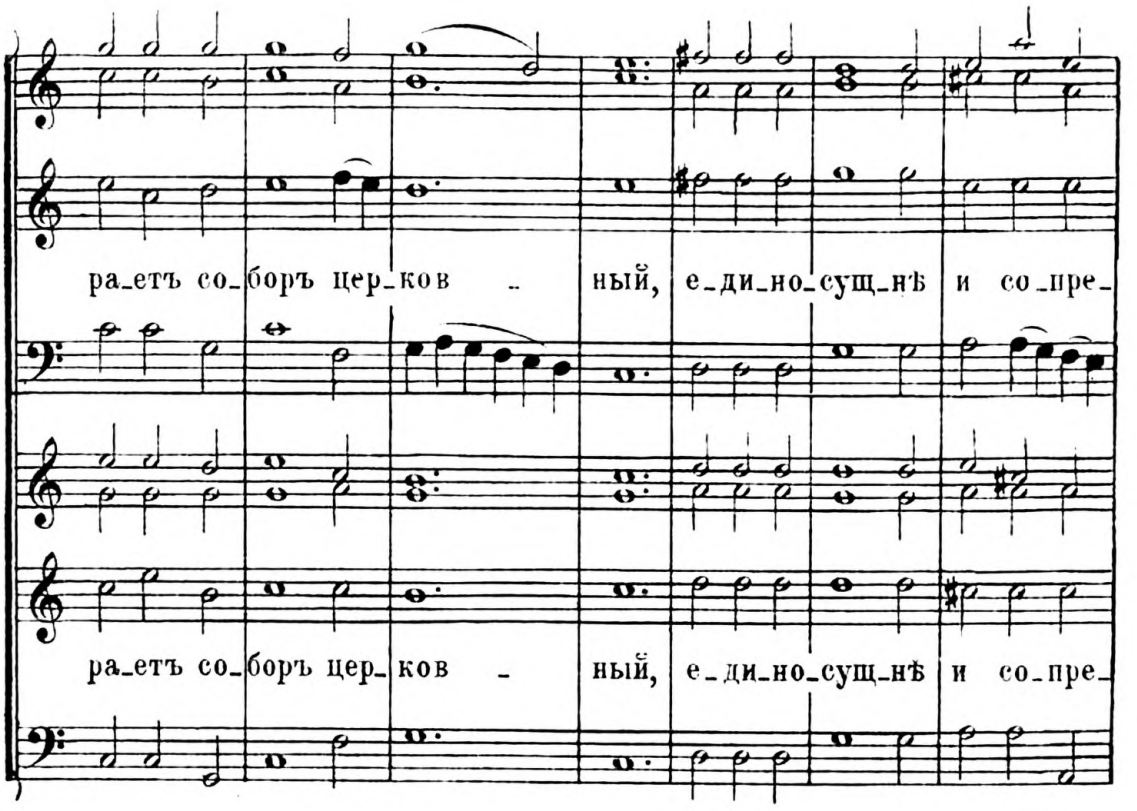

про_по_вѣ_дятъ без_смерт_на_го Сло_ва и Бо - га, по_да_
про_по_вѣ_дятъ без_смерт_на_го Сло_ва и Бо - га, по_да_
ю - ща_го ду_шамъ на_шимъ ве_лі_ю ми - лость.
ю - ща_го ду_шамъ на_шимъ ве_лі_ю ми - лость.

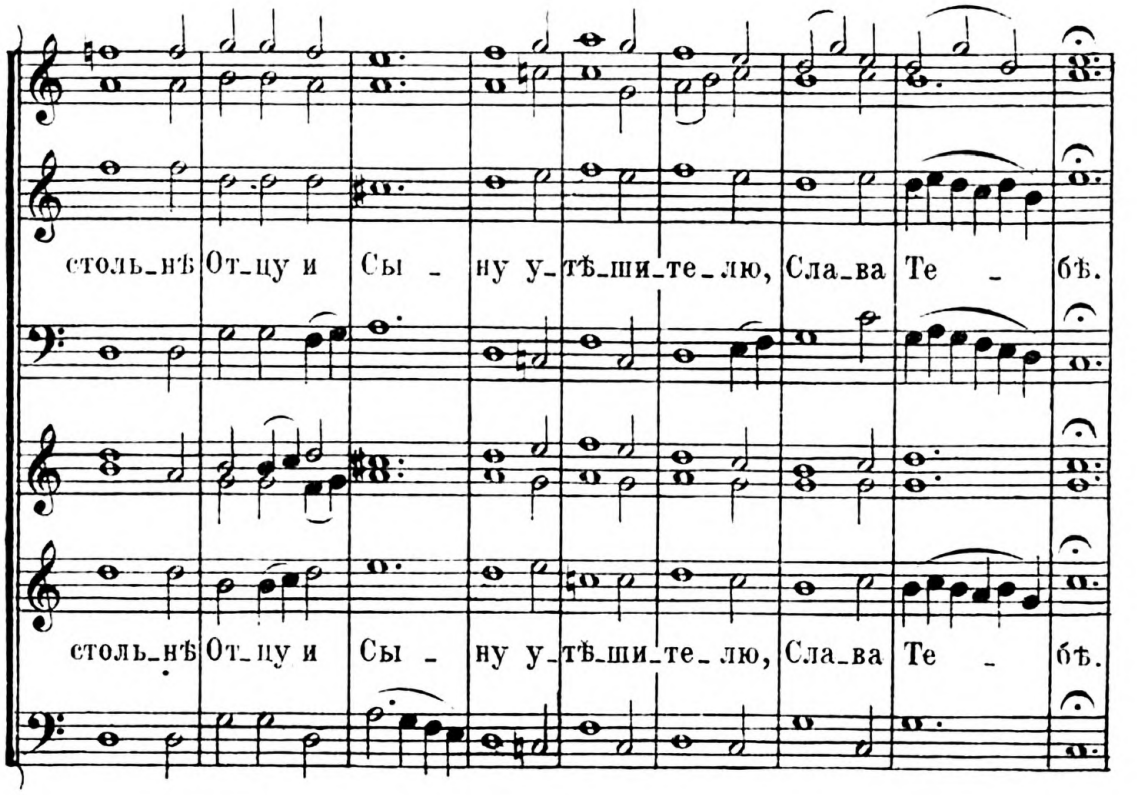
3я Стихира.


Вся по-да-етъ Духъ Свя-тый то -
Вся по-да-етъ Духъ Свя-тый: то -
читъ про-ро-чест-ві-я, свя-щен-ни-ки со-вер-ша-
читъ про-ро-чест-ві-я, свя-щен-ни-ки со-вер-ша-

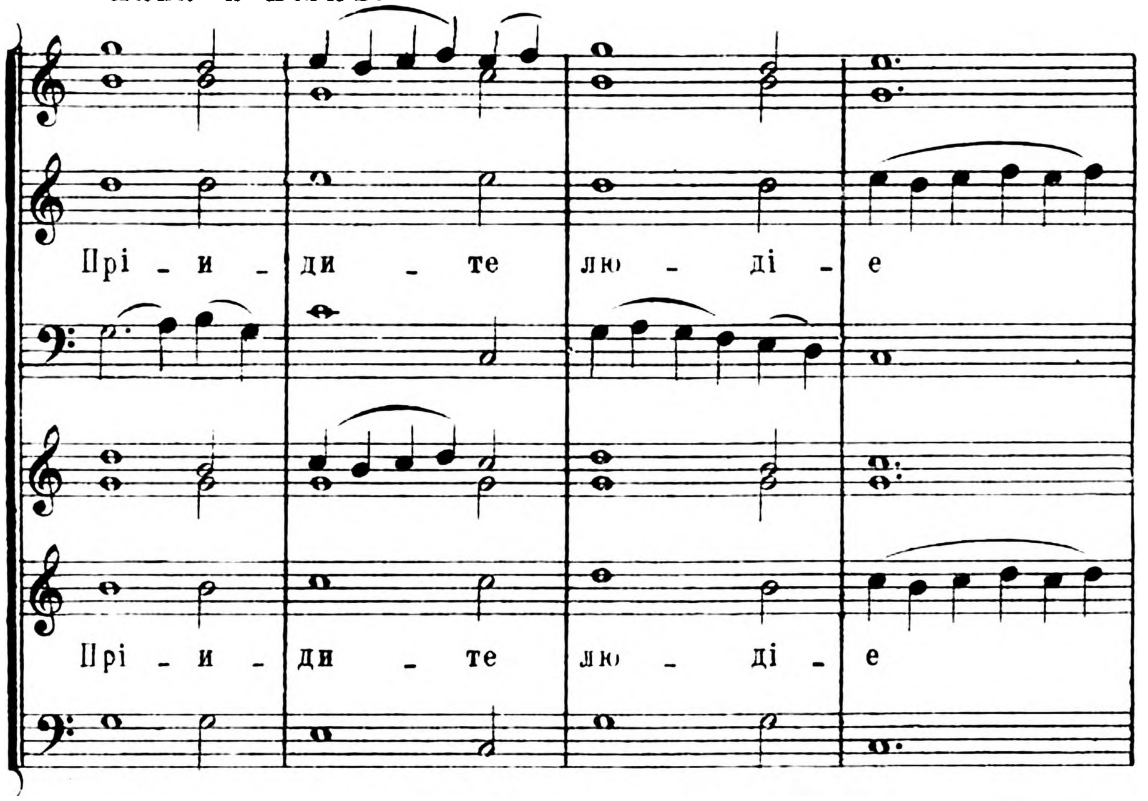

етъ, не кни_жны_я муд_ро_сти на_у_чи ры_ба_ри
етъ, не кни_жны_я муд_ро_сти на_у_чи ры_ба_ри

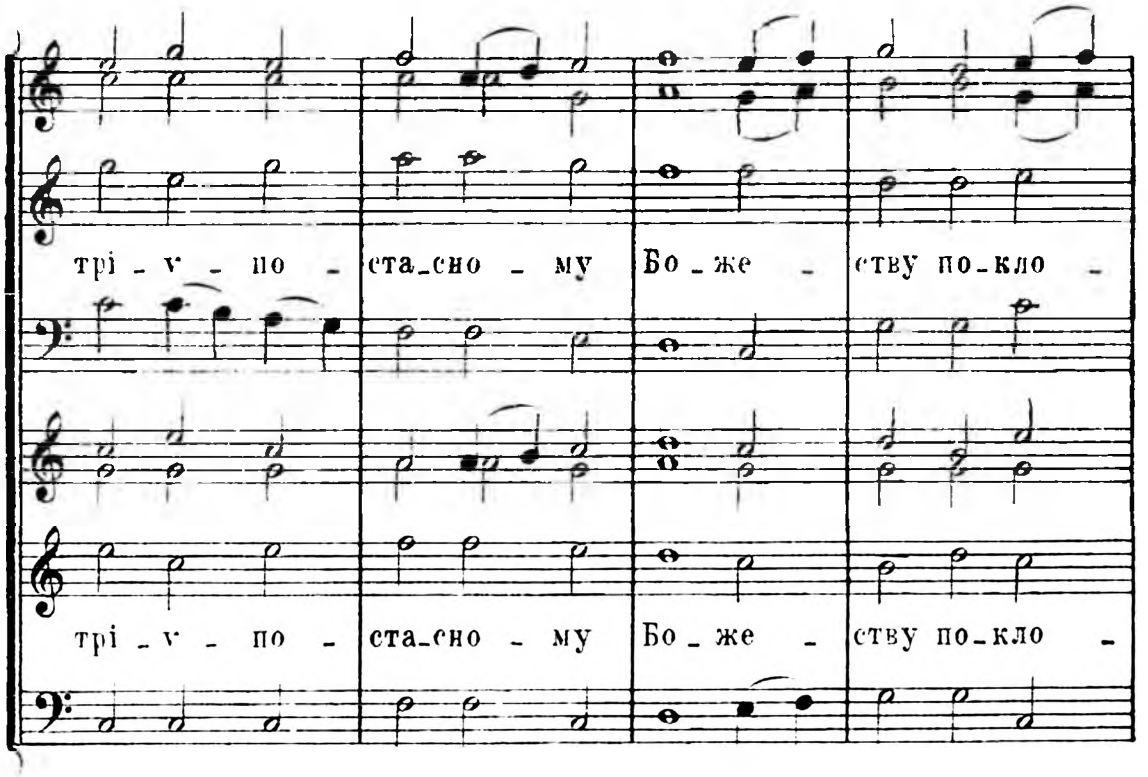

Бо_го_слов_цы, по_ка_за, весь со_би_
Бо_го_слов_цы, по_ка_за, весь со_би_

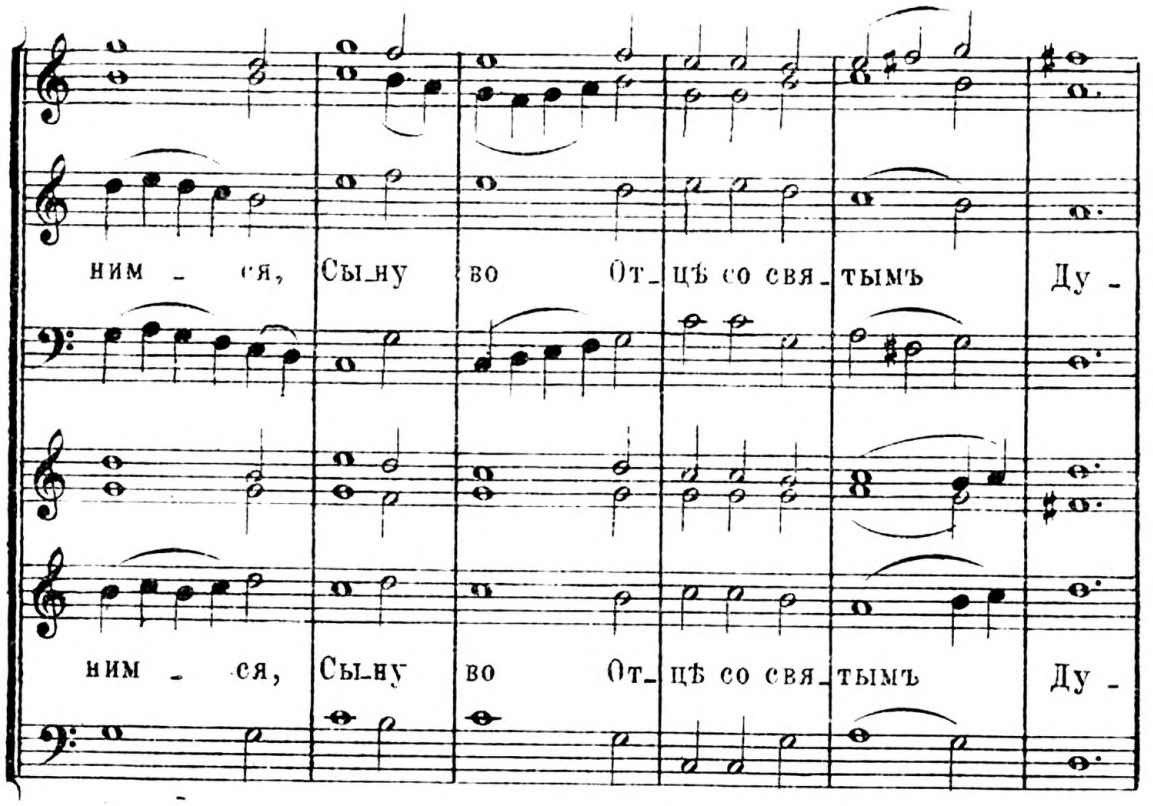

ра_етъ со_боръ цер_ков _ ный, е_ди_но_сущ_нѣ и со_пре_
ра_етъ со_боръ цер_ков _ ный, е_ди_но_сущ_нѣ и со_пре_

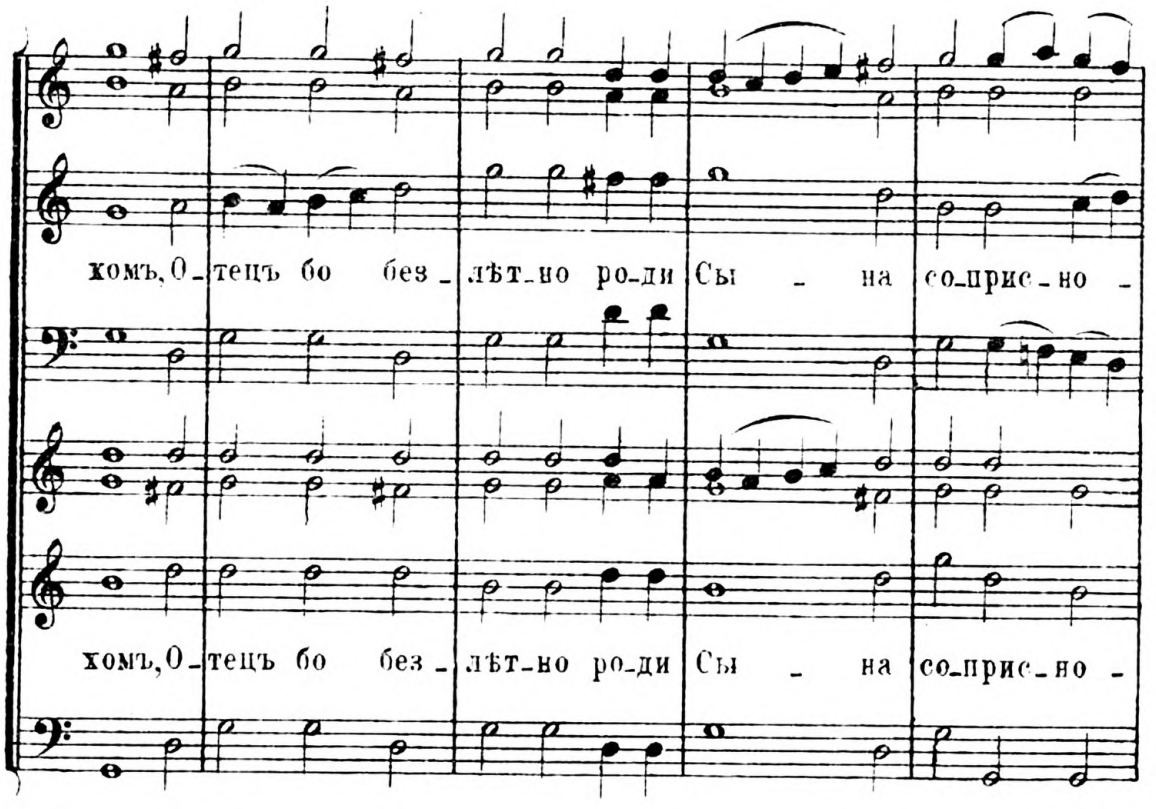

столь_нѣ От_цу и Сы _ ну у_тѣ_ши_те_лю, Сла_ва Те _ бѣ.
столь_нѣ От_цу и Сы _ ну у_тѣ_ши_те_лю, Сла_ва Те _ бѣ.

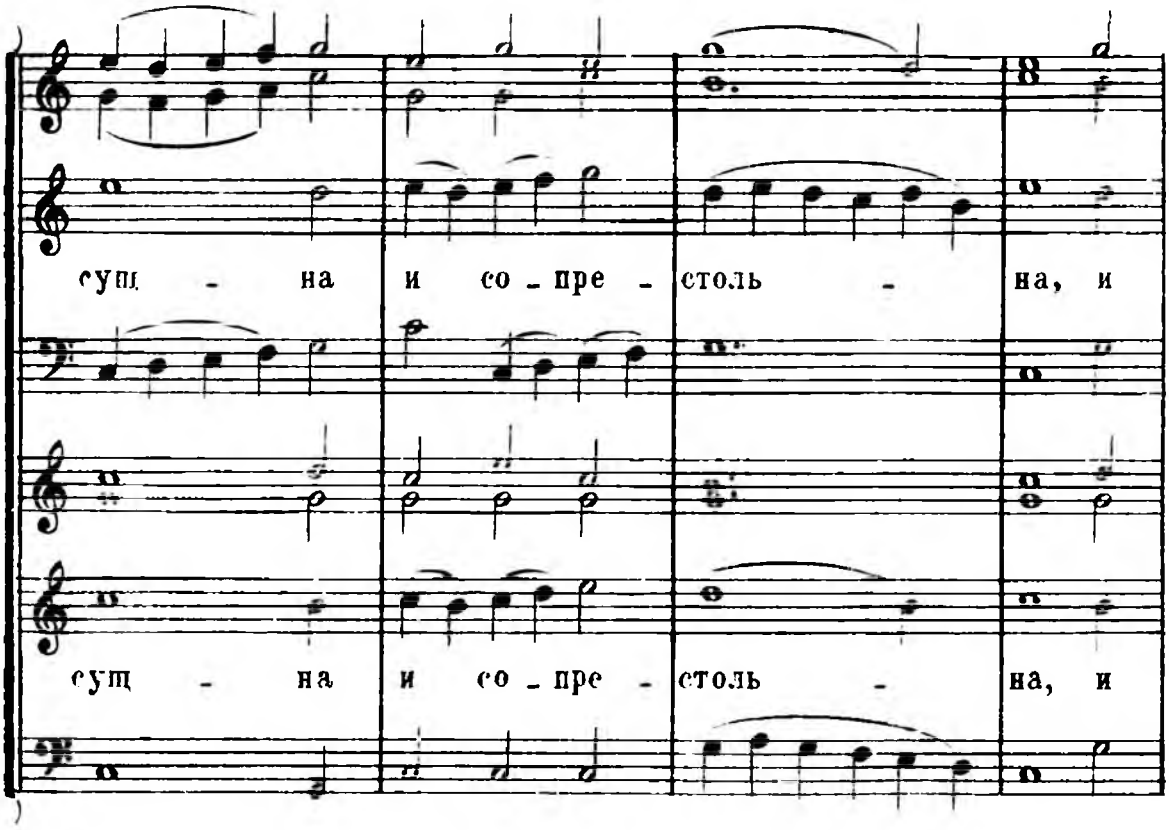
Слава и нынѣ.

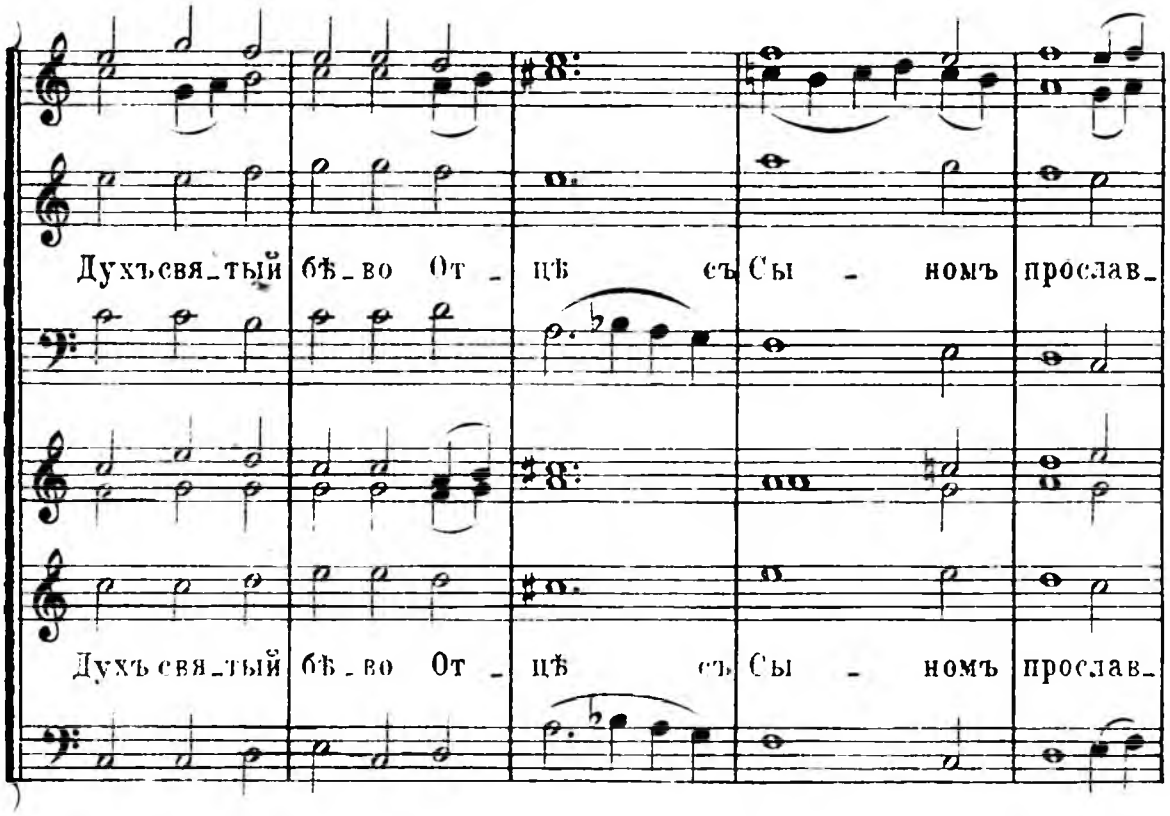

Прі - и - ди - те лю - ді - е
Прі - и - ди - те лю - ді - е

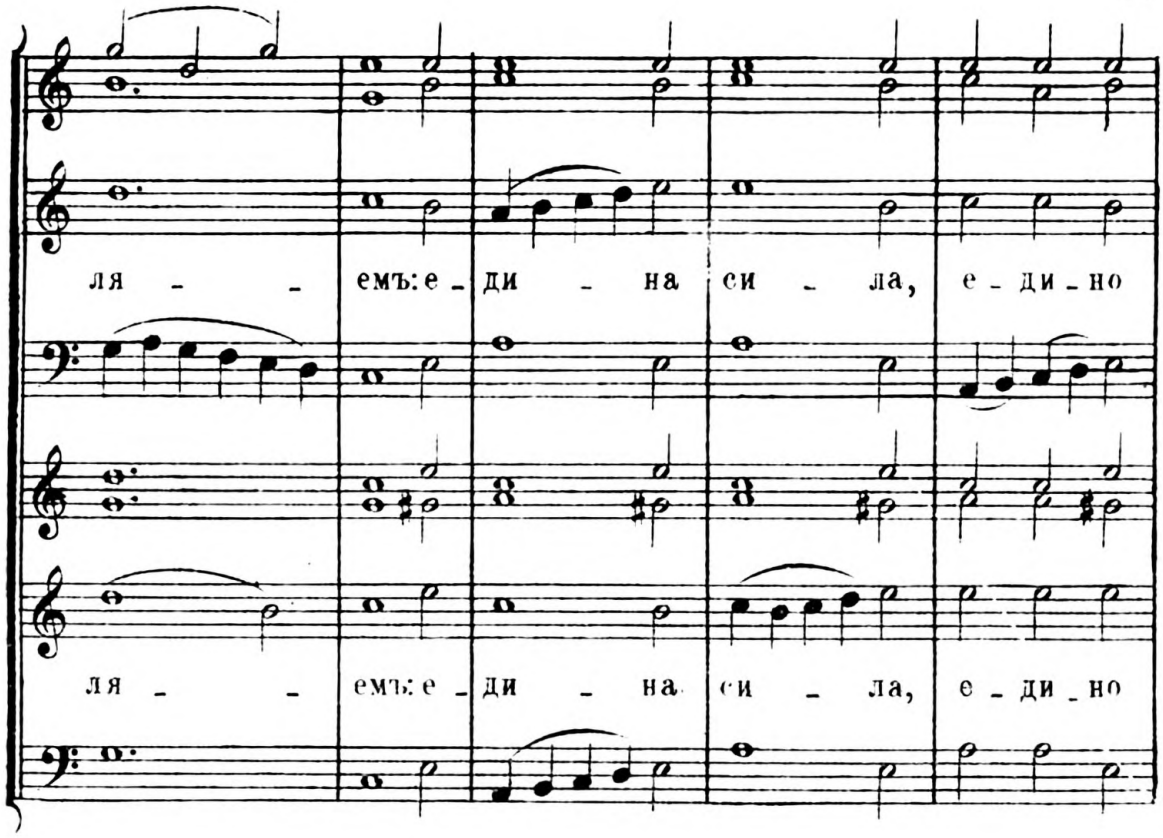

трі - у - по - ста-сно - му Бо - же - ству по-кло -
трі - у - по - ста-сно - му Бо - же - ству по-кло -

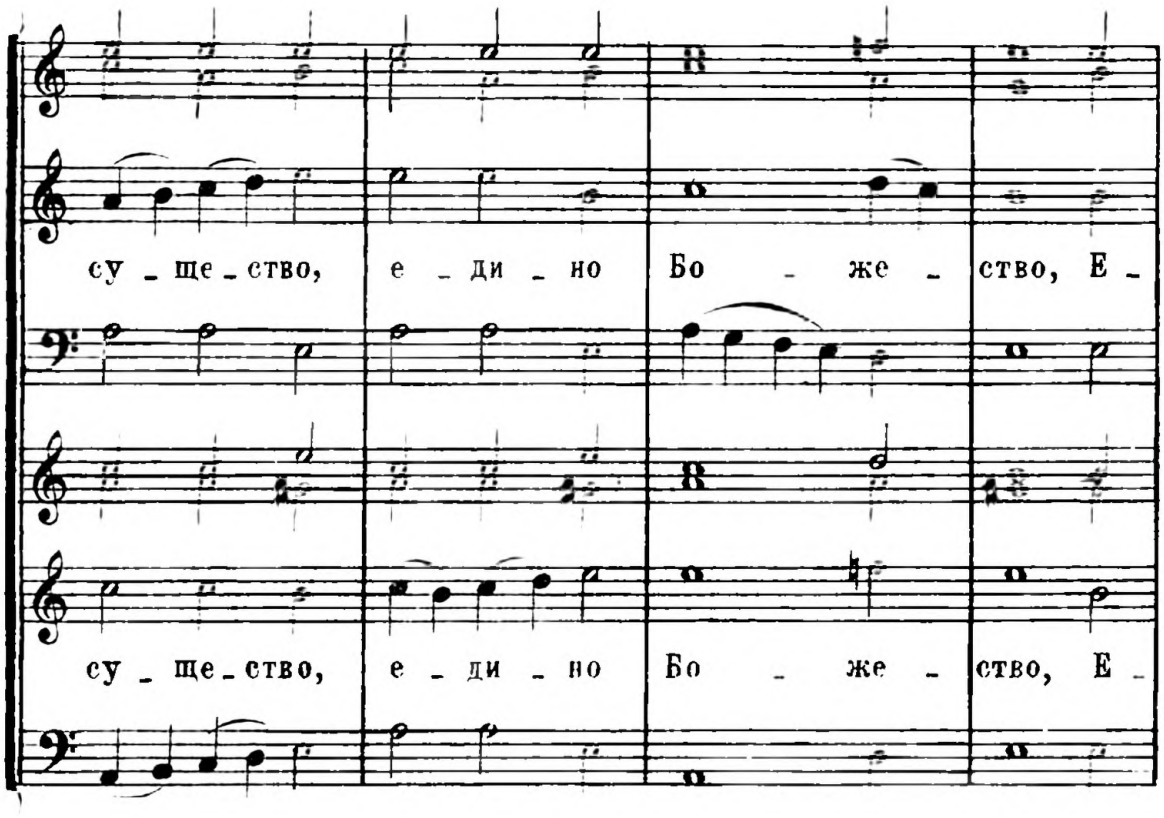

ним - ся, Сы-ну во От-цѣ со свя-тымъ Ду -
ним - ся, Сы-ну во От-цѣ со свя-тымъ Ду -

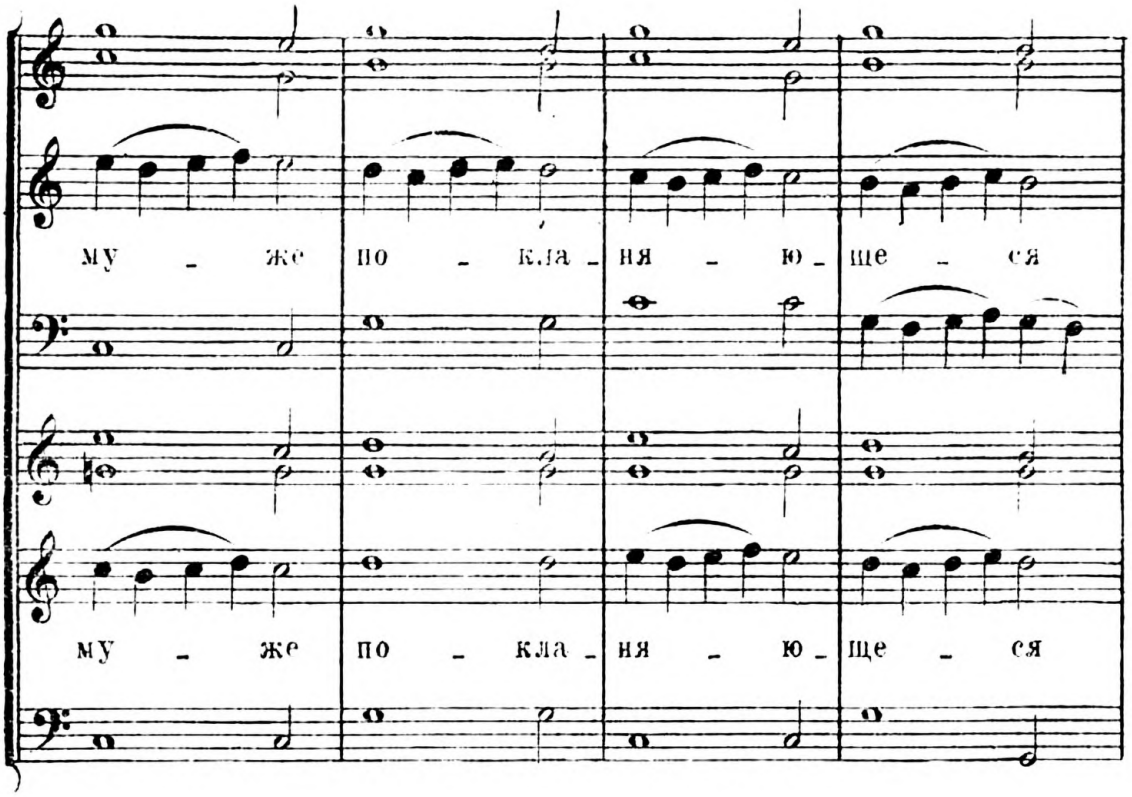

хомъ, О-тецъ бо без-лѣт-но ро-ди Сы - на со-прис-но -
хомъ, О-тецъ бо без-лѣт-но ро-ди Сы - на со-прис-но -

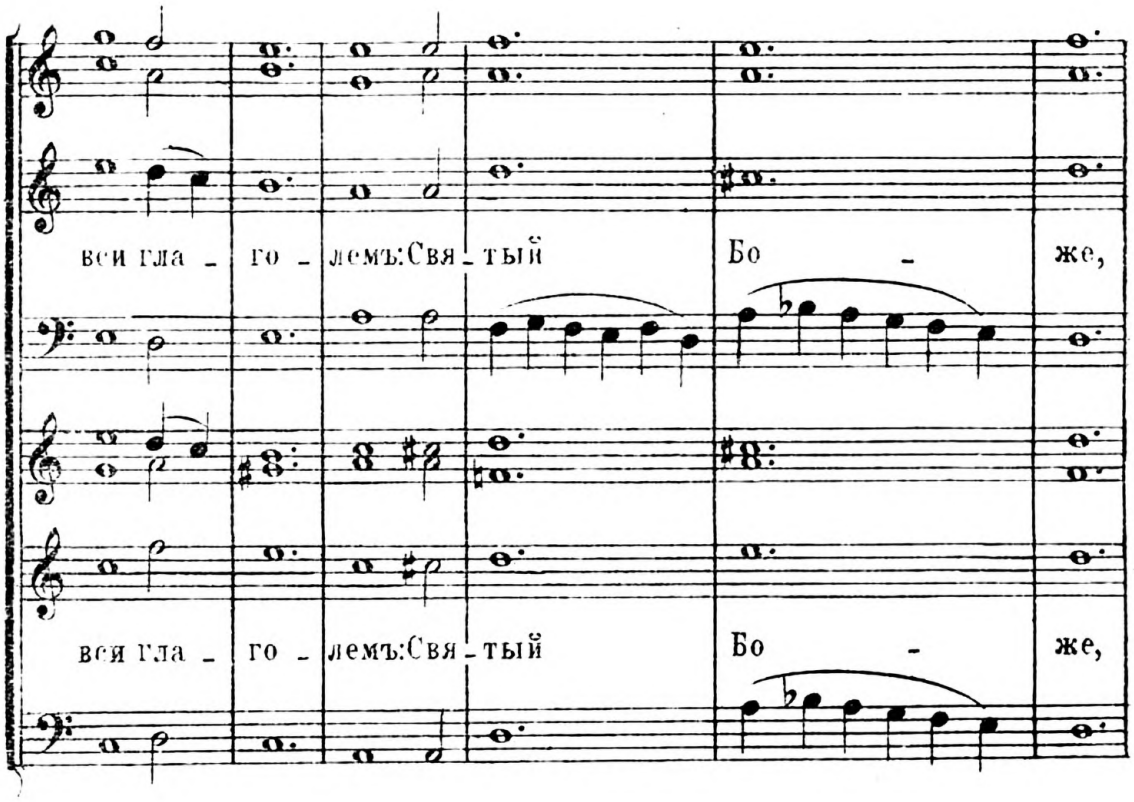

сущ - на и со - пре - столь - на, и
сущ - на и со - пре - столь - на, и

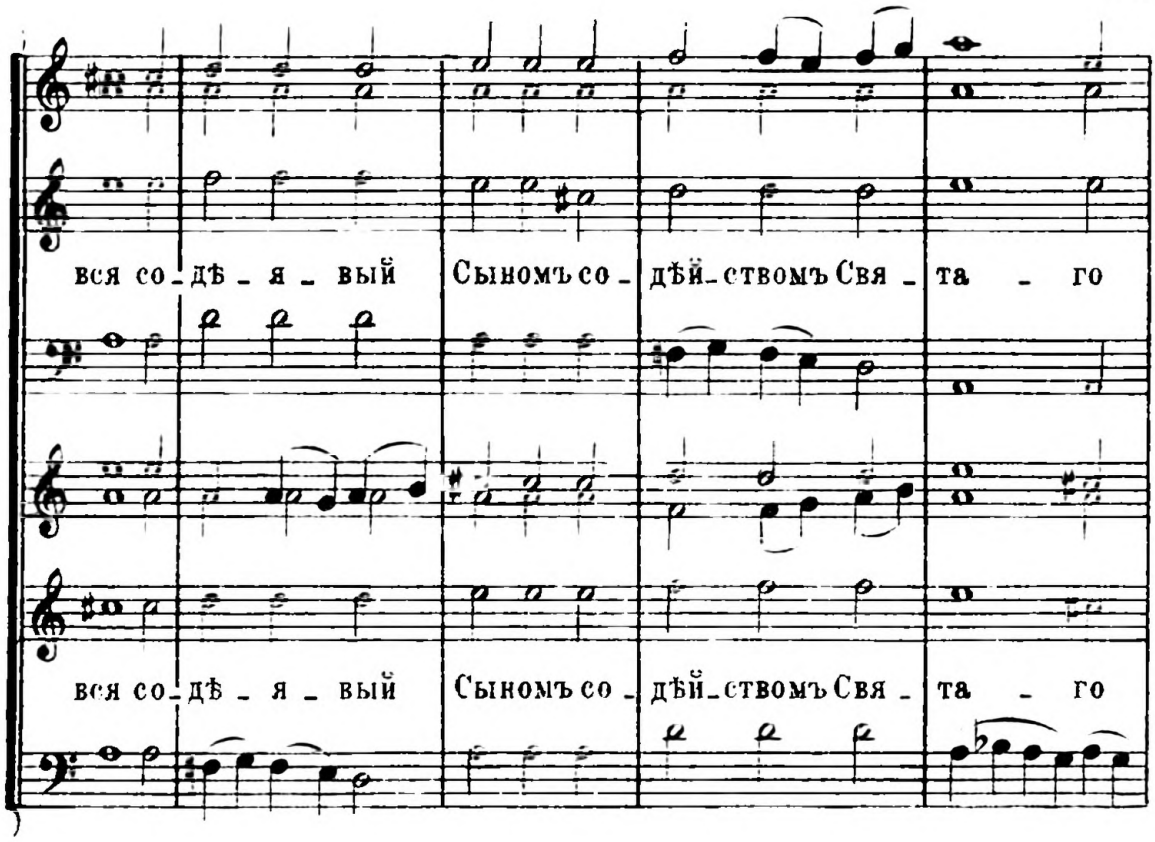

Духъ свя - тый бѣ - во От - цѣ съ Сы - номъ прослав -
Духъ свя - тый бѣ - во От - цѣ съ Сы - номъ прослав -

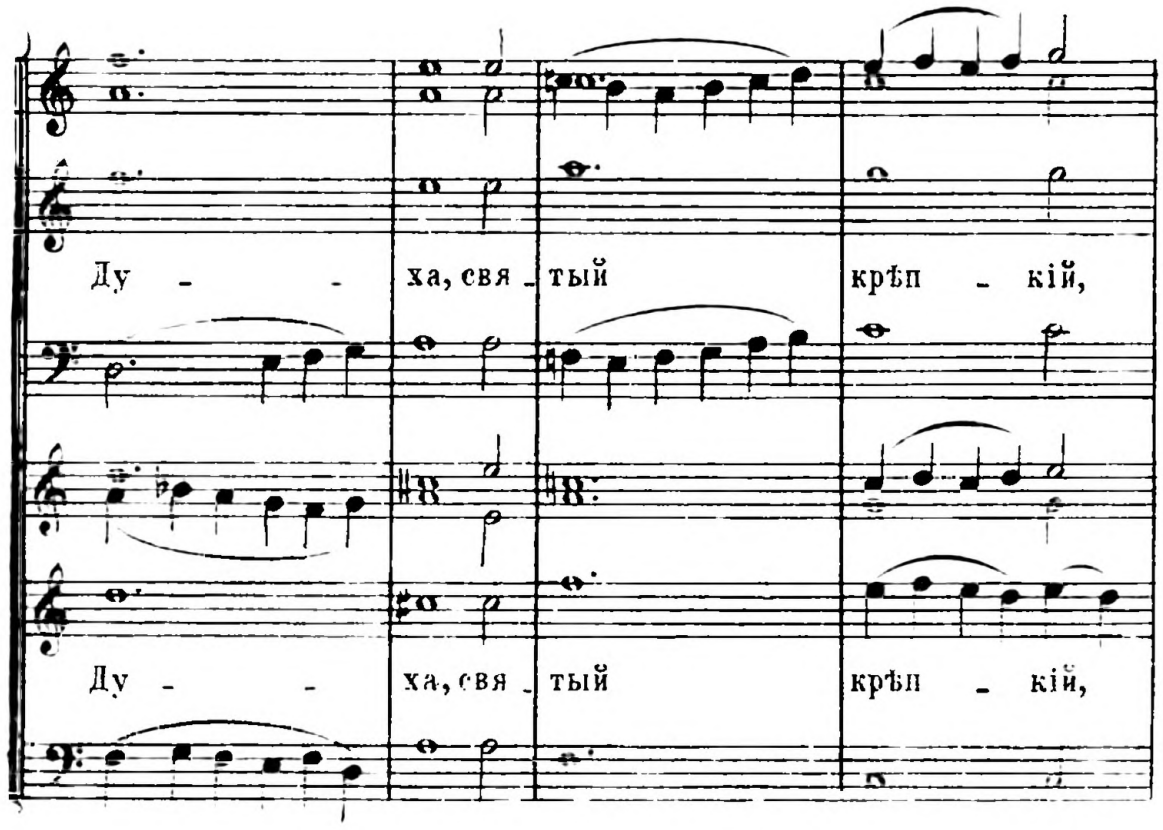

ля - - емъ: е - ди - на си - ла, е - ди - но
ля - - емъ: е - ди - на си - ла, е - ди - но

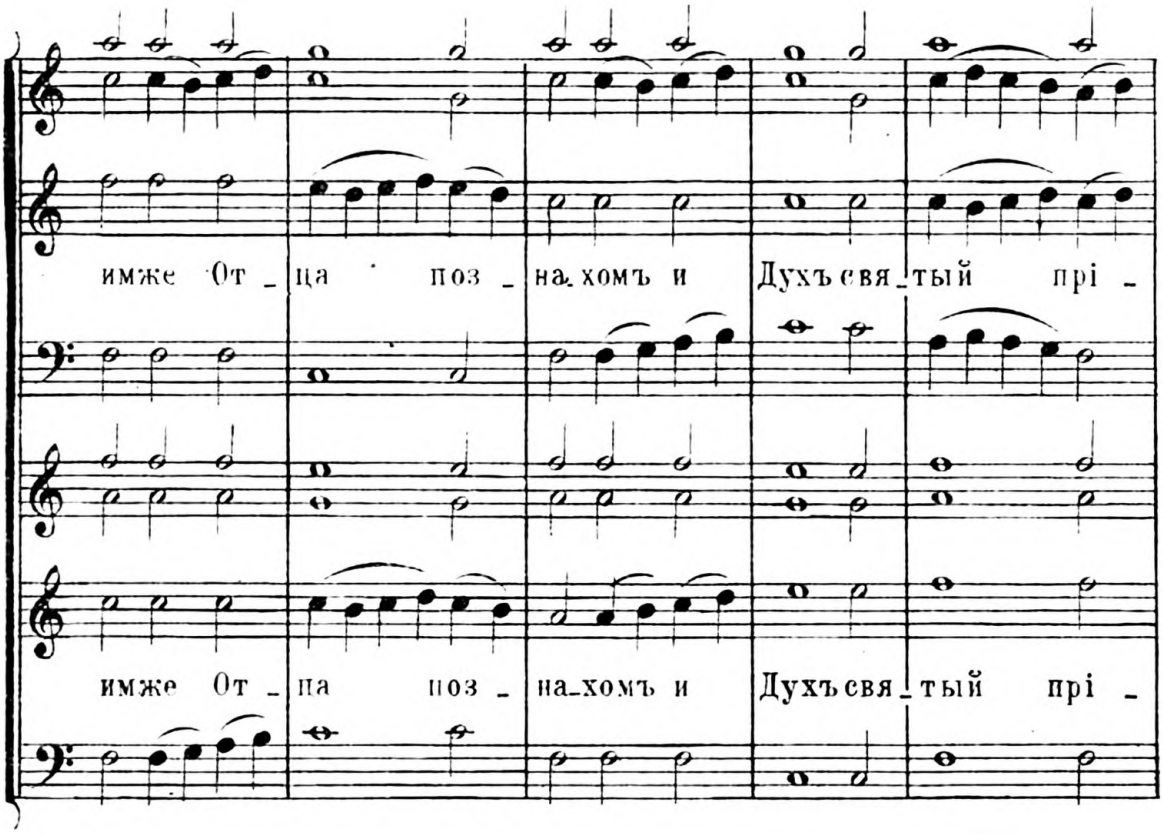

су - ще - ство, е - ди - но Бо - же - ство, Е -
су - ще - ство, е - ди - но Бо - же - ство, Е -

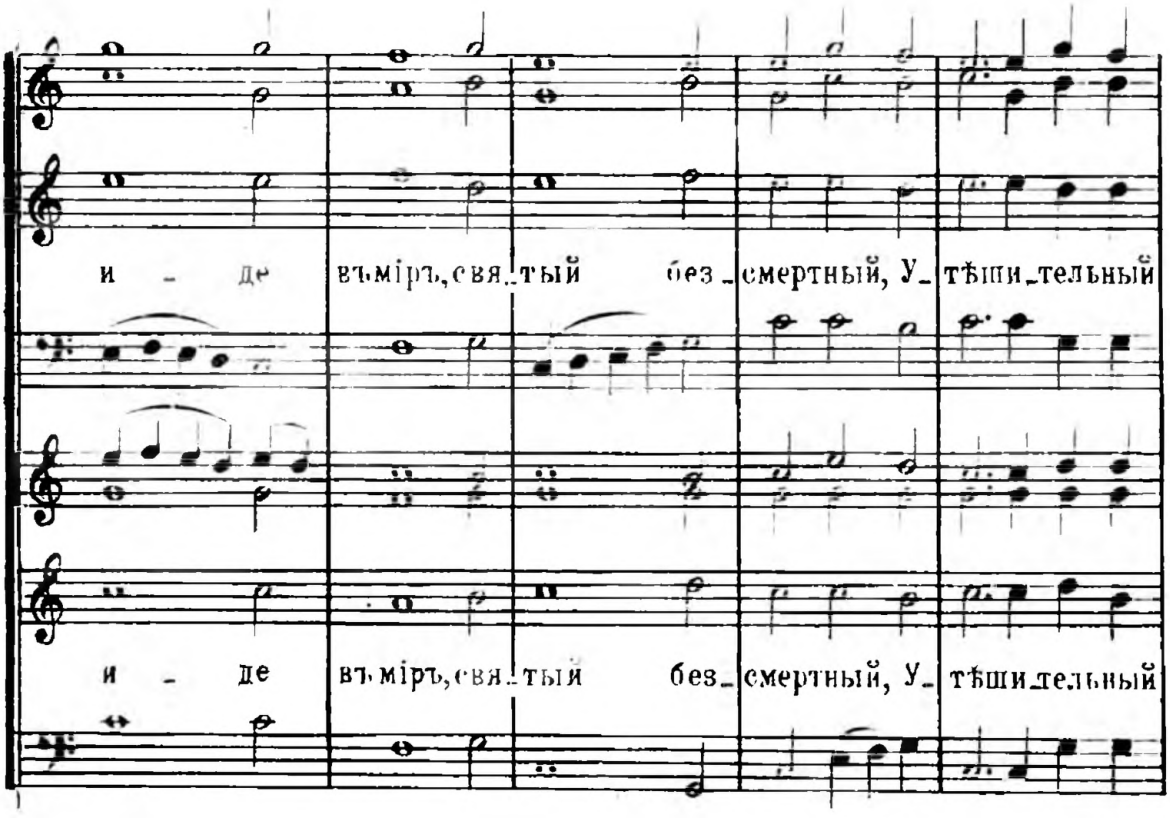

му - же по - кла - ня - ю - ще - ся
му - же по - кла - ня - ю - ще - ся

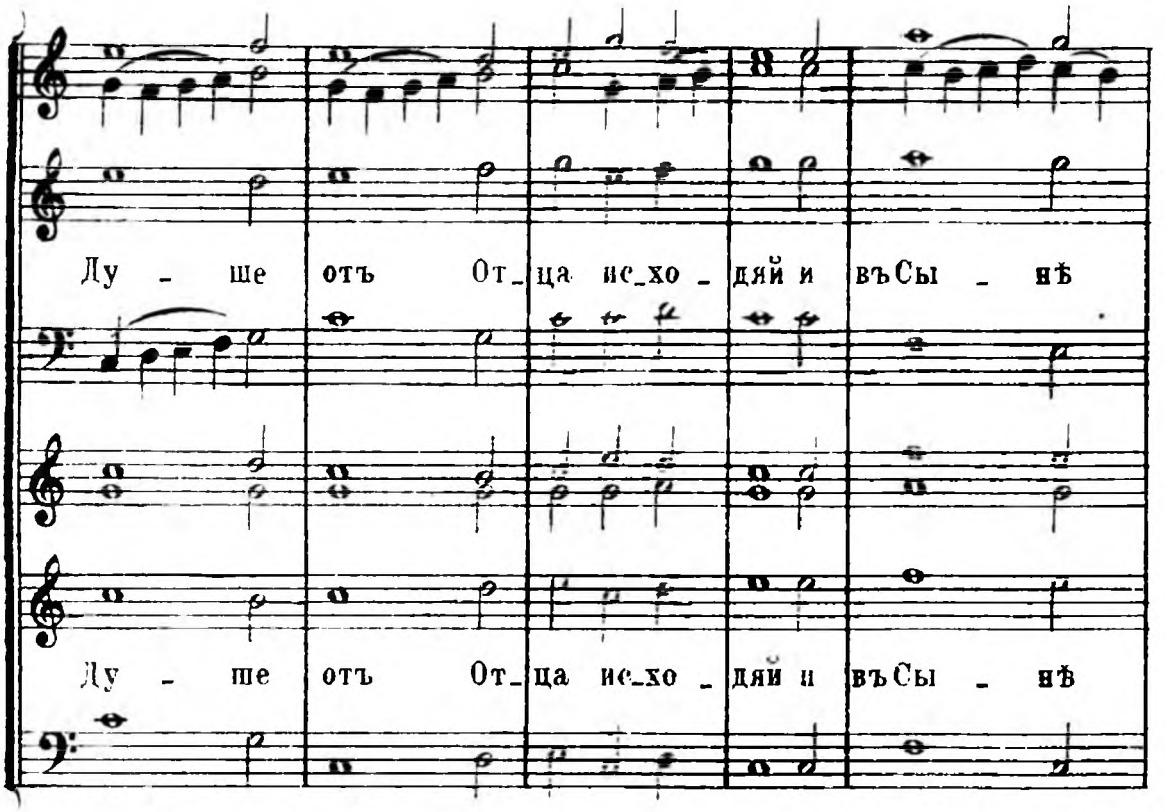

вси гла - го - лемъ: Свя - тый Бо - же,
вси гла - го - лемъ: Свя - тый Бо - же,

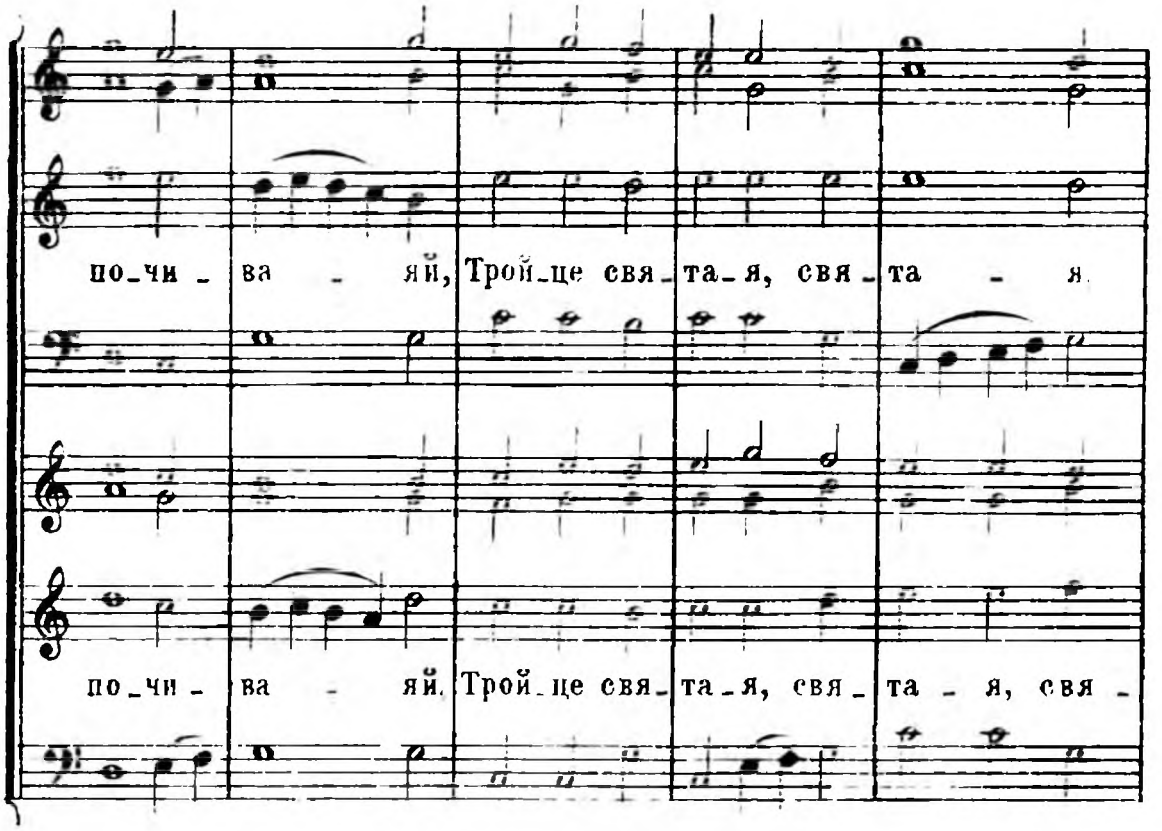

вся со-дѣ-я-вый Сыномъ со-дѣй-ствомъ Свя-та-го
вся со-дѣ-я-вый Сыномъ со-дѣй-ствомъ Свя-та-го

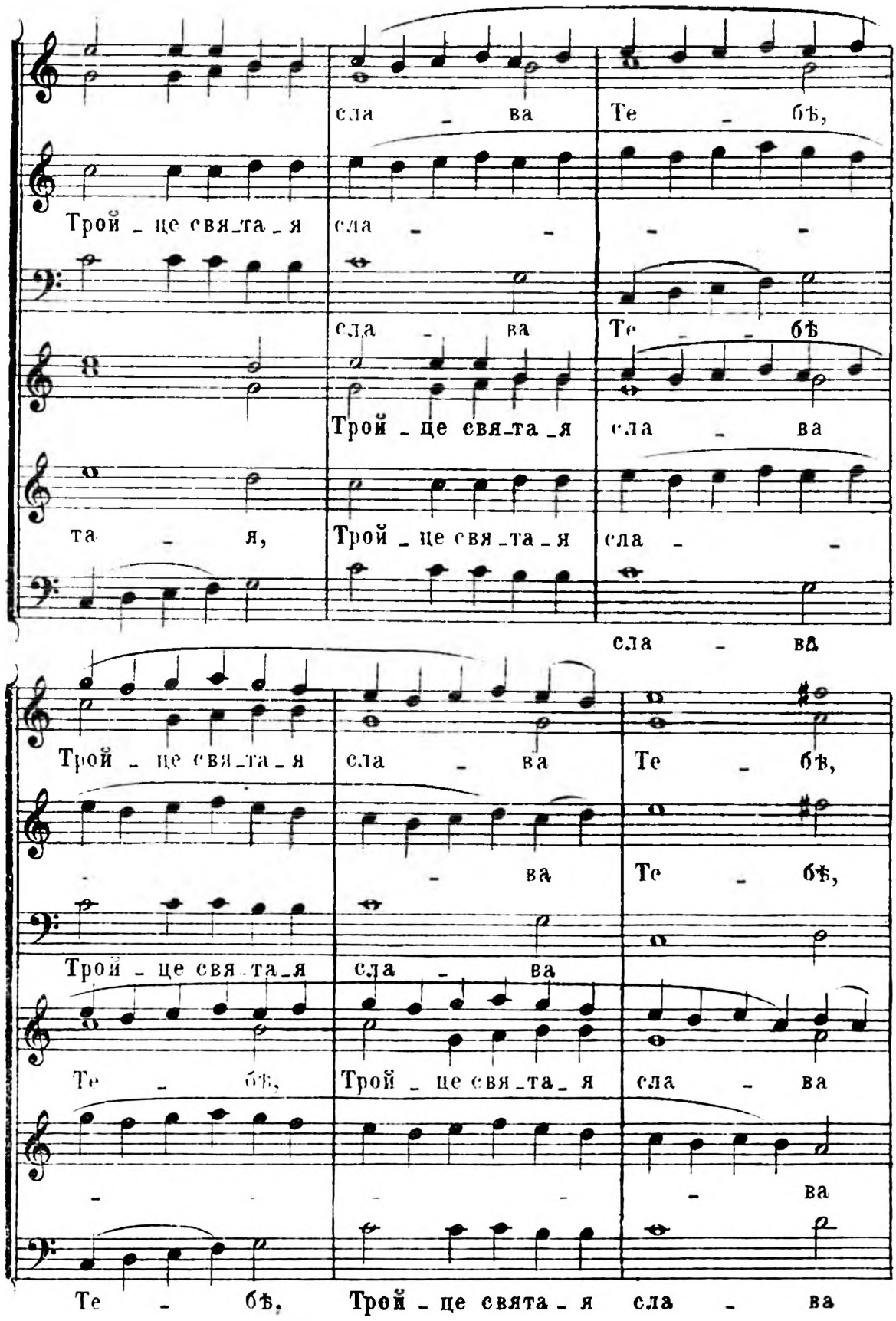

Ду-ха, свя-тый крѣп-кій,
Ду-ха, свя-тый крѣп-кій,

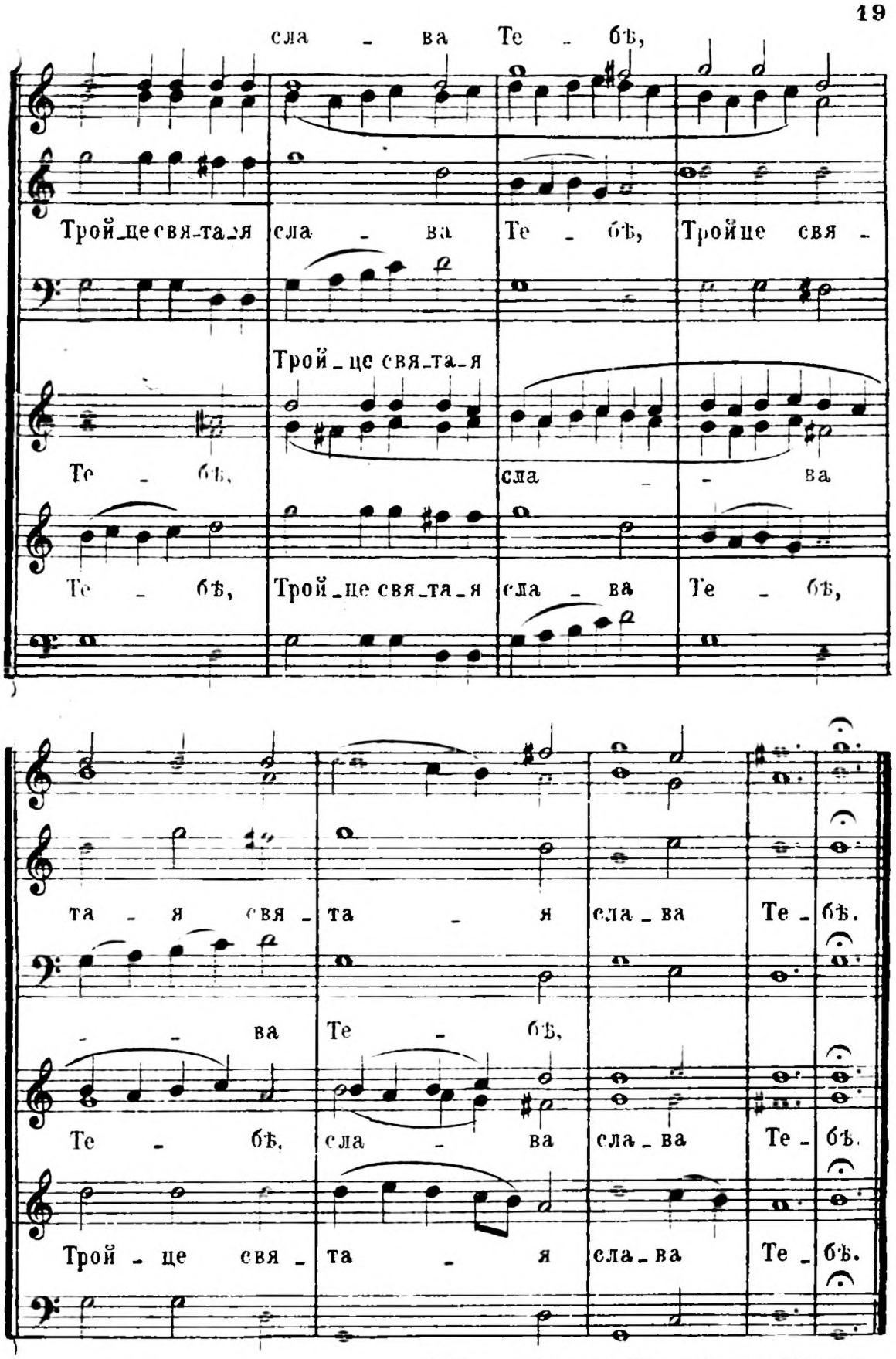

имже От_ца поз_на_хомъ и Духъ свя_тый прі_
имже От_ца поз_на_хомъ и Духъ свя_тый прі_


и_де въ міръ, свя_тый без_смертный, У_тѣши_тельный
и_де въ міръ, свя_тый без_смертный, У_тѣши_тельный


Ду - ше отъ От_ца ис_хо - дяй и въСы - нѣ
Ду - ше отъ От_ца ис_хо - дяй и въСы - нѣ


по_чи - ва - яй, Трой_це свя_та_я, свя_та - я
по_чи - ва - яй. Трой_це свя_та_я, свя_та - я, свя -


сла - ва Те - бѣ,
Трой - це свя-та-я сла - - - -
сла - ва Те - - бѣ
Трой - це свя-та-я сла - ва
та - я, Трой - це свя-та-я сла - -
сла - ва
Трой - це свя-та-я сла - ва Те - бѣ,
- ва Те - бѣ,
Трой - це свя-та-я сла - ва
Те - бѣ, Трой - це свя-та-я сла - ва
- - - ва
Те - бѣ, Трой - це свята-я сла - ва



Ното-печатня Гаврилова, Москва